

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

17 2026
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (620) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Фридрих Фрёбель (1782–1852), немецкий педагог.

Фридрих Вильгельм Август Фрёбель родился в деревне Обервайсбах в Тюрингии. Он рано лишился матери и был отдан на воспитание своему дяде, лютеранскому пастору. После окончания школы Фридрих изучал естественные науки и математику в Йенском университете, а потом увлекся идеями швейцарца Иоганна Генриха Песталоцци, который писал научные труды о развивающем обучении детей и основал в городе Ивердон собственную школу. Фрёбель устроился туда учителем и провел в школе Песталоцци два года. После этого, получив небольшое наследство, он завершил свое образование в университетах Геттингена и Берлина.

Молодой преподаватель мечтал о собственном экспериментальном учебном заведении и говорил о нем с такой страстью и таким энтузиазмом, что сумел привлечь к его созданию всю семью и ближайшее окружение. В 1817 году он открыл школу в Кейльгау, небольшой деревне в княжестве Шварцбург-Рудольштадт. Здание было куплено на средства вдовы его брата, первыми учителями стали его бывшие однокурсники, а первыми учениками — родные племянники. Все приданое отдала школе Фрёбеля и его состоятельная невеста, на которой он женился спустя год после основания заведения.

К 1826 году в школе числилось уже 60 воспитанников. Родители учеников отзывались о ней благосклонно, а сам Фридрих Фрёбель объединил свою теорию и практические наблюдения в литературном труде «О воспитании человека» (*Die Menschenerziehung*), который до сих пор цитируется в книгах по педагогике. Однако прогрессивные идеи, как это часто случается в истории, тут же нашли своих противников. Не без помощи местных священников были пущены слухи о том, что в учебном заведении насаждается атеизм и прочие «вредные и преступные мысли». И хотя посланный высшим начальством ревизор все обвинения опроверг, школа растеряла почти всех учеников и была закрыта.

На протяжении следующих 14 лет педагога преследовали неудачи. Он пытался создать новое заведение в Швейцарии, но и там столкнулся с нападками духовенства, которое отстаивало права и методику церковных школ. Он пытался донести свои идеи до высшего света и прочитал в Дрездене лекцию в присутствии королевы Саксонии, известной своей благотворительной деятельностью, но его не услышали. В итоге Фрёбель возглавил приют для сирот в швейцарском Бургдорфе. Там он впервые увидел десятки маленьких детей, лишенных родительского тепла. Из Бургдорфа Фридрих Фрёбель вернулся в Германию в твердой уверенности, что отныне будет заниматься только дошкольным воспитанием. До этого в его школах учились и малыши, и подростки.

В 1840 году в тюрингском Бад-Бланкенбурге появился первый в мире Kindergarten, в буквальном переводе с не-

мецкого «детский сад». По натуре Фрёбель был романтиком и идеалистом, последователем философии Фихте и Гегеля, и детей он действительно считал «цветами жизни»: «Малыши подобны растениям. Всем им нужен уход и защита. Каждый из них прекрасен сам по себе, но по-настоящему расцветает только в окружении своих сверстников».

Согласно теории Фрёбеля, детям до семи лет не нужно ходить в обычную школу. Их развитием и воспитанием должны заниматься специальные учреждения, основанные по принципу большой семьи: все воспитанники — братья и сестры, а их «садовница» (*Gärtnerin*), или воспитательница, — ласковая и всегда готовая прийти на помощь мама. Главными принципами провозглашались любовь и терпение, телесные наказания отменялись (последний пункт вызвал негодование в строгой, ориентированной на армейскую дисциплину Пруссии, что привело к десятилетнему запрету на «киндергартены»). Плата за детский садик была небольшой, так что его посещение могли позволить себе даже бедные горожане, при этом детей кормили три раза в день горячей пищей — роскошь, которая не всегда выпадала в те времена и на долю взрослых.

Педагог считал, что начинать раскрытие детской индивидуальности, природных особенностей и талантов каждого малыша надо с самого раннего возраста. Детский сад в его представлении был не «инкубатором», где растут одинаково идеальных младенцев, а местом, которое формирует уникальную, неповторимую и гармоничную личность. Основной методикой стали игры: Фрёбель придумал шесть «даров» для маленьких детей, которые, по его мнению, развивают все органы чувств, а также движение, мышление и речь. Первый «дар» — разноцветные мячи, остальные пять — разновидности того, что сейчас называют развивающим конструктором: это различающиеся по форме и размеру деревянные фигуры, из которых можно складывать сложные композиции.

Что касается ребят постарше, в детском саду Фрёбеля они занимались другой творческой активностью: лепили из глины, вырезали из бумаги, раскрашивали картинки, ставили простенькие пьески, ухаживали за цветами. Педагог выпустил два поэтических сборника, рекомендованных его «садовницам»: «Материнские и ласкательные песни» и «Сто песен к играм в мяч».

Слава детского сада в Бад-Бланкенбурге вышла далеко за пределы Германии. У Фрёбеля появились последователи по всему миру, его стали приглашать к себе князья и герцоги, простые учителя мечтали побывать на его лекциях.

Сам он по странной иронии судьбы так и не стал отцом: оба его брака были бездетными. Немецкий педагог-новатор скончался в 1852 году в возрасте 70 лет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Азизов А. М.**
Уклонение от уплаты налогов: проблемы правоприменения 403
- Аксёнова С. С., Литвишко Е. О.**
Коллизионные правоотношения в международном частном праве..... 405
- Ахунц А. Н., Дичалаев А. М.**
Реализация права на судебную защиту: проблемы и противоречия..... 407
- Бариев А. А.**
Детерминанты преступлений террористической направленности..... 409
- Батаева И. А.**
Злоупотребление правом и конфликт интересов в рамках представительских отношений 410
- Белоусова Е. А.**
Роль ДНК-экспертизы в расследовании преступлений против половой неприкосновенности 413
- Бугрова Е. А.**
Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессах и административном судопроизводстве 416
- Ванькин С. В.**
Международно-правовое регулирование режима черноморских проливов 418
- Виноградова Е. Ю.**
К вопросу о оценке общего имущества супругов при разделе 420
- Высотина А. М.**
Дополнительные юридические гарантии при увольнении по инициативе работодателя: исключения и пределы их применения..... 424
- Габур А. Е.**
Вовлечение несовершеннолетнего в преступление: критерии квалификации по объективным признакам состава преступления 426
- Галстян А. Г.**
Уголовная ответственность за бездействие: основания вменения и пределы обязанностей лица 428
- Данилов Я. В.**
Зарубежный опыт развития законодательства о товариществе собственников недвижимости 429
- Зухбая Г. Д.**
Проблема коррупции в системе правосудия... 432
- Ибрагимов К. С.**
Проблематика оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.... 434
- Каравайцев Н. Д.**
Интернет-аккаунт как объект гражданского права 437
- Качалко А. Д.**
Специализации киберпреступников в России в условиях цифровизации экономики 439
- Ковальчук А. В., Косолапова М. А.**
Порядок регистрации и учета несчастных случаев на производстве..... 441
- Корюкина В. Д.**
Соотношение правовых ограничений и запретов на муниципальной и государственной гражданской службе: сравнительно-правовой анализ 443
- Куликов К. Ю.**
Международное сотрудничество в области экологических рисков 445
- Курсевич Г. А.**
К вопросу о понимании вины в гражданском праве 447
- Лобачева А. А.**
Половая неприкосновенность несовершеннолетних..... 451
- Мазуров В. В.**
Экономическая концентрация: понятие и последствия..... 455
- Макарова А. Д.**
Практика реализации наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних 458

Малашина А. О.

Проблемы реализации прав детей-сирот на воспитание в семье и пути совершенствования законодательства 460

Мамедханов В. А.

Проблемы определения подсудности мировых судей по уголовным делам 463

Маслыган Д. С.

Подготовительные действия к судебному заседанию в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты 465

Миронова А. И.

Актуальные проблемы процесса доказывания дееспособности завещателя и пути их решения 469

Михайлова А. Д.

Вопросы соблюдения баланса интересов участников гражданского оборота при недействительности сделок, совершенных ограниченно дееспособными, недееспособными 471

Мухаметова Т. Р.

Проблема множественности и «однородности» правонарушений при контрольно-надзорных мероприятиях 474

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Уклонение от уплаты налогов: проблемы правоприменения

Азизов Авадья Манаширович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается правовая природа и специфика уголовно-правового преследования за налоговые преступления в России с учетом дифференциации налоговых обязанностей на федеральном, региональном и местном уровнях. Проблема заключается в отсутствии конкретизации в уголовном законодательстве относительно видов налогов, уклонение от уплаты которых образует состав преступления. Автор акцентирует внимание на возникновении правовых коллизий, при которых возможна ситуация неравенства прав субъектов в зависимости от места совершения деяния: применимость уголовной ответственности определяется наличием соответствующего налога в конкретном субъекте Федерации. Анализируются дискуссионные вопросы формального и материального состава налоговых преступлений, а также противоречия между требованиями об уплате недоимки и дополнительных обязательств (пени и штрафы) как условий освобождения от уголовной ответственности. Отмечается неоднозначность практики толкования соответствующих норм судами, что затрудняет правоприменение и создает риски юридической неопределенности. В заключение подчеркивается необходимость четкой законодательной регламентации условий освобождения от уголовной ответственности по налоговым преступлениям для обеспечения принципа законности и единообразия правоприменения.

Ключевые слова: налоги, налоговые преступления, уклонение, уплата налогов, обязанности.

Рассматривая особенности уголовно-правового преследования за налоговые преступления, нельзя обойти вниманием тот факт, что применительно к предмету преступления уголовный закон не конкретизирует, от каких именно налогов может уходить лицо. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 26.11.2019 № 48 разъясняет, что речь идет обо всех — федеральных, региональных и местных — налогах. При этом региональные и местные налоги не устанавливаются на всей территории страны одинаково: то, что является налогом в одном субъекте, в другом может не взиматься вовсе, ведь полномочия по установлению таких налогов возложены на законы субъектов и представительные органы муниципалитетов (ст. 12 НК РФ, п. 3 и 4). Это обстоятельство ставит под сомнение равное применение уголовного закона ко всем гражданам: лицо, например, в одном регионе РФ может быть признано виновным в преступлении, предусмотренном одной статьёй, а в другом — подобное деяние не образует состава преступления, потому что отсутствует объект налогообложения. Возникает правовая коллизия, когда принцип законности и равенства нарушается, ведь содержание уголовно наказуемого деяния, относящегося к налоговым преступлениям, оказывается различным в зависимости от субъекта Федерации.

Законодатель действительно фиксирует полномочия региональных и местных властей в федеральном законе —

в статье 12 НК РФ [1], но не этим исчерпывается суть проблемы. Федеральный закон определяет сферу регулирования, однако обязанность уплаты тех или иных налогов действует не повсеместно, а ограничивается конкретными административно-территориальными рамками. Получается, что вопрос принадлежности объективной стороны преступления федеральному или региональному уровню обретает принципиальное значение для уголовно-правовой оценки и влияет на объем уголовной ответственности налогоплательщиков в различных частях страны.

В научных обсуждениях нередко высказывается мнение, что правильным и логичным было бы уточнить в уголовном законе: предметом уклонения от налогов признаются только федеральные налоги. Уклонение же от уплаты остальных налогов не останется вовсе без юридической оценки, поскольку подпадает под статью 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием). Такая позиция поддерживается довольно давно в доктрине уголовного права, где рассматривается уклонение от налогов как частный случай имущественного преступления.

Вопрос квалификации состава налогового преступления — формальный ли он, или материальный — всегда был дискуссионным, однако преобладающей точкой зрения выступает формальное определение состава. В качестве признака преступления фигурирует исключи-

тельно величина неуплаченных налогов, а значительный (крупный, особо крупный) размер — это лишь цифровая граница определения общественно опасного поведения, а не показатель реального ущерба интересам государства. Тем не менее, законодатель вводит в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ требование о возмещении ущерба «в полном объеме» как условие освобождения лица от уголовной ответственности, что в условиях формального состава преступления выглядит внутренне противоречиво.

Структурно более корректно с точки зрения законодательной техники вопрос об условиях освобождения от ответственности урегулирован в примечаниях к статьям 198 и 199 УК РФ [2]. Там подчеркивается, что лицо освобождается при условии уплаты суммы неуплаченного налога (недоимки). В то же время требование, содержащееся в тех же примечаниях, об обязательной уплате вместе с налоговой недоимкой также пеней и штрафов, рассчитанных на основе налогового законодательства, вызывает определенные возражения. Это условие критично оценивается с точки зрения соответствия принципу законности, ведь уголовный закон должен четко и недвусмысленно определять основания уголовной ответственности и условия ее прекращения, не выходя за рамки признаков состава преступления [3, с. 62].

Сложившаяся законодательная конструкция уголовной ответственности за налоговые преступления противоречива и требует серьезной корректировки. Применение положений ч. 1 ст. 76.1, примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ, а также их трактовка судами не способствуют формированию единообразного и справедливого подхода при решении вопросов освобождения от уголовной ответственности. Юридической основе этого противоречия служит смешение сущности налоговой и уголовной ответственности: уголовное законодательство связывает прекращение уголовного преследования не только с устранением непосредственного вреда в виде недоимки, но и с дополнительными обязательствами по уплате пеней и штрафов, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации, которые по своей природе являются инструментом взыскания в рамках налоговых правоотношений и нацелены на укрепление фискальной дисциплины. Под-

ходы Конституционного и Верховного Суда РФ по разъяснению содержания понятия «ущерб», перечисления обязательных для погашения сумм и вопросов субъектного состава налоговых преступлений порождают неоднозначность, осложняют правоохранительную практику и приводят к неравному положению лиц, причастных к совершению таких преступлений, в том числе соучастников и так называемых «теневых директоров». Вмешательство уголовно-процессуального права в вопросы, относящиеся к налоговым спорам, также усложняет разграничение самих обязательств: в одном случае на первое место выводится реальное возмещение недоимки, в другом — расширительно толкуются требования о полном возмещении ущерба, включая пени и штрафы, что отражается на объеме и сути освобождения от уголовной ответственности. С точки зрения категоричности границ уголовного закона и принципа правовой определенности, такая дифференциация усиливает свои дисбалансы и требует урегулирования на уровне общей и особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации. Необходима четкая, недвусмысленная формулировка, однозначно закрепляющая условия снятия уголовной ответственности, чтобы минимизировать риски правовой неопределенности и обеспечить единообразие правоприменения [4, с. 271].

Таким образом, существующая система уголовно-правового реагирования на налоговые преступления характеризуется существенными пробелами и противоречиями, связанными с нечеткой конкретизацией предмета преступления, неодинаковыми правилами налогообложения в различных субъектах Федерации, а также смешением налоговой и уголовной ответственности при определении условий освобождения от уголовного преследования. Эти обстоятельства создают риск неравного применения закона, нарушают принцип юридической определенности и требуют пересмотра действующих положений уголовного и налогового законодательства с целью четкого законодательного разграничения оснований наступления и прекращения уголовной ответственности, а также приведения применяемых норм в соответствие с требованиями справедливости и единообразия правоприменения.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.04.2026)
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)
3. Белай, О. В. Понятие налогового преступления в российском праве и правовой науке / О. В. Белай // Актуальные проблемы современной науки. — 2019. — N 6. — С. 61–65.
4. Ларина, Ю. Д. Виды юридической ответственности за правонарушения в области налогов и сборов / Ю. Д. Ларина, Е. В. Шепелева // Молодой ученый. — 2022. — № 50 (445). — С. 270–273.

Коллизионные правоотношения в международном частном праве

Аксёнова София Сергеевна, студент;

Литвишко Евгений Олегович, студент

Научный руководитель: Яковлев Валерий Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В современном мире, характеризующемся глобализацией и интенсивным развитием международных экономических, культурных и социальных связей, трансграничные правоотношения становятся неотъемлемой частью правовой реальности. Огромное количество сделок, браков, рождений детей, наследования и иных юридически значимых событий имеют «иностраннный элемент», что неизбежно ставит вопрос о применимом праве. Именно здесь на первый план выходят коллизионные правоотношения, являющиеся краеугольным камнем международного частного права.

Ключевые слова: коллизионные правоотношения, коллизионная привязка, иностраннный элемент, национальное законодательство.

В современном мире, где границы становятся все более условными, а экономические, социальные и личные связи между людьми пересекают границы государства, международное частное право играет важную роль. Его основная задача — регулирование частных правоотношений, осложненных иностранным элементом, то есть имеющих связь с более чем одной правовой системой. Центральное место в данной сфере занимают коллизионные правоотношения — механизм, предназначенный для разрешения конфликтов правовых систем и определения права, применимого к конкретному трансграничному спору. Суть коллизионных правоотношений заключается в конфликте законов, то есть в ситуации, когда одно и то же частноправовое отношение может быть урегулировано законодательством разных стран. Коллизионная норма, как своего рода указатель, решает, какая из правовых систем будет предпочтительнее, тем самым устраняя правовую неопределенность и обеспечивая предсказуемость для участников трансграничных отношений. Эти нормы не регулируют материальные аспекты отношений напрямую, а лишь определяют закон, подлежащий применению.

Коллизионные нормы в международном частном праве представляют собой краеугольный камень современной системы регулирования трансграничных правоотношений. Они служат инструментом для разрешения конфликтов, возникающих вследствие применения права различных государств к одному и тому же правовому случаю. Сущность коллизионных норм заключается в указании на правовую систему, которая подлежит применению к конкретному частноправовому отношению, имеющему иностраннный элемент.

Основная задача коллизионных норм — установление правопорядка, наиболее тесно связанного с рассматриваемым правоотношением, тем самым обеспечивая предсказуемость и стабильность гражданского оборота.

Коллизионные нормы представляют собой совокупность правил, определяющих, право какой страны подлежит применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Иной раз их име-

ют нормами выбора права. Они не регулируют сами отношения по существу, но указывают на правовую систему, которая будет выступать в качестве регулятора. Ключевая функция таких норм состоит в устранении правового хаоса и обеспечении правовой определенности в трансграничных ситуациях.

Особое значение имеет разграничение между прямыми (материальными) и косвенными (коллизионными) нормами. В то время как материальные нормы непосредственно регулируют общественные отношения, коллизионные нормы лишь указывают на применение другого права, которое, в свою очередь, уже будет содержать материальные нормы, регулирующие данный спор. Эффективность коллизионных норм напрямую связана с их унификацией и гармонизацией на международном уровне, что является одной из ключевых задач международных организаций и конференций, занимающихся развитием МЧП. Многообразие форм внешнеэкономической и частноправовой деятельности порождает широкий спектр коллизионных привязок. Они могут опираться на различные признаки, такие как место жительства сторон, место совершения сделки, место нахождения вещи, закон гражданства или даже закон флага для транспортных средств. Выбор той или иной привязки зависит от специфики правоотношения — будь то семейные, наследственные, договорные отношения или обязательства вследствие причинения вреда.

«Раскрывая сущность коллизионной нормы, Н. Ю. Ерпылева полагает, что в ней есть право государству использовать её в конкретной ситуации. Но, такая коллизионная норма играет существенную роль для урегулирования частноправовых отношений. Осложняется эта коллизионная норма иностранными компонентами» [2].

Несмотря на свою фундаментальную роль в международном частном праве, коллизионные правоотношения сталкиваются с рядом серьезных проблем при практическом применении, что требует постоянного анализа и совершенствования. Одной из наиболее острых проблем является квалификация правового понятия. Возникает вопрос: по праву какого государства следует определять

содержание юридического термина, используемого коллизионной нормой? Решению этих проблем способствуют унификация коллизионных норм, разработка гибких коллизионных привязок и развитие судебной практики, направленной на обеспечение справедливости и предсказуемости в трансграничных правовых отношениях.

Сущность коллизионных норм заключается в их двухкомпонентной структуре. Первая часть, называемая «объем» или «привязка», определяет тот вид частноправовых отношений, к которому данная норма имеет отношение (например, наследование, брак, договор купли-продажи). Вторая часть, «предел» или «квалификация», указывает на то право, которое должно быть применено (например, право страны гражданства стороны, право места совершения сделки, право места нахождения вещи). Таким образом, коллизионная норма функционирует по принципу: «если имеет место такое-то обстоятельство, то применяется такое-то право».

Развитие коллизионных норм шло параллельно с эволюцией международной торговли и перемещением физических и юридических лиц через границы государств. Исторически первыми появились «национальные» коллизионные принципы, которые в значительной степени зависели от унилатерального подхода, когда государство стремилось применить исключительно свое собственное право. Позднее, с ростом взаимозависимости, стали преобладать «универсальные» коллизионные принципы, направленные на выбор наиболее подходящего правопорядка независимо от национальной принадлежности.

Важной проблемой в применении коллизионных норм является квалификация — определение того, какой аспект входящего в сферу действия коллизионной нормы отношения должен быть применен для выбора права. Различные правовые системы могут по-разному определять содержание одних и тех же понятий, что порождает «коллизии коллизионных норм» или «вторичную коллизию», требующую дополнительного урегулирования. «Наиболее существенные особенности действия коллизионной нормы сводятся к следующему. Коллизионная норма представляет собой особый юридический прием, использование которого приводит к созданию нормы отечественного права посредством использования норм иностранного права. Коллизионная норма не представ-

ляет собой норму права, она не содержит правила поведения, которое бы могло быть рассмотрено автономно от правил поведения, закрепленных в нормах иностранного права» [3].

Цифровизация транснациональных отношений открывает отдельное направление для развития коллизионных норм. Использование криптовалют, смарт-контрактов и трансграничные онлайн-транзакции создают прецеденты, требующие выработки новых коллизионных привязок. Вопрос о том, какому праву подчиняются такие отношения, становится всё более актуальным. Возможные подходы включают привязку к праву места регистрации стороны, разместившей контент, месту сервера, на котором осуществляется транзакция, или даже к «умолчательному» праву, определенному на основе анализа поведения сторон.

Кроме того, наблюдается стремление к унификации коллизионных норм на региональном и глобальном уровнях. Однако, несмотря на прогресс, сохраняются значительные различия в подходах государств, что подчёркивает важность продолжения диалога и поиска компромиссных решений. Будущее коллизионного права МЧП кроется в его способности балансировать между необходимостью обеспечения определённости и предсказуемости правового регулирования и потребностью в гибкости, позволяющей учитывать многообразие и уникальность каждого трансграничного отношения. Дальнейшее развитие будет, вероятно, связано с усилением роли судебной практики, разработкой новых, более совершенных коллизионных привязок и активным участием международного сообщества в процессе унификации.

Актуальность проблемы определения применимого права в трансграничных отношениях определяется всё возрастающим объёмом международной торговли, инвестиций и миграции. Стабильность и предсказуемость международного экономического порядка напрямую зависят от эффективности коллизионных механизмов, которые должны адекватно реагировать на динамичные изменения в правовой среде. Традиционные коллизионные привязки, зачастую основанные на устаревших критериях, не всегда способны справиться с комплексным характером современных правоотношений, учитывая их многоаспектность и географическую распространённость.

Литература:

1. Букулова, А. Ж. Коллизионное правоотношение в международном частном праве / А. Ж. Букулова. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы LXXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2023 г.). — Казань: Молодой ученый, 2023. — С. 29–34. — URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/506/18287>.
2. Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Интерперсональные коллизии в международном частном праве Израиля // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — №. 3. — С. 220–249.
3. Тихомиров Ю. А. Согласованность и коллизии норм // Московский журнал международного права. — 2021. — С. 154–164.

Реализация права на судебную защиту: проблемы и противоречия

Ахунц Артур Николаевич, студент;

Дичалаев Абдул-Малик Мухамбетович, студент

Научный руководитель: Рассахатская Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации через призму его практической реализации. Рассматриваются коллизии между декларируемыми гарантиями доступности правосудия и реальными барьерами, с которыми сталкивается участник судопроизводства. Отдельное внимание уделено позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также проблематике судебных расходов, процессуальных сроков и неравенства сторон. Выявлены системные противоречия, требующие доктринального осмысления.

Ключевые слова: право на судебную защиту, доступность правосудия, Конституционный Суд РФ, процессуальные барьеры, судебные расходы, разумный срок судопроизводства, равенство сторон.

Статья 46 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Формулировка предельно чёткая [1]. И всё же между буквой конституционной нормы и тем, что происходит в реальном судопроизводстве, пролегает значительная дистанция — дистанция, которую правоведение обязано измерить.

Право на судебную защиту в доктрине принято рассматривать как субъективное публичное право, обеспеченное государственным принуждением и корреспондирующей обязанностью судебной власти рассмотреть дело по существу.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 февраля 1998 года № 5-П указал, что данное право выступает гарантией всех иных прав и свобод, предусмотренных Конституцией. Однако практика показывает, что гарантия гарантии — это ещё не гарантия результата.

Первая и, пожалуй, наиболее очевидная точка напряжения — проблема доступности правосудия в финансовом отношении.

Судебные расходы, предусмотренные главой 7 Гражданского процессуального кодекса РФ и главой 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ, формально дифференцированы в зависимости от характера спора и имущественного положения заявителя [2].

Существует институт отсрочки и рассрочки уплаты государственной пошлины. Но фактически размер государственной пошлины по имущественным спорам — в особенности в арбитражном судопроизводстве — нередко создаёт барьер, который парализует обращение в суд ещё до его начала.

Расходы на представительство при этом кодексами лишь ограничиваются критерием разумности, а суды применяют этот критерий крайне непоследовательно. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» разъяснил, что расходы на оплату услуг представителя подлежат взысканию в разумных пределах, однако понятие разумности по-прежнему остаётся оце-

ночным и непрозрачным [3]. Суды снижают заявленные суммы кратно, не обосновывая, почему именно столько, а не иначе.

Вторая проблема — процессуальные сроки. Статья 6.1 ГПК РФ закрепляет требование рассмотрения дел в разумный срок, воспроизводя стандарт, установленный статьёй 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предоставил гражданам формальный инструмент защиты от волокиты.

Реальность, однако, расходится с замыслом законодателя. Суды присуждают компенсации в суммах, которые Европейский суд по правам человека систематически квалифицировал как недостаточные. После исключения России из Совета Европы в марте 2022 года внешний контроль над этой практикой исчез. Что останется вместо него — вопрос пока открытый.

Отдельного внимания заслуживает проблема равенства сторон. Принцип состязательности и равноправия сторон закреплён в статье 123 Конституции РФ и конкретизирован в статье 12 ГПК РФ и статье 8 АПК РФ. Но само по себе законодательное закрепление принципа не устраняет фактического неравенства.

Государство и крупные корпорации располагают ресурсами, которые частный истец не может сопоставимо противопоставить. Это неравенство проявляется в доступе к юридической помощи, в возможности затягивать процесс законными средствами, в асимметрии доступа к доказательствам.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что суд обязан обеспечивать реальное, а не формальное равенство сторон — в частности, в Определении от 12 июля 2006 года № 182-О. Но механизм реализации этой позиции в процессуальном законодательстве прописан крайне слабо.

Проблематика доказывания образует ещё один узел противоречий. По общему правилу статьи 56 ГПК РФ

и статьи 65 АПК РФ, каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые ссылается. Конструкция логичная.

Но в делах, где доказательства объективно сосредоточены на стороне ответчика — например, в трудовых спорах, в делах о защите прав потребителей, в медицинских спорах — стандартное распределение бремени доказывания фактически лишает слабую сторону возможности эффективной защиты.

Законодатель отчасти учёл это в отдельных категориях дел: статья 1064 ГК РФ допускает переложение бремени доказывания отсутствия вины причинителя вреда, Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» возлагает обязанность доказывания надлежащего качества товара на продавца. Но это частные решения, не складывающиеся в единую систему.

Институциональное измерение проблемы нельзя обойти стороной. Независимость судебной власти — конституционный принцип, закреплённый в статье 120 Конституции РФ.

Судьи несменяемы и неприкосновенны. Вместе с тем исследователи фиксируют структурные факторы, способные оказывать давление на судебское усмотрение: карьерная зависимость от председателей судов при назначении на должность и квалификационных аттестациях, статистическое давление в виде показателей стабильности судебных актов.

И. С. Еремина, анализируя организационные основы судебной системы, обращает внимание на то, что формальная независимость не тождественна независимости фактической, и разрыв между ними создаёт почву для системных искажений в правоприменении. Это не означает повсеместной зависимости — но означает, что проблема реальна и не сводится к отдельным случаям [4].

Особую остроту приобретает вопрос исполнения судебных решений. Право на судебную защиту в его конституционном смысле не ограничивается получением судебного акта — оно подразумевает реальное восстановление нарушенного права.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2005 года № 8-П прямо указал, что право на судебную защиту было бы иллюзорным без гарантии исполнения вступившего в законную силу решения.

Тем не менее исполнительное производство, регулируемое Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», на практике демонстрирует значительный разрыв между декларируемым и достигаемым.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). — М.: Норма, 2020.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026).- — М.: Норма, 2002.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». — М.: Верховный Суд РФ, 2016.

Уклонение должников от исполнения, неэффективность мер принудительного исполнения в отношении юридических лиц, длительность процедур — всё это ведёт к ситуации, при которой судебная защита состоялась процессуально, но не осуществилась содержательно.

Реформа кассационного и апелляционного производства, проведённая в 2019 году, создала систему самостоятельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, организационно отделённых от судов первой инстанции. Предполагалось, что это усилит реальную проверку судебных актов.

Первые результаты применения новой модели были восприняты с осторожным оптимизмом. Однако оценка эффективности этой реформы с точки зрения реализации права на судебную защиту требует более длительного периода наблюдения. Пока очевидно одно: структурное обособление инстанций — необходимое, но недостаточное условие качественного контроля.

Право на обращение в суд, закреплённое в статье 3 ГПК РФ и статье 4 АПК РФ, сопровождается рядом формальных условий: соблюдение подсудности, надлежащее оформление иска, уплата пошлины, предоставление необходимых документов.

Каждое из этих условий само по себе разумно. Но в совокупности они образуют систему, в которой непрофессиональный участник процесса практически неизбежно допустит ошибку, влекущую оставление иска без движения или возврат. Суды при этом не всегда обеспечивают реальное разъяснение прав в той мере, в какой это необходимо для неподготовленного заявителя.

Конституционный Суд РФ в Определении от 20 октября 2005 года № 513-О указал, что формальный отказ в принятии иска при наличии возможности устранить недостатки противоречит конституционному праву на судебную защиту. Но эта позиция воспринимается судами избирательно.

Право на судебную защиту не существует в вакууме — оно функционирует в конкретной процессуальной, институциональной и социальной среде. И именно среда определяет, насколько конституционная гарантия становится реальным инструментом. Законодательство создаёт каркас. Но то, что внутри каркаса, складывается из судебной практики, ресурсного неравенства сторон, квалификации представителей и готовности судебной системы обеспечивать не формальный, а содержательный доступ к правосудию. Разрыв между нормой и реальностью — не аномалия, а структурная черта системы, которую доктрина обязана описывать честно.

4. Ерёмина, И. С. Единство судебной власти как конституционно-правовая основа судебной системы Российской Федерации / И. С. Ерёмина, И. Ю. Писаревская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 42 (332). — С. 199–201. — URL: <https://moluch.ru/archive/332/74208>.

Детерминанты преступлений террористической направленности

Бариев Али Адамович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Определение террористической направленности преступлений требует выявления комплекса устойчивых признаков, позволяющих отграничить данную категорию деяний от иных форм противоправного поведения. Системный анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ключевые детерминанты, совокупность которых формирует специфическую природу террористических преступлений.

Первостепенной детерминантой выступает специальная цель совершения преступления. Статья 205 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо указывает на цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями [1]. Данная цель реализуется через создание обстановки страха у населения, что отличает терроризм от общеуголовных преступлений, где запугивание может быть лишь способом достижения корыстных или иных личных интересов. В. В. Меркурьев отмечает, что именно «политическая направленность террористической деятельности, выраженная в стремлении изменить государственную политику или дестабилизировать функционирование властных структур, составляет сущностную характеристику терроризма» [3, с. 166]. Отсутствие указанной цели исключает квалификацию деяния как террористического, даже при наличии иных признаков.

Способ совершения преступления представляет собой следующую значимую детерминанту. Террористические акты характеризуются применением насилия или угрозой его применения в отношении неопределенного круга лиц. Принципиальное значение имеет публичность и демонстративность совершаемых действий. Террористы намеренно выбирают места массового скопления людей, используют средства массового поражения, совершают нападения на объекты критической инфраструктуры. Взрывы, поджоги, захват заложников, вооруженные нападения осуществляются таким образом, чтобы информация о произошедшем получила максимальное распространение и вызвала резонанс в обществе.

Объект преступного посягательства при терроризме носит многоуровневый характер. Непосредственными жертвами становятся случайные лица, не имеющие отношения к конфликту между террористами и властью. Однако истинным объектом выступает общественная

безопасность в широком смысле, включающая основы конституционного строя, территориальную целостность, политическую и экономическую стабильность государства. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, подчеркивая направленность на подрыв государственных институтов [2].

Идеологическая составляющая образует самостоятельную детерминанту террористической направленности. А. Ю. Юлдашев указывает, что «террористическая деятельность всегда базируется на определенной системе взглядов, оправдывающих применение насилия для достижения политических, религиозных или социальных целей» [4, с. 92]. Идеология терроризма формирует мотивацию преступников, обеспечивает вербовку новых членов, создает систему оправдания жестоких действий. Статья 205.2 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, признавая опасность распространения экстремистских идей.

Организационная характеристика террористических преступлений заключается в их плановости и координированности. Большинство террористических актов совершается не одиночками-маргиналами, а организованными группами или террористическими сообществами, обладающими иерархической структурой, каналами финансирования, системой конспирации. Статья 205.4 УК РФ криминализирует организацию террористического сообщества и участие в нем, а статья 205.5 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности террористической организации. Наличие устойчивых организационных связей позволяет террористам осуществлять серийные нападения, создавать разветвленную сеть ячеек, координировать действия на обширных территориях.

Транснациональный характер современного терроризма составляет еще одну детерминанту. Террористические организации функционируют на территории различных государств, используют международные каналы финансирования, перемещают боевиков через государственные границы, эксплуатируют информационное пространство глобальной сети. Федеральный закон № 35-ФЗ

предусматривает международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму, признавая невозможность эффективной борьбы с данным явлением силами одного государства.

Психологическое воздействие на массовое сознание представляет функциональную детерминанту терроризма. Создание атмосферы всеобщего страха, неуверенности в способности государства обеспечить безопасность граждан, ощущения незащитности перед лицом произвольного насилия — таковы психологические последствия террористических актов. Эффект устрашения достигается не только масштабами физических разрушений, но и непредсказуемостью нападений, жестокостью применяемых методов, произвольностью выбора жертв. Информационно-психологическое измерение тер-

роризма оказывается не менее значимым, чем материальный ущерб от конкретных преступлений.

Таким образом, совокупность рассмотренных детерминант — специальная цель политического воздействия, публичные способы совершения преступлений, многоуровневый объект посягательства, идеологическая основа, организованный и транснациональный характер деятельности, психологическое воздействие на общественное сознание — образует систему признаков, позволяющих квалифицировать преступления как имеющие террористическую направленность. Установление всех указанных элементов необходимо для правильной юридической оценки деяния и его отграничения от смежных составов преступлений против общественной безопасности, жизни и здоровья, порядка управления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. N 11 ст. 1146.
3. Меркурьев В. В. Личность участника террористической деятельности: монография / под общей редакцией В. В. Меркурьева. — М.: Проспект, 2022. 366 с.
4. Юлдашев А. Ю. Терроризм и экстремизм как форма социальной девиации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 91–98.

Злоупотребление правом и конфликт интересов в рамках представительских отношений

Батаева Ирина Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследуются проблемы злоупотребления правом и конфликта интересов в представительских отношениях в российском гражданском процессе. Анализируются формы недобросовестного поведения представителей: использование полномочий в корыстных целях, игнорирование интересов доверителя, фальсификация доказательств. Выявлены проблемы в правовом регулировании конфликта интересов для неадвокатских представителей. На основе анализа определений суда показана уязвимость несовершеннолетних и недееспособных лиц при бездействии или недобросовестности их законных представителей. Обосновывается необходимость системных законодательных и организационных мер: введение обязательного этического кодекса для всех представителей, создание саморегулируемых организаций для неадвокатских представителей, законодательное закрепление обязанности уведомлять о конфликте интересов, введение страхования профессиональной ответственности, наделение суда правом отстранять представителя при конфликте интересов.

Ключевые слова: злоупотребление правом, конфликт интересов, представительские отношения, судебное представительство, законные представители, несовершеннолетние, добросовестность.

Проблематика злоупотребления правом и конфликта интересов в представительских отношениях сохраняет высокую степень актуальности, как отмечается в доктрине, злоупотребление правом представителем наиболее опасно именно потому, что оно трудно обнаруживаемо: представляемый часто не обладает юридическими

знаниями, чтобы оценить правильность действий своего представителя, а третьи лица и суд могут не располагать информацией о действительных намерениях представителя и его скрытых мотивах [7, с. 25].

Несмотря на закрепленный в статье 10 ГК РФ [1] генеральный запрет на злоупотребление правом и наличие

отдельных процессуальных механизмов противодействия недобросовестному поведению, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с многочисленными случаями, когда представители используют предоставленные полномочия в ущерб интересам доверителя. Злоупотребление правом в представительских отношениях представляет собой особую форму недобросовестного поведения, при которой представитель, имея формально предоставленные ему полномочия, использует их не для достижения законных целей представляемого, а для удовлетворения собственных интересов [8, с. 5].

К наиболее распространенным формам такого злоупотребления относятся использование полномочий в корыстных целях, когда представитель затягивает судебный процесс, подавая заведомо необоснованные ходатайства для увеличения объема своего вознаграждения; игнорирование интересов доверителя, выражающееся в согласии на заведомо невыгодные условия мирового соглашения или пропуске процессуальных сроков; фальсификация доказательств; а также нарушение принципа добросовестности в информационной сфере, когда представитель не информирует доверителя о ключевых обстоятельствах дела или скрывает наличие конфликта интересов [9, с. 141].

Особой разновидностью злоупотребления правом выступает конфликт интересов, при котором личная заинтересованность представителя влияет или может повлиять на объективное и добросовестное исполнение им своих обязанностей, примером судебной практики, который по своему эффекту может приравниваться к злоупотреблению правом, является Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2025 по делу № 33–12004/2025 (УИД 77RS0008–02–2023–004489–59) [2]. В данном деле третье лицо, достигнув совершеннолетия, обратилась с апелляционной жалобой на решение суда о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на то, что на момент рассмотрения дела она была несовершеннолетней и не могла самостоятельно защищать свои интересы, ее законный представитель (мать), участвовавшая в процессе, не обжаловала решение суда.

Суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного процессуального срока, указав, что «на момент вынесения решения суда интересы заявителя в суде представлял его законный представитель... которая принимала процессуальное участие в рамках рассмотрения указанного дела, представляла интересы несовершеннолетней, действуя добросовестно, имела возможность обжаловать судебный акт, в том числе действуя в интересах... своим правом не воспользовались». Данное дело демонстрирует сложную дилемму: с одной стороны, суд исходит из презумпции добросовестности законного представителя, с другой — создается ситуация, когда недобросовестный или просто некомпетентный законный представитель, не обжаловав незаконное решение, лишает несовершеннолетнего права на судебную защиту навсегда, поскольку после достижения совершеннолетия восстановить срок невозможно.

Другим важным примером, иллюстрирующим проблемы, связанные с защитой интересов недееспособных лиц и действиями их законных представителей, является Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2026 № 33–6930/26 (УИД 77RS0006–02–2024–008001–24) [3]. В данном деле Департамент городского имущества г. Москвы обратился с иском о признании недееспособной Ф. утратившей право пользования жилым помещением. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако судебная коллегия отменила это решение, указав, что временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма не влечет за собой изменение его прав и обязанностей, и что за Ф. сохранено право пользования жилым помещением на период ее пребывания в стационарном учреждении социального обслуживания. С точки зрения конфликта интересов, данное дело интересно тем, что здесь законный представитель недееспособной (ГБУ Социальный дом «Луговой») действовал добросовестно, защищая ее права, однако сам факт рассмотрения дела показывает, насколько уязвимы недееспособные лица перед лицом государственных органов, пытающихся лишить их жилищных прав. Если бы законный представитель действовал недобросовестно или некачественно, недееспособная Ф. могла бы потерять единственное жилье, и никакой механизм защиты ее прав после этого уже не сработал бы [10, с. 55].

Еще одним примером, демонстрирующим проблемы, связанные с действиями представителей в рамках наследственных правоотношений, является Апелляционное определение Московского городского суда от 28.10.2024 № 33–45666/2024 (УИД 77RS0022–02–2023–018754–75) [4]. В данном деле Департамент городского имущества г. Москвы пытался признать выморочным имущество, на которое наследник Ш. П. (сын умершего) в установленный законом срок обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Суд отказал в удовлетворении требований Департамента, указав, что наследник принял наследство, а его законный представитель (попечитель) действовал в пределах предоставленных полномочий. Это дело демонстрирует, что законный представитель действовал добросовестно и своевременно, защитив интересы недееспособного наследника. Однако оно же показывает, что если бы попечитель по каким-либо причинам не обратился к нотариусу в установленный срок, имущество перешло бы в собственность государства, и недееспособный наследник лишился бы наследства без какой-либо компенсации, что создает риск злоупотреблений [11, с. 16].

Проблема злоупотребления правом и конфликта интересов особенно остро проявляется в делах о взыскании задолженности по договорам займа, где законные представители несовершеннолетних наследников зачастую не имеют реальной возможности оценить обоснованность требований кредиторов. Так, Апелляционным определением Московского городского суда от 10.07.2024 по делу № 33–27382/2024 (УИД 77RS0032–02–2023–000147–76) [5]

было оставлено без изменения решение суда первой инстанции о взыскании с несовершеннолетней С. в лице ее законного представителя М. суммы основного долга по расписке наследодателя. Суд указал, что «фактическая передача денежных средств подтверждена», а «нахождение долгового документа у кредитора при отсутствии доказательств его исполнения удостоверяет наличие обязательства должника». При этом законный представитель М. ссылаясь на то, что не знала о наличии задолженности, однако суд не принял этот довод во внимание. Аналогичная позиция прослеживается и в Апелляционном определении Московского городского суда от 04.09.2024 № 33–37660/2024 (УИД 77RS0032–02–2023–016769–68) [6], где также было отказано в удовлетворении жалобы законного представителя несовершеннолетнего наследника, которая утверждала, что не давала согласия на заключение договора займа и не знала о долге. В обоих случаях суды исходили из формального подтверждения долговой распиской и отсутствия доказательств возврата долга, фактически возлагая на несовершеннолетнего наследника риск недобросовестных действий наследодателя, что при пассивной позиции законного представителя создает ситуацию, близкую к злоупотреблению правом уже со стороны кредитора, использующего упрощенный порядок взыскания [12, с. 26].

Анализ приведенной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в российском гражданском процессе отсутствует эффективный механизм защиты интересов представляемого (особенно несовершеннолетнего или недееспособного) от злоупотреблений со стороны как его собственного представителя, так и противоположной стороны, использующей формальное процессуальное законодательство. Для минимизации этих рисков необходимо принятие комплекса законодательных и организационных мер. Прежде всего, требуется введение обязательного этического кодекса для всех судебных представителей, включая неадвокатских, который должен

закреплять принципы добросовестности, запрета на конфликт интересов, обязанности информировать доверителя и суд о возможных конфликтах.

Необходимой мерой является законодательное закрепление обязанности представителей уведомлять о конфликте интересов незамедлительно после того, как представитель узнал или должен был узнать о таком конфликте, с установлением дисциплинарной и материальной ответственности за неисполнение этой обязанности. Также следует создать механизм контроля за соблюдением этических норм для неадвокатских представителей через саморегулируемые организации, которые могли бы вести реестры своих членов, рассматривать жалобы на нарушения и применять дисциплинарные меры вплоть до исключения.

Важным направлением является детальная законодательная регламентация понятия «конфликт интересов» применительно к судебному представительству с приведением примерного перечня ситуаций, которые признаются конфликтом интересов. Кроме того, необходимо установление санкций за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, включая как дисциплинарные меры, так и материальную ответственность перед доверителем. Целесообразно также введение обязательного страхования профессиональной ответственности для представителей, что повысит финансовую защищенность клиентов и будет стимулировать представителей к добросовестному исполнению обязанностей. Наконец, следует усилить судебную ответственность за злоупотребление правом в процессуальной сфере, наделив суд правом отстранять представителя от участия в деле при выявлении конфликта интересов, который не был своевременно раскрыт и урегулирован. Только системный подход способен существенно снизить риски злоупотреблений и конфликта интересов в представительских отношениях и повысить доверие граждан к институту судебного представительства в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2025 по делу № 33–12004/2025 (УИД 77RS0008–02–2023–004489–59). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2026 № 33–6930/26 (УИД 77RS0006–02–2024–008001–24). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.10.2024 № 33–45666/2024 (УИД 77RS0022–02–2023–018754–75). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2024 по делу № 33–27382/2024 (УИД 77RS0032–02–2023–000147–76). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.03.2026).
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2024 № 33–37660/2024 (УИД 77RS0032–02–2023–016769–68). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.03.2026).
7. Аргунов В. В. Диспозитивность, право быть заслушанным и законное представительство в суде: «корпоративный» парадокс / В. В. Аргунов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 1. — С. 24–28.
8. Батрова Т. А. Вопросы представительства интересов юридических лиц в судебной практике / Т. А. Батрова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 12. — С. 3–8.

9. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2022. — Т. 1: Общая часть. — 528 с.
10. Зайков Д. Е. Запрет на осуществление судебного представительства лицам, статус адвоката которых прекращен / Д. Е. Зайков // Законодательство. — 2023. — № 7. — С. 52–58.
11. Потапов В. Д. К вопросу о запрете на представительство в суде лицу, статус адвоката которого прекращен / В. Д. Потапов, Н. В. Будылин // Адвокатская практика. — 2024. — № 4. — С. 13–18.
12. Тарасов И. Н. О юридической конструкции представительства в арбитражном процессе / И. Н. Тарасов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 8. — С. 23–27.

Роль ДНК-экспертизы в расследовании преступлений против половой неприкосновенности

Белоусова Екатерина Андреевна, студент

Научный руководитель: Курбачевская Карина Идрисовна, старший преподаватель
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуется значение молекулярно-генетической экспертизы как ключевого инструмента расследования половых преступлений. Рассматриваются виды биологических следов, современные методы ДНК-анализа (аутосомная и Y-хромосомная типизация), проблемы смешанных следов и микроколичеств ДНК. Особое внимание уделяется возможностям генетической дактилоскопии для идентификации преступников по преступлениям прошлых лет, а также новейшим разработкам в области популяционной геномики. Анализируются процессуальные аспекты назначения экспертизы, требования к формулировке вопросов и оценке заключения эксперта. Делается вывод о том, что ДНК-экспертиза является наиболее надежным, а зачастую и безальтернативным доказательством по делам о половых преступлениях.

Ключевые слова: ДНК-экспертиза, преступления против половой неприкосновенности, биологические следы, генотипоскопия, Y-хромосома, идентификация личности, федеральная база данных геномной информации, расследование изнасилований.

The role of DNA Testing in investigating sexually violent crimes

The article explores the importance of molecular genetic testing as a key tool in investigating sexual assault crimes. It examines the types of biological traces, modern DNA analysis methods (autosomal and Y-chromosomal typing), and the problems of mixed traces and trace amounts of DNA. Particular attention is paid to the potential of genetic fingerprinting for identifying criminals from past crimes, as well as the latest developments in population genomics. The article analyzes the procedural aspects of ordering an examination, the requirements for formulating questions, and the evaluation of the expert's report. It concludes that DNA testing is the most reliable and often the only evidence available in sexual assault cases.

Keywords: DNA testing, sexual assault, biological traces, genotyping, Y chromosome, personal identification, federal genomic database, rape investigation.

Преступления против половой неприкосновенности относятся к категории особо тяжких деяний, характеризующихся высокой латентностью и сложностью доказывания [1]. Как справедливо отмечает профессор В. А. Образцов: «Специфика данных преступлений заключается в том, что они, как правило, совершаются в условиях неочевидности, а показания потерпевших и подозреваемых часто носят противоречивый характер» [10, с. 45]. В таких условиях особое значение приобретают объективные доказательства, среди которых ведущая роль принадлежит молекулярно-генетической экспертизе.

По данным статистики, ежегодно в России совершается около двух миллионов преступлений, из которых

32,3 % составляют особо тяжкие деяния, включая изнасилования [3].

Необходимо отметить, что знание закономерностей образования следов и объектов биологического происхождения, использование особенностей средств и методов их обнаружения, изъятия и специального исследования — одно из важнейших условий эффективности расследования преступлений против половой неприкосновенности.

При расследовании данной категории преступлений в качестве следов наиболее часто выступают следы и объекты биологического происхождения (кровь, сперма, слюна, волосы, кожа, различные выделения человеческого

организма). Для исследования данных объектов назначается молекулярно-генетическая экспертиза биологических объектов. Целью проведения данного вида экспертиз является определение природы исследуемого объекта, установление его родовой, видовой, групповой принадлежности; установление возможной принадлежности объекта исследования конкретному лицу.

При решении вопроса о возможности происхождения тех или иных выделений от определенного лица эксперту необходимо знать не только групповую принадлежность крови данного лица, но и его способность к выделительству. В связи с этим при направлении на экспертизу следов выделения (спермы, слюны, пота и т. п.) в распоряжение эксперта необходимо представить образец крови лица, от которого, согласно предположению, происходят выделения (для определения группы крови этого потерпевшего или подозреваемого), а также слюну в целях установления степени выделительства данного лица.

Сперма-является одним из наиболее информативных объектов, содержащих ДНК преступника. Согласно данным Р. С. Белкина: «Даже при использовании преступником средств барьерной контрацепции возможно обнаружение эпителиальных клеток на внешней поверхности контрацептива» [8, с. 78].

Кровь может быть обнаружена как на теле потерпевшей (при причинении телесных повреждений), так и на теле подозреваемого (царапины, ссадины от сопротивления жертвы).

Слюна, эпителиальные клетки и другие выделения — выявляются на кожных покровах в местах укусов, у потерпевшей на теле в местах борьбы, на окурках, жевательной резинке и иных предметах, оставленных злоумышленником.

Волосы — могут быть обнаружены как на теле жертвы, так и на месте происшествия.

Как подчеркивает Т. В. Аверьянова: «Важнейшим условием сохранения доказательственного значения биологических следов является своевременность их изъятия и правильность процессуального оформления» [7, с. 203]. Потерпевшим рекомендуется не принимать душ, не стирать одежду и незамедлительно обращаться за медицинским освидетельствованием, поскольку концентрация биологического материала наиболее высока в первые часы после совершения преступления.

Современная методология ДНК-анализа включает несколько ключевых этапов, каждый из которых имеет важное значение для получения достоверных результатов. Например, экстракция ДНК представляет собой процесс выделения молекул ДНК из клеток биологического образца.

Количественная оценка (квантификация) позволяет определить концентрацию человеческой ДНК в образце. Специалисты OSBI Forensic Biology Unit указывают, что «использование человеко-специфичных наборов для квантификации гарантирует, что исследуется именно ДНК человека, а не микроорганизмов или животных» [4].

Амплификация-ключевой этап, в ходе которого с помощью полимеразной цепной реакции (ПЦР) создаются миллионы копий определенных участков ДНК. Как отмечает профессор В. Н. Звягин: «Именно благодаря ПЦР стало возможным исследование микроколичеств биологического материала» [9, с. 67]. Для идентификации личности используются два основных типа генетических маркеров:

Аутосомные STR-маркеры-позволяют получить индивидуальный ДНК-профиль человека. Система CODIS (Combined DNA Index System), используемая во многих странах, включает 20 высокополиморфных участков генома, что обеспечивает высокую дискриминирующую способность.

Y-хромосомные STR-маркеры-имеют особое значение для расследования половых преступлений, поскольку позволяют анализировать мужскую ДНК в присутствии большого количества женского биологического материала. Y-хромосома передается по мужской линии практически без изменений, что позволяет не только идентифицировать конкретного преступника, но и устанавливать его популяционно-территориальное происхождение.

Одной из наиболее сложных проблем при расследовании половых преступлений является анализ смешанных следов, содержащих генетический материал нескольких лиц. Как указывает Е. Р. Россинская, «в типичной ситуации после изнасилования на теле потерпевшей и ее одежде присутствует смесь ее собственной ДНК и ДНК преступника, причем женская ДНК часто доминирует» [11, с. 145]. Для решения этой проблемы применяются специальные методы:

- 1) Y-STR анализ-позволяет селективно исследовать мужскую ДНК даже при тысячекратном превышении женской;
- 2) Дифференциальный лизис-метод разделения спермальных и эпителиальных клеток, основанный на различной устойчивости их мембран к ферментативному воздействию.

Особую сложность представляют случаи исследования контактной ДНК (touch DNA), когда на объекте остается минимальное количество эпителиальных клеток. Как отмечают зарубежные эксперты, успешность анализа таких следов зависит от множества факторов, включая характер поверхности, время контакта и условия хранения объекта.

Исключительно важную роль играет ДНК-экспертиза в раскрытии так называемых «преступлений прошлых лет». Как отмечается в официальных сообщениях Следственного комитета РФ, современные возможности молекулярно-генетической экспертизы позволяют исследовать биологические следы, оставленные на вещественных доказательствах даже спустя десятилетия [5].

Показательным примером служит раскрытие серийных изнасилований в Гомельской области, где с 1991 по 2005 год было совершено 18 нападений. Первоначальные экспертизы не дали результатов, однако спустя годы, с развитием технологий, удалось выделить генотип преступника и идентифицировать его. Совпадение генотипов является

практически неопровержимым доказательством причастности человека к преступлению, однако сам по себе биологический образец приобретает значение лишь тогда, когда есть с чем сравнивать. Это подчеркивает важность создания и ведения баз данных геномной информации.

В Российской Федерации функционирует Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ), созданная в соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации» [2]. Как отмечает В. Н. Хрусталева, «формирование таких баз данных является важнейшим условием эффективного использования ДНК-экспертизы в борьбе с преступностью» [12, с. 89].

Существенный прорыв в расследовании половых преступлений связан с внедрением методов популяционной геномики. Ученые НИИ медицинской генетики Томского НИМЦ совместно с компанией «Гордиз» разработали технологию SerOr, позволяющую по Y-хромосоме устанавливать этнотерриториальное происхождение неизвестного индивида. Как поясняет академик В. А. Степанов, «геном каждого человека состоит из базовых компонентов, связанных с историей расселения человечества. Для населения Азии выделено 18 таких компонентов, закономерно меняющих свои частоты с запада на восток. Y-хромосома структурирована еще более четко-иногда до уровня деревни или даже родового клана. Технология SerOr включает анализ 37 точек в геноме и позволяет с точностью 93–95 % определять популяционную принадлежность индивида. По подсчетам ученых, это может помочь в расследовании 20 % тяжких и особо тяжких преступлений» [6].

Еще одним перспективным направлением является использование методов генетической генеалогии. Как отмечает М. Уэстон, супервайзер подразделения GOLD (Genetics Operations Linking DNA) прокуратуры округа Кайахога (США), семейный ДНК-поиск позволяет идентифицировать преступников даже в тех случаях, когда их собственные профили отсутствуют в базах данных, но там присутствуют профили родственников.

ДНК-исследования идентификационного характера по степени надежности в целом совпадают, например, с дактилоскопическими, но информативные возможности по определению различных групповых свойств и признаков находятся на несоизмеримо более высоком уровне, что обуславливает их незаменимость. Не случайно, что процесс расследования сложных преступлений серийного характера в настоящее время практически никогда не обходится без целого ряда экспертных генетических исследований.

Проведенный в статье анализ теоретических и прикладных аспектов использования молекулярно-генетической экспертизы при расследовании преступлений против половой неприкосновенности позволяет сформулировать следующие обобщающие положения:

Во-первых, ДНК-экспертиза занимает особое место в системе доказательств по делам об изнасилованиях и иных насильственных действиях сексуального характера. Объективная природа биологических следов

(спермы, крови, слюны, эпителиальных клеток, волос), их способность сохранять генетическую информацию длительное время, а также высокая степень индивидуализации ДНК-профиля делают данный вид экспертизы наиболее надежным, а в условиях конфликтности показаний участников процесса — зачастую и единственным бесспорным источником доказательственной информации.

Во-вторых, методологический арсенал современной ДНК-диагностики позволяет эффективно решать широкий круг идентификационных и диагностических задач. Аутосомная STR-типизация обеспечивает формирование высокоспецифичного генетического портрета индивида с вероятностью совпадения, исключающей случайное совпадение. Y-хромосомный анализ, в свою очередь, предоставляет уникальную возможность исследования смешанных биологических следов, где женская ДНК многократно преобладает над мужской, что особенно актуально для половых преступлений.

В-третьих, в статье показано, что успех ДНК-анализа напрямую зависит от соблюдения процессуальных и тактических рекомендаций на досудебных стадиях. Своевременное изъятие биологических образцов, правильное их хранение, корректная постановка вопросов перед экспертом, предоставление достаточного количества сравнительного материала (кровь, слюна) — все эти факторы являются необходимыми условиями получения достоверного и имеющего доказательственное значение заключения. Нарушение любого из этапов может привести к деградации ДНК, утрате или контаминации образцов, что влечёт за собой не только процессуальные, но и криминалистические потери.

ДНК-экспертиза — это не изолированное доказательство, а элемент системы, взаимодействующий с другими источниками информации. Идентификация генетического профиля сама по себе не завершает расследование, она требует процессуального закрепления, проверки на допустимость, соотношения с показаниями участников, данными осмотра места происшествия, результатами иных экспертиз. Только в совокупности с другими доказательствами генетическая информация приобретает своё полное доказательственное значение. Молекулярно-генетическая экспертиза является на современном этапе развития криминалистики и уголовного процесса наиболее значимым, наукоёмким и доказательно ценным инструментом расследования преступлений против половой неприкосновенности. Её роль будет возрастать по мере совершенствования технологических, методических и организационных основ. Вместе с тем для полной реализации потенциала ДНК-анализа требуется системная работа по правовому, кадровому и материальному обеспечению, а также постоянное взаимодействие между следственными органами, экспертными учреждениями и научным сообществом. Без преувеличения можно утверждать, что генетическая дактилоскопия является тем фундаментальным достижением криминалистики, которое в наибольшей степени способствует восстановлению справедливости по наиболее тяжким и латентным

преступлениям против личности. И как справедливо отмечает Р. С. Белкин, «генетическая дактилоскопия стала

самым значительным достижением криминалистики со времен дактилоскопии» [8, с. 312].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря. газета. 2006. № 165.
2. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 N 242-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс.
3. «Хромосомы и преступления. Чем следственным органам поможет популяционная геномика».-URL: <https://poisknews.ru/anonsy/hromosomy-i-prestupleniya-chem-sledstvennym-organam-pomozhet-populyacionnaya-genomika/> (дата обращения: 31.03.2026)
4. «OSBI Forensic BIOLOGY Unit — Oklahoma.gov. — URL: <https://oklahoma.gov/osbi/services/criminalistics-services-division/forensic-services/forensic-biology.html> (дата обращения: 31.03.26)
5. «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации». — URL: <http://sec.sledcom.ru/center/obi.html> (дата обращения: 31.03.26)
6. «Stepor: методика для днк-идентификации. — URL: <https://www.medgenetics.ru/news/novosti-instituta/17363/> (дата обращения: 31.03.26)
7. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. — М.: Норма, 2001. — 480 с.
8. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. — М.: Норма, 2021. — 412 с.
9. Глазырин, Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий / Ф. В. Глазырин. — Свердловск, 1973. — 153 с.
10. Образцов, В. А. Выявление и изобличение преступника. — М.: Юрист, 1997. — 336 с.
11. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2022. — 688 с.
12. Хрусталева, В. Н. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. — СПб.: Питер, 2020. — 288 с.

Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессах и административном судопроизводстве

Бугрова Елена Анатольевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует проблемные вопросы применения заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве.

Ключевые слова: заключение эксперта, судебная экспертиза, специальные знания, оценка доказательств, арбитражный процесс, гражданский процесс, административное судопроизводство.

Самым фундаментальным каркасом общественной жизни, в том числе правоотношений между людьми, является правовая сфера, которая порождает множество споров о праве. Однако для качественного и профессионального ведения гражданского дела требуется специалист, обладающий специальными познаниями — юрист (представитель). Стоит учитывать, что в сфере юриспруденции сложилась практика разделения направлений (по отраслям, подотраслям), в связи с обширным кругом регулируемых нормативными правовыми актами общественных отношений.

Как известно, в разрешении гражданского спора могут принять участие заинтересованные лица, прокурор, судья, однако не все из них могут в полной мере обладать специальными познаниями в определенных ситуациях, вопросах. Тогда в дело вступает эксперт, который, на ос-

новании представленных ему вопросов и документов, уполномочен дать свое заключение — ответы на недостающие вопросы, играющие решающую роль в разрешении спорных правоотношений.

Стоит отметить, что участники судебного процесса принимают заключение эксперта как основное доказательство по делу, однако статья 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации говорит о том, что заключение эксперта для суда необязательно. [1]

По мнению Н. Н. Ткачевой, заключение эксперта приобретает большое значение для участников процесса, и считает его основным средством доказывания. [2] С её мнение невозможно не согласиться, поскольку судебная практика показывает востребованность экспертных заключений. В качестве примера можно привести множество

судебных решений. Одним из них является Решение Центрального районного суда г. Челябинска № 2–3524/2025 2–3524/2025–М-1710/2025 М-1710/2025 от 29 октября 2025 г. по делу № 2–3524/2025, согласно которого физическое лицо направляет иск в отношении управляющей компании о возмещении ущерба, причиненного вследствие затопления принадлежащей истцу квартиры в сумме 365 000 рублей. Кроме того, в иске заявлено требования о компенсации морального ущерба в сумме 50 000 рублей, а также компенсация убытков в сумме 3 500 рублей. Причиной затопления квартиры послужила течь на стояке горячего водоснабжения в квартире этажом выше. Истцом приобщен отчет специалиста, согласно которого сумма ущерба составляет 530 000 рублей. Проведенная судебная экспертиза заключила о том, что размер причиненного ущерба составил 270 000 рублей. Указанное доказательство было исследовано судом, заключение эксперта признано полным, мотивированным, выполненным с соблюдением требований законодательства. Кроме того, из материалов дела следует, что ранее страховой компанией была произведена выплата истцу в сумме 130 000 рублей. Таким образом, суд удовлетворил требование истца в части возмещения ущерба, однако установил сумму возмещения ущерба, согласно заключению эксперта, равную 270 000 рублей. [3]

Однако далеко не все судебные решения строятся только на одном экспертном заключении. Бывают случаи, когда в процессе обе стороны приобщают заключения из различных экспертных учреждений, выводы по которым могут существенно отличаться. Так, в качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2023 г. по делу № А53–7007/2021. Согласно данного решения установлено, что физическим лицом — Ивановой А. А. направлен иск в отношении ООО «Армада» о взыскании 23 000 000 рублей — стоимости доли в уставном капитале в связи с выходом из этого общества.

В ходе процесса представитель ответчика заявил ходатайство о вызове в судебное заседание эксперта ООО «Экспертное бюро оценки консалтинга» Петрова А. А. для дачи пояснений по экспертному заключению.

Из материалов дела известно, что истица, соблюдая все правила законодательства произвела выход из ООО, после чего ООО «Армада» произвела расчет Ивановой в сумме 10 000 рублей. Истица обратилась в Специализированное частное учреждение Ростовский центр судебных экспертиз для определения действительной стоимости доли, заключение по которому указало на то, что действительная рыночная стоимость доли, в размере 90.91 %, в уставном капитале ООО «Армада» по состоянию на февраль 2018 года с учетом рыночной стоимости составляет 23 000 000 рублей.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) / официальный источник правовой информации — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/13f4d5fb011e421b0822adc6ce1f0524495e5efb/ (Дата обращения: 02.03.2026).

Однако суд пришел к выводу о том, что для более точной и правовой оценки выплаты необходимо назначить дополнительную экспертизу.

Так, проведение экспертизы поручено эксперту НЭО «Центр независимых экспертиз», заключение которого показало, что рыночная стоимость 90,91 % стоимости уставного капитала составила 13 000 000 рублей.

Стоит отметить, что с учетом доводов истца, суд считает, что представленное ею ранее заключение эксперта содержит недопустимые аналогии по видам разрешенного использования земельных участков сравниваемых со спорными.

Истицей представлено в суд заключение специалиста на заключение эксперта, которое было произведено судом.

Представитель ответчика также заявил ходатайство о назначении по делу дополнительной экспертизы.

Так, судом, с учетом неустранимых сомнений в правильности проведенной экспертизы, назначено проведение повторной экспертизы, дополнив при этом вопросы. В заключении эксперта указывалось о том, что действительная доля 90,91 % в уставном капитале составляет 23 000 000 рублей.

Судом данное заключение принято в качестве надлежащего и достоверного доказательства, так как суд полагает, что заключение эксперта соответствует требованиям норм законодательства, является полным. [4]

Так, можно выделить проблему, связанную с применением заключения эксперта в судебном процессе, которая связана с тем, что эксперт владеет специальными познаниями, которыми не владеет суд, вследствие чего суд не всегда может объективно корректность применения методов исследования экспертом, а также достаточность объема представленных на исследование предметов и документов. Д. А. Кудряшов считает, что полную и объективную оценку заключения эксперта суд сможет дать с помощью допроса самого эксперта, проводившего экспертизу. [5]

Судья, не обладая специальными познаниями в той области, в которой работал эксперт (будь то строительная, оценочная или медицинская экспертиза), не может объективно проверить:

1. Научную обоснованность и актуальность примененной методики;
2. Корректность применения методики к конкретным объектам;
3. Отсутствие логических противоречий между исследовательской частью и выводами.

Таким образом, существует практический пробел, который возможно решить путем привлечения независимого консультанта, который поможет суду более объективно дать оценку заключениям эксперта в определенных спорах.

2. Ткачева Н. Н. Заключение эксперта: традиционный вид доказательства или особое средство защиты нарушенного права / Н. Н. Ткачева // Администратор суда. 2019. № 1. С. 12–15.
3. Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 29.10.2025 по делу № 2–3524/2025 // Центральный районный суд — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9yozxwj4idQ9/> (Дата обращения: 01.03.2026).
4. Постановление Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2023 г. по делу № А53–7007/2021 // Арбитражный суд Ростовской области — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AfGFm5yJwHW1/> (Дата обращения: 01.03.2026).
5. Кудряшов Д. А. К вопросу о процессуальной и экспертной оценке результатов производства комплексного экспертного исследования // В сборнике: Юридические науки. 2023. С. 72–75.

Международно-правовое регулирование режима черноморских проливов

Ванькин Сергей Владимирович, аспирант

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

В статье проводится комплексный анализ международно-правового режима черноморских проливов (Босфор и Дарданеллы) как важнейшего элемента глобальной системы морских коммуникаций и региональной безопасности. Исследуются положения Конвенции Монтрё 1936 г., ее юридическая природа и особенности применения в современных условиях. Особое внимание уделяется трансформации геополитической ситуации после 2020 г., проблемам соотношения специального договорного режима с нормами универсального морского права, а также вопросам экологической безопасности и военно-политического баланса. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию международно-правового регулирования проливов.

Ключевые слова: международное право, черноморские проливы, Конвенция Монтрё, морское право, судоходство, безопасность.

International legal regulation of the Black Sea Straits regime

The article provides a comprehensive analysis of the international legal regime of the Black Sea Straits (Bosporus and Dardanelles) as an essential element of the global maritime communications system and regional security. The article examines the provisions of the 1936 Montreux Convention, its legal nature and the specifics of its application in modern conditions. Special attention is paid to the transformation of the geopolitical situation after 2020, the problems of the correlation of the special treaty regime with the norms of universal maritime law, as well as issues of environmental safety and military-political balance. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the international legal regulation of the straits.

Keywords: international law, Black Sea Straits, Montreux Convention, maritime law, navigation, safety.

Международно-правовой режим Черноморских проливов представляет собой один из наиболее устойчивых институтов современного международного морского права, сочетающий элементы договорного регулирования и государственного суверенитета. Географическое положение проливов Босфор и Дарданеллы предопределяет их стратегическое значение как единственного выхода из Черного моря в Мировой океан, что обуславливает необходимость особого правового регулирования их использования.

Современная правовая основа режима проливов закреплена в Конвенции о режиме проливов, подписанной в Монтрё в 1936 году [1]. Данный международный договор сформировал компромиссную модель регулирования, предусматривающую признание суверенитета Турции при одновременном обеспечении свободы судоходства. В современных условиях Конвенция Монтрё ис-

пользуется как специальный международный договор (*lex specialis*), который имеет приоритет перед остальными нормами международного морского права [6].

Основной характеристикой данной Конвенции является разделение правового режима для торговых и военных судов. В торговом судоходстве используется принцип свободы прохода через проливы в мирное время, это не зависит от флага судна и характеристик перевозимых грузов [1]. Это является основным положением международного морского права о свободе мореплавания, и закрепляется это положение во многих современных источниках [5].

У Турции в конвенции Монтрё прописаны определенные контрольные полномочия, которые включают возможность введения санитарных и навигационных требований. В условиях роста числа морских перевозок особенно актуальны, так как эти меры направлены на обес-

печение безопасности судоходства и предотвращение аварий. Именно это сочетание контроля и свободы является характерной чертой режима Черноморских проливов [7].

Режим прохода военных кораблей является более детализированным. Для государств, которые не имеют выхода к Черному морю Конвенция Монтрё устанавливает систему количественных и временных ограничений [1]. Существуют ограничения тоннажа, сроков пребывания и особая процедура уведомления, эти ограничения направлены для предотвращения чрезмерного военного присутствия внешних держав.

Многие источники пишут о том, что данная система ограничений формирует особый механизм региональной безопасности, ограничивая возможность внешних держав показать силы в Черноморском регионе [4]. Именно так проявляется баланс интересов между прибрежными государствами и внешними факторами, благодаря этому балансу сохраняется устойчивость режима прохода военных кораблей.

Турция имеет право ограничивать проход военных судов в условиях угрозы войны или участия в вооруженном конфликте [1]. Этот факт усиливает роль Турции и подчеркивает ее особый статус в системе международных отношений. Исходя из практики за последние годы видно, что данное положение продолжает активно применяться, этим подтверждается актуальность Конвенции [4].

После принятия Конвенции Монтрё, морское право продолжило развиваться, что привело к формированию универсальных норм, которые закреплены в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [2]. Данный акт предусматривает режим транзитного прохода через международные проливы, но не распространяется на проливы, которые регулируются специальными соглашениями такими как Конвенция Монтрё. Черноморские проливы сохраняют уникальный правовой статус, это подтверждается современной доктриной [10].

В современных условиях требуется переосмыслить некоторые положения действующего режима. Нестабильность геополитической обстановки после 2020 года усиливает значение военного аспекта регулирования. Очень сильно возросла роль ограничений на проход военных судов, благодаря этому Конвенция Монтрё является важным инструментом поддержания стратегического баланса [4].

Не менее значимым фактором является увеличение объема морских перевозок через проливы. За счет высокой интенсивности движения и перевозки опасных грузов появляются дополнительные риски для окружающей среды, но Конвенция Монтрё не содержит развернутых экологических норм, что требует обращения к другим международным источникам.

Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78) является гарантом защиты морской среды [3]. Многие считают, что ее по-

ложения применимы к судоходству в Черноморских проливах и должны учитываться при реализации режима Монтрё. Также важное значение имеет Конвенция СОЛАС-74, которая регулирует вопросы безопасности мореплавания [9].

Современные научные исследования в области международного морского права подчеркивают, что для комплексного подхода к регулированию проливов, следует использовать как классические договорные нормы, так и новые международные стандарты [11]. В этом контексте вопрос модернизации существующих конвенций становится более актуальным.

При проведении анализа современных доктрин становится понятным, что пересмотр Конвенции Монтрё в полном объеме представляется маловероятным, потому что этот вопрос в политике остается довольно чувствительным [8]. Единственным и более реалистичным вариантом остается путь постепенной адаптации правовых норм.

Я считаю, что одним из ключевых направлений модернизации является усиление экологической составляющей. Это может включать разработку дополнительных международных соглашений или протоколов, направленных на предотвращение загрязнения и повышение безопасности транспортировки опасных грузов.

По моему мнению, не менее важным направлением является внедрение современных технологий контроля за судоходством. Цифровизация мониторинга движения судов, а также внедрение систем искусственного интеллекта, позволит повысить эффективность регулирования и снизить вероятность аварийных ситуаций.

Кроме разработки дополнительных норм и внедрения технологий, целесообразно постепенное развитие международного сотрудничества в рамках консультативных механизмов. Несмотря на ведущую роль Турции, участие других государств, а в особенности, государств, имеющих выход к Черному морю, в обсуждении вопросов функционирования проливов может способствовать повышению уровня доверия и транспарентности.

Также не стоит забывать о совершенствовании регулирования прохода военных судов. Так как в мире сохраняется геополитическая напряженность, возможно уточнение процедур уведомления и взаимодействия государств с целью предотвращения инцидентов.

Подводя итог, международно-правовой режим Черноморских проливов является уникальной правовой конструкцией, которая успешно функционирует на протяжении длительного времени. Конвенция Монтрё остается основой для регулирования и продолжает обеспечивать баланс интересов различных государств, но современные вызовы требуют её дальнейшего развития. Постепенная адаптация режима проливов должна сохранить в своей основе сочетание его фундаментальных принципов и внедрения новых механизмов регулирования. Именно такой подход позволит в будущем обеспечить устойчивость правового режима, а также его соответствие требованиям XXI века.

Литература:

1. Конвенция о режиме проливов (Монтрё, 20 июля 1936 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1937.
2. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бей 10.12.1982) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.
3. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. с Протоколом 1978 г. (МАРПОЛ 73/78) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 9.
4. Москаленко О. А. Конвенция Монтрё в современных международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 215–228.
5. Бекашев, К. А. Международное публичное право: Учебник / К. А. Бекашев — Москва: Проспект, 2019. — 1046 с. — ISBN 978–5–392–29680–4. — URL: <https://book.ru/book/937772> (дата обращения: 24.04.2026). — Текст: электронный.
6. Колодкин, А. Л. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы / А. Л. Колодкин, В. Н. Гуцуляк, Ю. В. Боброва. — М.: Статут, 2007. — 637 с.
7. Гуцуляк, В. Н. Российское и международное морское право (публичное и частное) / В. Н. Гуцуляк. — М.: Центр морского права [и др.], 2017. — 446 с.
8. Капустин А. Я. Международное право: учебник. М.: Юрайт, 2022.
9. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 6.
10. Tanaka Y. The International Law of the Sea. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
11. Churchill R., Lowe A. The Law of the Sea. 4th ed. Manchester: Manchester University Press, 2020.

К вопросу о оценке общего имущества супругов при разделе

Виноградова Евгения Юрьевна, студент

Научный руководитель: Кондратовская Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В спорах о разделе общего имущества супругов в российской практике центральное значение имеет не только вопрос о составе имущества, но и о его стоимости. От того, как суд определяет стоимость квартиры, доли в бизнесе, автомобиля или имущественных прав, зависит реальный объем прав каждого из супругов и баланс интересов детей, кредиторов и иных участников гражданского оборота.

На уровне законодательства картина выглядит достаточно определенной: Семейный кодекс РФ закрепляет законный режим общей совместной собственности супругов и формулу равенства долей при разделе, а Гражданский кодекс РФ дополняет эту модель общими правилами об общей собственности [11]. Вместе с тем анализ судебных актов высших инстанций и научной литературы показывает, что именно оценка общего имущества супругов образует зону наибольшей неопределенности, что прослеживается как в обзорах практики, так и в комментариях исследователей семейного и гражданского права [13].

Отправной точкой служат положения Семейного кодекса РФ о законном режиме имущества супругов. Закон исходит из презумпции совместной собственности всего имущества, приобретенного в период брака, а общие правила раздела и определения долей закреплены в статьях

о разделе общего имущества и норме о сроке исковой давности по соответствующим требованиям. Гражданский кодекс РФ дополняет эти положения нормой о совместной собственности супругов и общими положениями об общей собственности, отсылая к семейному законодательству.

К оценочным вопросам отсылает законодательство об оценочной деятельности: при наличии спора о стоимости имущества, подлежащего разделу, профессиональная оценка проводится по требованию хотя бы одной из сторон бракоразводного процесса; такая обязанность прямо закреплена в статье 8 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ [14]. В совокупности эти акты формируют рамки, внутри которых складывается практика определения стоимости общего имущества супругов, но не дают исчерпывающих ответов на вопросы о моменте оценки, допустимых методах и критериях учета долгов; необходимость таких ориентиров дополнительно подчеркивается в разъяснениях высшей судебной инстанции [2]. В обобщенном виде соответствующая нормативная основа представлена ниже (см. таблицу 1).

Сопоставление этих актов показывает, что законодатель подробно описывает состав общего имущества и условия отступления от формального равенства долей. При этом процедура определения стоимости остается

Таблица 1. Нормативные ориентиры оценки общего имущества супругов

Элемент регулирования	Краткое содержание	Источник
Законный режим имущества супругов	Презумпция совместной собственности имущества в период брака	Семейный кодекс РФ (гл. 7)
Правила раздела и определения долей	Раздел в браке и после расторжения; равенство долей; учет интересов детей	Семейный кодекс РФ (ст. 38, 39)
Общая собственность супругов	Закрепление режима совместной собственности; отсылка к СК РФ	Гражданский кодекс РФ (ст. 256 и нормы об общей собственности)
Обязательность оценки при споре о стоимости	Требование профессиональной оценки при споре о стоимости	Закон об оценочной деятельности (ст. 8)
Разъяснения высшей судебной инстанции	Указание на оценку имущества на момент рассмотрения дела и учет общего долга супругов	Постановления и обзоры Верховный Суд Российской Федерации

в значительной степени отданной на усмотрение суда и экспертов, что создает поле для научных дискуссий и расхождений в практике [4].

Вопрос о том, как понимать право каждого супруга на общее имущество, напрямую влияет на подход к его оценке. В научной литературе наметились две устойчивые модели. Первая исходит из того, что каждый супруг обладает правом собственности на все общее имущество в целом без заранее определенных долей, а доли формируются в момент раздела. В этой модели стоимость имущества рассматривается как параметр, необходимый для преобразования совместной собственности в долевую и для последующего исполнения судебного акта; такой подход прямо формулируется, в частности, в работах о правовых моделях собственности супругов [9].

Вторая модель акцентирует внимание на том, что доли супругов существуют потенциально с момента приобретения имущества, предполагаются равными и проявляются при необходимости удовлетворения требований кредиторов, при наследовании и при разделе. В таком подходе оценка общего имущества супругов тесно связана с защитой интересов третьих лиц и предсказуемостью гражданского оборота; ряду авторов представляется, что именно эта модель лучше объясняет эволюцию режима общности имущества супругов в российском правовом порядке [15]. Из этих различий вытекают научные проблемы, затрагивающие теоретический и практический уровень. К ключевым проблемам относятся:

1. Неоднозначность статуса права супруга на имущество до момента раздела: вещное право на долю, особое семейно-правовое правомочие или комплексное правовое состояние.
2. Соотношение семейного режима общей совместной собственности и гражданско-правового режима общей долевой собственности, в том числе после расторжения брака.
3. Пределы, в которых суд вправе корректировать распределение стоимости имущества исходя из критериев справедливости.

Указывается и на то, что понятие «имущество» в семейном праве опирается на гражданско-правовое понимание объекта права, однако перечень объектов об-

щего имущества супругов остается предметом споров, прежде всего в отношении имущественных прав требования и обязанностей по общим долгам [6]. Неурегулированность этих вопросов усложняет построение согласованной модели оценки общего имущества при разделе, особенно когда речь идет о корпоративных правах, страховых выплатах и пенсионных накоплениях.

В судебной практике центральным является вопрос о моменте, на который определяется стоимость имущества. Высшая судебная инстанция ориентирует суды на то, что стоимость общего имущества супругов подлежит определению на момент рассмотрения дела исходя из рыночной стоимости соответствующего объекта; такой вывод закреплён в ряде определений и обзоров по делам о разделе имущества супругов [5]. Такой подход связывается с учетом реальной экономической ситуации и защитой интересов обоих супругов при изменении цен между расторжением брака и рассмотрением иска о разделе.

В то же время обзоры судебной практики и аналитические материалы показывают, что долгое время в разных регионах сосуществовали три подхода. Одни суды исходили из первоначальных расходов на приобретение имущества, другие опирались на данные экспертизы, проведенной на раннем этапе процесса, третьи корректировали размер компенсации с учетом последующих вложений одного из супругов в спорное имущество [1]. Систематизация примеров таких дел представлена ниже (см. таблицу 2).

Из приведенных примеров видно, что высшая судебная инстанция стремится к единому ориентиру, основанному на рыночной стоимости на дату рассмотрения спора. Вместе с тем в практике судов субъектов сохраняются колебания: оценивая одно и то же имущество, разные составы судов по-разному подходят к вопросу о необходимости повторной экспертизы и объеме компенсации [10].

Отдельный блок проблем связан с оценкой корпоративных прав. Доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью нередко регистрируются на одного супруга, однако приобретаются в период брака и рассматриваются как общее имущество супругов. Судебная практика, опираясь на семейное и граждан-

Таблица 2. Примеры подходов к моменту оценки общего имущества супругов

Судебный акт и год	Основной объект спора	Подход к моменту оценки
Определение судебной коллегии Верховного суда РФ 2018 г.	Жилой дом и иное имущество супругов	Стоимость определяется на момент рассмотрения дела, исходя из рыночной цены; отмечается недопустимость ориентации только на первоначальные расходы.
Обзор судебной практики Верховного суда РФ 2019 г.	Различные виды имущества, в том числе недвижимость и имущественные права	Обобщается позиция о необходимости оценки на дату рассмотрения дела и учета общего долга супругов при расчете компенсации.
Определение Верховного суда РФ 2022 г. № 5-КГ22–82-К2	Квартира, оцененная экспертом в предыдущем периоде	Подчеркивается необходимость обновления оценки при изменении рыночной конъюнктуры и недопустимость механического переноса выводов устаревшей экспертизы.
Практика судов субъекта РФ по делам о разделе имущества и долгов супругов	Недвижимость и кредитные обязательства	Стоимость определяется на момент рассмотрения дела; одновременно учитываются общие долги и права требования по обязательствам в интересах семьи.

ское законодательство, исходит из того, что второй супруг вправе требовать либо признания половины доли за собой, либо выплаты денежной компенсации исходя из действительной стоимости доли; под действительной понимается доля в чистых активах общества на соответствующую дату [3]. Эта стоимость определяется как доля в чистых активах общества на дату раздела, для чего суды назначают финансово-экономические экспертизы и опираются на бухгалтерскую отчетность общества.

Не менее показательны споры об ипотечном жилье и иных объектах, приобретенных с привлечением кредитных средств. В таких делах суды одновременно определяют состав общего имущества, распределяют долговую нагрузку и устанавливают размер компенсаций при невозможности реального выдела доли. Стоимость квартиры или иного объекта нередко оказывается ниже остатка по кредиту, что ставит под вопрос экономический смысл формального признания половины объекта за каждым супругом. Высшая судебная инстанция обращает внимание на необходимость учитывать не только стоимость актива, но и объем общего обязательства, а также расходы одного

из супругов на погашение долга после прекращения семейных отношений [12].

С учетом разнообразия объектов и методов оценки полезно обобщить типичные сочетания объекта спора, подхода к оценке и процессуальных трудностей (см. таблицу 3).

Описанные особенности оценки общего имущества супругов нельзя свести только к техническому вопросу процессуального характера. Теоретические модели совместной собственности напрямую отражаются на том, как суд формулирует иски, определяет состав экспертизы и интерпретирует выводы оценщиков. При строгой привязанности к формальному равенству долей оценка превращается в инструмент механического распределения стоимости между супругами; при более гибком подходе, ориентированном на критерии справедливости и добросовестности, она приобретает дополнительное значение как средство учета поведения сторон и интересов детей.

Практика показывает, что высшая судебная инстанция допускает отступление от формального равенства долей в случаях, когда один из супругов скрывал имущество,

Таблица 3. Типичные объекты и подходы к их оценке при разделе общего имущества супругов [7]

Объект спора	Распространенный подход к оценке	Характерные процессуальные трудности
Квартира, в том числе ипотечная	Независимая оценка рыночной стоимости на момент рассмотрения дела	Необходимость повторной экспертизы при длительном процессе; учет остатка по кредиту и дополнительных вложений одного из супругов.
Автомобиль	Оценка рыночной стоимости на дату рассмотрения дела	Споры о достоверности рыночных цен, учет факта продажи без согласия второго супруга, корректировка цены сделки.
Доля в уставном капитале ООО	Определение действительной стоимости доли по величине чистых активов общества	Получение бухгалтерской документации, учет ограничений устава, влияние деловой репутации и рисков бизнеса на конечную стоимость.
Имущественные права и страховые выплаты	Оценка размера права требования на дату рассмотрения дела	Учет вероятностного характера будущих выплат, необходимость финансово-экономических расчетов, разграничение личного и общего характера права.

расходовал общие средства в ущерб интересам семьи или уклонялся от участия в общих расходах; соответствующие ориентиры сформулированы как в семейном законодательстве, так и в разъяснениях по вопросам раздела имущества супругов [8]. В этих ситуациях оценка общего имущества становится инструментом распределения не только экономической, но и юридически значимой ответственности за поведение сторон.

При рассмотрении вопросов оценки общего имущества супругов при разделе в Российской Федерации выявляются несколько устойчивых тенденций. Законодательство формирует базовую модель совместной собственности и равенства долей, но оставляет значительное пространство для судебного усмотрения в части оценки имущества и учета долгов. Судебная практика высшей инстанции вы-

рабатывает ориентир на рыночную стоимость на момент рассмотрения дела и подчеркивает необходимость комплексного учета активов и обязательств супругов.

Одновременно сохраняется ряд нерешенных теоретических и практических вопросов. К ним относятся статус права супруга на общее имущество до раздела, пределы корректировки рыночной оценки в интересах справедливости, особенности оценки корпоративных прав и имущества с высокой долговой нагрузкой. Предметом дальнейшего развития семейного и гражданского законодательства может стать более четкая регламентация момента оценки, критериев отбора методов и требований к экспертным заключениям, а научная дискуссия в сфере частного права способна придать этой регламентации устойчивый и связный характер.

Литература:

1. Верховный суд объяснил, как правильно раздать нажитое в браке // Bonus Group. — URL: <https://bonus-group.ru/verhovnyi-sud-obiasnil-kak-pravilno-razdat-nazhitoe-v-brake> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Верховный суд разъяснил, как определять цену недвижимости при ее разделе экс-супругами // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2024/01/09/plavaiushchaia-cena.html> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Доля в уставном капитале при разводе // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/dolya_v_ustavnom_kapitale_pri_razvode/ (дата обращения: 17.02.2026).
4. Жмурова С. С. Перспективы и пути совершенствования правового регулирования законного имущества супругов / С. С. Жмурова // Образование и право. — 2022. — № 9. — С. 117–124.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2018 № 19-КГ18–33 // Legalacts.ru. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27112018-n-19-kg18-33/> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Особенности раздела общих долгов супругов // Lawinfo.ru. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/7218/osobennosti-razdela-obshhix-dolgov-suprugov> (дата обращения: 17.02.2026).
7. Оценка имущества при разводе // ELS24. — URL: <https://els24.com/article/224-otsenka-imushchestva-pri-razvode/> (дата обращения: 17.02.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 17.02.2026).
9. Правовые модели права собственности супругов: проблемы регулирования собственности супругов-предпринимателей // Молодой ученый. — URL: <https://moluch.ru/archive/540/118112/> (дата обращения: 17.02.2026).
10. Раздел имущества между супругами: практика Верховного суда // BezFormata. — URL: <https://surgut.bezformata.com/listnews/imushchestva-mezhdu-suprugami-praktika/130073764/> (дата обращения: 17.02.2026).
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ff4380f81fa499927e7dc1d442880aa81e558b05/ (дата обращения: 17.02.2026).
12. Спор о разделе долгов супругов на основании судебной практики Московского городского суда // Право 163. — URL: <https://pravo163.ru/spor-o-razdele-dolgov-suprugov-na-osnovanii-sudebnoj-praktiki-moskovskogo-gorodskogo-suda/> (дата обращения: 17.02.2026).
13. Стоимость имущества, подлежащего разделу // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/toimost_imushchestva_podlezhaschego_razdelu/ (дата обращения: 17.02.2026).
14. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 № 135-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 17.02.2026).
15. Черкашина Н. В., Лаврентьева Т. В. Общая совместная собственность / Н. В. Черкашина, Т. В. Лаврентьева // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 7 (187). — С. 65–71.

Дополнительные юридические гарантии при увольнении по инициативе работодателя: исключения и пределы их применения

Высотина Алина Максимовна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

Статья посвящена анализу дополнительных юридических гарантий, предоставляемых отдельным категориям работников при расторжении трудового договора по инициативе работодателя. Исследуются основания возникновения специального правового статуса, объем предоставляемых гарантий, а также пределы их действия. Особое внимание уделяется проблеме злоупотребления правом как со стороны работников, так и со стороны работодателей при реализации указанных гарантий. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов формулируются предложения по совершенствованию законодательного регулирования.

Ключевые слова: дополнительные гарантии, расторжение трудового договора, увольнение по инициативе работодателя, исключения из общих правил, пределы гарантий, злоупотребление правом.

Additional Legal Guarantees upon Dismissal at the Employer's Initiative: Exceptions and Limits of Their Application

Vysotina Alina Maksimovna, student

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

The article analyzes additional legal guarantees provided to certain categories of employees upon termination of an employment contract at the employer's initiative. The grounds for the emergence of a special legal status, the scope of guarantees provided, and the limits of their validity are examined. Special attention is paid to the problem of abuse of rights both by employees and employers in the implementation of these guarantees. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, proposals for improving legislative regulation are formulated.

Keywords: additional guarantees, termination of employment contract, dismissal at employer's initiative, exceptions to general rules, limits of guarantees, abuse of rights.

Одной из основных целей трудового законодательства Российской Федерации является обеспечение стабильности трудовых отношений и защищенности работников от необоснованного расторжения трудового договора. Общие правила увольнения по инициативе работодателя, закрепленные в ст. 81 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), дополняются системой специальных гарантий для отдельных категорий работников. Данные гарантии носят исключительный характер, поскольку предоставляют повышенную защиту лицам, нуждающимся в особой социальной поддержке в силу семейных обстоятельств, возрастных особенностей или выполняемых функций.

Проблема определения границ действия дополнительных гарантий при увольнении по инициативе работодателя приобретает особую актуальность в связи с ростом числа судебных споров, возникающих при попытках работодателей уволить «защищенные» категории работников, а также в связи с выявлением случаев злоупотребления правом с обеих сторон трудового отношения.

Трудовое законодательство устанавливает два уровня гарантий при расторжении трудового договора. Первый уровень составляют общие гарантии, распространяющиеся на всех работников: процедурные гарантии (обязательность уведомления, учет мнения профсоюза), материальные гарантии (выходное пособие, сохранение среднего

заработка на период трудоустройства), а также запрет на увольнение в период временной нетрудоспособности и пребывания в отпуске (ч. 6 ст. 81 ТК РФ).

Второй уровень образуют специальные гарантии, предоставляемые отдельным категориям работников. Анализ норм ТК РФ позволяет выделить следующие категории лиц, пользующихся повышенной защитой:

1. Беременные женщины — для них установлен абсолютный запрет на увольнение по инициативе работодателя (ч. 1 ст. 261 ТК РФ). Исключение предусмотрено только для случая ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

2. Женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, одинокие матери, воспитывающие детей в возрасте до 14 лет (детей-инвалидов — до 18 лет), и иные лица, воспитывающие указанных детей без матери — увольнение по инициативе работодателя этих категорий не допускается, за исключением увольнения по основаниям, предусмотренным п. 1, 5–8, 10 и 11, ч. 1 ст. 81 ТК РФ (ликвидация, неоднократное неисполнение трудовых обязанностей, прогул, появление на работе в состоянии опьянения, совершение виновных действий при обслуживании денежных или товарных ценностей, представление подложных документов).

3. Несовершеннолетние работники — увольнение по инициативе работодателя (за исключением ликвидации организации) допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 269 ТК РФ).

4. Работники, избранные в состав профсоюзных органов — для них установлен усложненный порядок увольнения, требующий учета мотивированного мнения вышестоящего профсоюзного органа (ст. 374 ТК РФ).

Как справедливо отмечает З. А. Алиева, наибольший объем гарантий и компенсаций предусмотрен при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации или сокращением численности или штата работников. Именно при этих основаниях увольнения наиболее остро проявляется необходимость дополнительной защиты «уязвимых» категорий работников.

Несмотря на, казалось бы, абсолютный характер некоторых дополнительных гарантий, законодатель предусматривает ряд исключений, когда работник может быть уволен даже при наличии специального защитного статуса.

Единственным основанием, позволяющим уволить беременную женщину по инициативе работодателя, является ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуальным предпринимателем. Аналогичное исключение действует в отношении женщин с детьми до трех лет, одиноких матерей и других защищенных категорий.

Для большинства защищенных категорий (за исключением беременных женщин) законодатель допускает увольнение при совершении работником виновных действий. Как следует из содержания п. 5–8, 10 и 11 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, к таким основаниям относятся: неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей при наличии дисциплинарного взыскания; однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей (прогул, появление на работе в состоянии опьянения, разглашение охраняемой законом тайны, хищение, нарушение требований охраны труда, повлекшее тяжкие последствия); совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности; представление работником работодателю подложных документов при заключении трудового договора. Таким образом, дополнительная защита не освобождает указанные категории работников от ответственности за дисциплинарные проступки.

Пределы применения дополнительных гарантий — это установленные законодательством и правоприменительной практикой границы, за которыми предоставленная работнику защита утрачивает силу.

Одной из наиболее острых проблем современного трудового права является злоупотребление работниками предоставленными гарантиями. Как указывается в исследовании, проведенном на базе Санкт-Петербургского государственного университета, существует проблема злоупотребления правом субъектами трудового отношения

при увольнении женщин и лиц с семейными обязанностями по инициативе работодателя.

Наиболее распространенными формами злоупотребления являются: сокрытие работником факта беременности на момент заключения трудового договора с последующим предъявлением соответствующей справки при получении уведомления о сокращении; искусственное создание оснований для предоставления гарантий (например, усыновление ребенка накануне получения уведомления об увольнении); необоснованное оспаривание законных оснований увольнения с целью затягивания процесса.

В этой связи судебная практика выработала подход, согласно которому при установлении факта злоупотребления работником правом (в том числе при сокрытии беременности на момент увольнения) суды отказывают в удовлетворении требований о восстановлении на работе. Однако, как справедливо отмечается в литературе, этот подход нуждается в законодательном закреплении.

Дополнительные гарантии имеют пределы и в случае, когда продолжение трудовых отношений объективно невозможно. Например, при сокращении должности, занимаемой защищенным работником, работодатель обязан предложить ему все имеющиеся вакансии. Однако если подходящих вакансий нет, увольнение допускается с соблюдением общих процедур. При этом, как обоснованно отмечается в научной литературе, необходимо предоставить работнику возможность присутствовать при обсуждении вопроса о преимущественном оставлении на работе.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Законодательное закрепление принципа недопустимости злоупотребления правом при реализации дополнительных гарантий. Целесообразно дополнить ст. 261 ТК РФ положением о том, что факт сокрытия работником беременности или иных обстоятельств, дающих право на дополнительные гарантии, при отсутствии у работодателя возможности узнать о них из открытых источников, может служить основанием для отказа в восстановлении на работе.

2. Расширение перечня лиц, имеющих право на дополнительные гарантии, за счет включения в него отцов, воспитывающих детей без матери, и иных лиц, фактически осуществляющих уход за ребенком (дедушек, бабушек, опекунов).

3. Уточнение процедуры уведомления о предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации: определение момента, с которого следует исчислять срок уведомления, путем закрепления в ст. 180 ТК РФ правила о том, что таким моментом является дата принятия уполномоченным органом решения о ликвидации.

Дополнительные юридические гарантии при увольнении по инициативе работодателя представляют собой важнейший элемент механизма правовой защиты социально уязвимых категорий работников. Однако любая га-

рантия имеет свои исключения и пределы действия. Существующая система дополнительных гарантий в целом соответствует принципам социального государства, закрепленным в ст. 7 Конституции РФ. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно идти по

пути поиска баланса между необходимостью защиты интересов работников, нуждающихся в особой социальной поддержке, и обеспечением законных прав работодателей на прекращение трудовых отношений при наличии установленных законом оснований.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3. — Текст: непосредственный.
2. Алиева, З. А. Гарантии и компенсации работникам при расторжении трудового договора / З. А. Алиева. — Текст: непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. — 2018. — Т. 33. — № 2. — С. 128–133.
3. Гаращенко, Л. П. Гарантии, предоставляемые женщинам и лицам с семейными обязанностями при увольнении по инициативе работодателя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаращенко Лилия Павловна. — Санкт-Петербург, 2022. — 26 с. — Текст: непосредственный.
4. Дяговец, И. Р. Способы защиты прав работника при незаконном увольнении: восстановление на работе и компенсация / И. Р. Дяговец. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 43 (594). — С. 114–116.
5. Новикова, Е. А. Гарантии работникам при расторжении трудового договора: выпускная квалификационная работа / Е. А. Новикова; НИУ ВШЭ. — Москва, 2019. — 87 с. — Текст: непосредственный.
6. Бельков, А. В. Гарантийные и компенсационные выплаты в трудовом законодательстве Российской Федерации: теория и практика / А. В. Бельков, Н. В. Съедина. — Текст: непосредственный // Бизнес. Образование. Право. — 2023. — № 4 (65). — С. 220–224.

Вовлечение несовершеннолетнего в преступление: критерии квалификации по объективным признакам состава преступления

Габур Александр Евгеньевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор рассматривает вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность в теории права и судебной практики при характеристике признаков противоправности деяния. Установлены критерии преступного деяния, проанализированы их отдельные формы, установленные уголовным законом России, предложены соответствующие алгоритмы по установлению объективных признаков состава преступления по ст. 150 УК РФ.

Ключевые слова: ответственность, несовершеннолетний, вовлечение, преступление.

Уголовно-правовая характеристика того или иного запрета обеспечивается путем последовательного и системного рассмотрения отдельных элементов состава конкретного преступления. Следует признать важным для правоприменительной практики толкование термина «вовлечение» высшей судебной инстанцией, что в известной степени способствовало определенности уголовно-правового запрета.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть выражено деянием только в форме действия. Иными словами, исключается бездействие. Это обоснованно, ведь бездействие имеет место при нарушении юридической обязанности, отсутствующей здесь. Способ есть «внешняя форма, в которой вы-

разилось действие, те приемы и методы, которые использовал преступник в процессе реализации объективной стороны посяательства, то есть вовлечения» [1]. Тем более, что при классификации деяния на действие и бездействие речь идет о юридических актах, а не поведенческих, что дополнительно подтверждает начальный тезис.

В диспозиции нормы, предусмотренной ст. 150 УК РФ, указан перечень способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, где среди конкретных названы: обещание, обман, угроза. При том, что законодатель посчитал целесообразным не ограничивать правоприменителя в оценке подобного воздействия на несовершеннолетних только такими способами, диспозиция ч. 1 ст. 150 УК РФ в этой связи включает отсылку к любому другому объективному выражению вовлечения — по фор-

муле «или иным способом». Если оценка традиционных способов в качестве таковых, показанных выше, не так затруднительна, ведь имеются хрестоматийные примеры и известные шаблонные конструкции, выработанная судебно-следственная практика, то построение квалификации на иных способах совершения данного преступления, так и названных законодателем, вызывает научные и прикладные вопросы.

В юридической литературе упоминаются конкретные способы, подпадающие под признаки иного способа. В качестве такового предлагается оценивать возбуждение у несовершеннолетнего чувства мести, зависти, жалости, сострадания, жажды наживы и др. Обратим внимание, что перечисленные чувства ошибочно признавать в качестве способов вовлечения, так как они показывают лишь мотивацию того или иного поведения, довольно трудно улавливаемую средствами уголовного судопроизводства. В действительности, как пишет В. Н. Петрашева, иные способы могут выражаться, например, в уговорах, убеждениях, внушении либо в предложении совершить преступление [1,2].

Последнее обоснованно признается в доктринальных исследования наиболее спорным и неоднозначным. Показательным в данном случае является Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.05.2013 г. № 53-Д13-8, которым были отменены судебные решения. Фабула дела проста: П. предложил несовершеннолетнему Б. совершить разбойное нападение на водителя такси, убить его и завладеть автомобилем [1,3].

Высшая судебная инстанция показала, что уголовный закон требует, чтобы вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления было объективировано в виде активных действий психического и физического воздействия совершеннолетнего лица, которые были бы направлены на возбуждение желания несовершеннолетнего совершить преступление. При этом Верховный Суд РФ поставил суду первой инстанции в упрек то, что тот привлек лицо к уголовной ответственности указав в приговоре лишь: «П. предложил Б. совершить разбойное нападение на водителя такси, на что тот согласился...» [3].

Литература:

1. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. — СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 1064 с.
2. Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы / Ю. Е. Пудовочкин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2012. — № 3 (19). — С. 4–8.
3. Морозов А. И. Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ / А. И. Морозов // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 56–59.

Однако наличие каких-либо других действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, органами предварительного расследования и судом не было установлено. На основании чего далее Верховный Суд РФ заключает, что «факт совместного с несовершеннолетним участия взрослого лица в совершении преступления не образует состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Предложение совершить нападение и убить водителя такси свидетельствует лишь о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору». Высшая судебная инстанция в этой части приговор отменила и прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления, так как фактически не был установлен именно способ вовлечения.

Судебная практика отражает этот тезис, подтверждая, что главной причиной отмены судебных решения или вынесения оправдательных приговоров по ст. 150 УК РФ остаётся недоказанность или отсутствие способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений.

Кроме того, в литературе обращается внимание на то, что зачастую в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении прописываются все перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ способы, а не только те, что имели место в реальной действительности и установлены материалами дела. Возможно, данный приём используется намеренно в том случае, когда точно определить применённый способ не представляется возможным. Однако «квалификация с запасом» не может быть признана законной.

Таким образом, объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, позволяют заключить, что данная норма, прежде всего, обеспечивает уголовно-правовой охраной нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетнего. Объективную сторону составляют только действия, выраженные в способах вовлечения, которые на законодательном уровне не ограничены, хотя установления именно способа является обязательным квалификационным и доказательным моментом при привлечении к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Уголовная ответственность за бездействие: основания вменения и пределы обязанностей лица

Галстян Артур Горович, студент

Научный руководитель: Проводина Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются основания уголовной ответственности за бездействие в российском уголовном праве. Показано, что уголовная ответственность возможна только при наличии юридической обязанности действовать, реальной возможности исполнить эту обязанность, причинной связи между бездействием и последствием, а также вины лица. Делается вывод, что пределы ответственности за бездействие исключают расширительное вменение.

Ключевые слова: уголовная ответственность, бездействие, преступное бездействие, основание вменения, обязанность действовать, пределы обязанностей, причинная связь, вина, оставление в опасности.

Уголовная ответственность за бездействие представляет собой один из самых сложных институтов общей части уголовного права, поскольку здесь особенно отчетливо видна граница между юридическим долгом и нравственным ожиданием. Российский уголовный закон исходит из того, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, а лицо подлежит ответственности только за те действия или бездействие и последствия, в отношении которых установлена его вина. Из этого следует исходный вывод: при бездействии наказуемым признается не сам факт пассивности и не сам по себе наступивший вред, а такое несовершение требуемого действия, которое соединяет в себе юридическую обязанность действовать, реальную возможность исполнить эту обязанность, причинную связь с последствием и вину лица. Именно поэтому Е. В. Благов справедливо относит вопрос об основании уголовной ответственности к числу дискуссионных в российской науке, поскольку формула статьи 8 УК РФ требует каждый раз устанавливать полный состав преступления, а при бездействии это сделать труднее, чем при активном поведении [1].

В доктрине бездействие обычно понимается как пассивное поведение, выражающееся в несовершении конкретного действия, которое лицо было обязано и могло совершить в данных условиях. В. В. Болотов пишет, что деяние может принимать форму действия или бездействия, причем пассивное поведение выражается в несовершении конкретного действия, которое человек был обязан и мог совершить, и подчеркивает, что это один из самых сложных и противоречивых вопросов уголовного права. Такая формулировка позволяет выделить первое основание вменения, специальную обязанность действовать. Без нее уголовно-правовое бездействие отсутствует. Источниками такой обязанности в российской теории и практике признаются закон, служебные и профессиональные функции, договор, а также предшествующее поведение лица, создавшее опасную ситуацию. Этот подход подтверждается и самим уголовным законом. Статья 124 УК РФ связывает ответственность за неоказание помощи больному с лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или специальным правилом. Статья 125 УК РФ предусматривает

ответственность за оставление в опасности лишь тогда, когда виновный имел возможность оказать помощь и был обязан иметь о потерпевшем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние. Следовательно, российский закон проводит вполне определенную границу: уголовный упрек адресуется не любому свидетелю чужой беды, а лицу, которое связано с предотвращением вреда конкретной юридической обязанностью.

Вторым основанием вменения выступает реальная возможность действовать. Для бездействия это условие имеет решающее значение, поскольку юридическая обязанность без фактической исполнимости превращалась бы в фикцию. В. В. Болотов прямо указывает, что обязательство действовать должно быть связано со способностью человека действовать определенным образом, а при оценке такой способности необходимо учитывать законодательные ограничения, ситуацию бездействия, физические и психические качества лица, его состояние, уровень знаний, навыков и профессиональной квалификации; наличие форс-мажорных обстоятельств исключает уголовную ответственность [2]. В этой части предел обязанностей лица проявляется особенно ясно. Закон требует активности лишь в границах реально возможного поведения. Поэтому медицинский работник, спасатель, родитель, должностное лицо или иной специальный субъект отвечают по правилам о бездействии лишь тогда, когда доказано, что в конкретный момент они могли совершить требуемое действие и уклонились от него без уважительных причин. Иначе исчезает волевой характер деяния, а вместе с ним и основание уголовно-правового упрека.

Третьим элементом остается причинная связь, вокруг которой сосредоточены основные теоретические споры. Для активного поведения причинение результата обычно воспринимается более наглядно. При бездействии требуется показать, почему именно несовершение действия стало юридически значимым фактором наступившего вреда. Г. А. Есаков, анализируя сложные случаи причинности, пишет, что деяние является причиной результата в уголовно-правовом смысле постольку, поскольку оно предшествует результату во времени, без него именно такой результат не наступил бы и оно является последним

во времени осознанным человеческим деянием перед результатом, причем это правило подлежит ограничениям и уточнениям [3]. Для бездействия данная формула работает только при учете специальной обязанности действовать. Иначе причинная связь подменяется ретроспективным упреком по типу «мог бы предотвратить». В. В. Болотов в этой связи верно замечает, что основным признаком причинной связи при бездействии является конкретное обязательство совершить действие, момент которого определяется возможностью достижения положительного результата. Поэтому причинная связь здесь должна устанавливаться через два взаимосвязанных вопроса: входило ли предотвращение данного вреда в круг обязанностей лица и сохранялась ли у него реальная возможность воспрепятствовать наступлению последствий.

Четвертым основанием вменения является вина. Статья 5 УК РФ исключает объективное вменение, и это правило имеет для бездействия принципиальное значение. Суд должен установить психическое отношение

лица к собственной пассивности и к последствиям. В зависимости от конструкции состава вина может выражаться в умысле или неосторожности. В статье 125 УК РФ закон использует признак заведомости, что указывает на умышленный характер оставления в опасности. В статье 124 УК РФ последствия прямо связаны с неосторожностью. Следовательно, сама форма деяния, бездействие, еще не определяет форму вины. Она определяется содержанием конкретной нормы и фактическими обстоятельствами дела.

Отсюда вытекает общий вывод. Пределы обязанностей лица в сфере преступного бездействия задаются сразу несколькими критериями: наличием специальной обязанности, фактической возможностью действовать, пределами причинной связи и виной. За этими пределами бездействие может получать моральную, дисциплинарную или гражданско-правовую оценку, однако оснований для уголовной ответственности уже нет. Именно в таком понимании институт бездействия сохраняет связь с принципом законности и препятствует расширительному вменению.

Литература:

1. Благоев, Е. В. Об основании уголовной ответственности / Е. В. Благоев // Lex Russica (Русский закон). — 2019. — № 1(146). — С. 97–107. — DOI 10.17803/1729–5920.2019.146.1.097–107.
2. Болотов, В. В. Бездействие как форма преступного поведения / В. В. Болотов // Российско-азиатский правовой журнал. — 2020. — № 1. — С. 6–8.
3. Есаков, Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика / Г. А. Есаков // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 1. — С. 81–102. — DOI 10.17323/2072–8166.2016.1.81.102.

Зарубежный опыт развития законодательства о товариществе собственников недвижимости

Данилов Ярослав Владимирович, студент магистратуры
Московский экономический институт

Проанализированы актуальные аспекты зарубежного опыта развития о товариществе собственников недвижимости. Обращено внимание на основные проблемы зарубежного законодательства о товариществе собственников недвижимости. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: жилищное самоуправление, самоуправление недвижимостью, товарищество собственников жилья.

Foreign experience in the development of legislation on the partnership of real estate owners

Danilov Yaroslav Vladimirovich, master's student
Moscow Economic Institute

The current aspects of the foreign development experience on the partnership of real estate owners are analyzed. Attention is drawn to the main problems of foreign legislation on property owners' associations. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: housing self-government, self-government of real estate, homeowners association.

Управление недвижимостью в большинстве зарубежных государств рассматривается как один из важнейших институтов гражданско-правового регули-

рования. Это связано с повышенным вниманием западного правопорядка к институту собственности, а также особой осмотительностью и высокой степенью ответ-

ственности западных собственников за своё имущество. Отметим, что в качестве наиболее передовых рассмотрим примеры из западных правовых порядков, поскольку именно они послужили образцом для законодательства многих государств, реципировавших англо-саксонское и Романо-германское право. Также подчеркнём, что многие примеры будут касаться жилищной сферы как наиболее иллюстративной и тщательно изученной в литературе сфере управления недвижимостью. Однако данные примеры будут справедливы и для иных сфер управления недвижимостью.

В большинстве зарубежных государств управление недвижимостью рассматривается как особый вид предпринимательской деятельности, за который управляющая компания получает фиксированную сумму вознаграждения от собственников помещений. Основное управление состоянием общего жилищного фонда осуществляется товариществами собственников недвижимости.

Наименование таких объединений по праву различных государств может различаться. Наибольшее распространение получила такая форма, как кондоминиум. Термин кондоминиум имеет древнеримское происхождение. По римскому праву под ним понималась всякая форма совместной собственности. Управление совместной собственностью осуществлялось по взаимному согласованию между всеми собственниками. В дальнейшем название кондоминиума получили всякие формы объединения совместных собственников, осуществляющие взаимное управление совместной собственностью. Например, во Франции такие сообщества получили название синдикатов, в США — жилищные кооперативы, в Финляндии — квартирные акционерные общества [1].

Как отмечают исследователи, особенностью западной модели данных институтов является долгий процесс их формирования, обостренное чувство собственника и ответственности за своё имущество у гражданина западного типа. Как подчеркивает П. В. Крашенинников, просто факт приватизации не может сформировать у гражданина психологию собственника, для этого необходимы долгие годы обладания собственным жильем. Нельзя не признать, что в этих словах есть доля правды — советский гражданин не был полноценным собственником своего жилья, он получал его от государства. То же самое было и в царское время, когда собственность у крестьян была преимущественно коллективной.

На Западе, напротив, концепция коллективного управления недвижимостью имеет длительную историю формирования, тянущуюся ещё со времён римского права. Например, в Англии первый закон в данной области был принят ещё в 19 веке, во Франции закон об общей собственности действует с 1965 года [2].

Многие организации собственников недвижимости в европейских государствах весьма влиятельны и могут способствовать формированию политики государства в жилищной сфере. Например, Шведский союз кварти-

роземщиков действует с 1923 года и весьма известен даже за пределами страны. Национальное отделение союза напрямую работает с парламентом и правительством страны, региональные и местные — с региональными и местными администрациями. Например, Союз добился принятием парламентом страны закона, согласно которому парламент определяет размер квартплаты за каждый год (в Швеции он устанавливается законом) с учётом мнения граждан, интересы которых выражает Союз. Эффективность работы Союза очень высока — по оценкам специалистов, шведские стандарты в области жилищной политики являются одними из самых прогрессивных в мире. Основная задача союза — обеспечить всем гражданам жильё высокого качества по доступной цене. Как итог, союз добился того, что большинство граждан Швеции имеют примерно равные и одинаково благоприятные жилищные условия. Похожая система примеряется во многих европейских государствах с продвинутым уровнем жизни — например, в Нидерландах существует две общенациональные общественные организации собственников.

В большинстве зарубежных государств распространение получило управление недвижимостью управляющими компаниями, которые являются профессиональными субъектами рынка. Деятельность по управлению недвижимостью рассматривается как особый вид предпринимательской деятельности, подлежащий лицензированию и обязательному страхованию рисков. Иногда управление возлагается на профессионального управляющего, который является председателем правления объединения собственников. Например, в Германии управляющий должен иметь высшее экономическое, юридическое или инженерное образование. [3] В Венгрии с 1999 года существуют аккредитованные правительством Венгрии курсы «управляющий жильём» и «управляющий недвижимостью». Претендент на должность управляющего должен обязательно иметь образование по данным программам. В США управление недвижимостью осуществляется узко специализированными компаниями, которые заключают договор с собственниками. Каждая сфера управления осуществляется отдельной компанией. В Германии для инженеров существует отдельная специализация — управление жилыми домами. В Англии существуют органы для повышения грамотности собственников — например, Фонд развития соседских сообществ Лондона. Во Франции управляющий должен иметь специальную карточку, выдаваемую префектом.

Интересно, что при выборе управляющей компании ответственность за принятие решений по содержанию имущества перед собственниками продолжает нести кондоминиум. Однако для установления баланса в правоотношении по законодательству многих государств обязателен институт страхования ответственности управляющего.

Интересна модель ТСН, применяемая в Германии. По законодательству Германии членство в ТСН является не правом, а обязанностью собственника.

В жилищной сфере аналогичное правило действует в Швейцарии, Польше, Дании, Нидерландах. Приобретая, например, квартиру в многоквартирном доме, гражданин становится членом ТСН автоматически. Кроме того, если в данном доме уже имеется ТСН, собственник обязан в него войти. В некоторых государствах создание ТСЖ обязательно при постройке жилища, но собственники, в дальнейшем приобретшие недвижимость в доме, имеют право в него не входить (Литва, Беларусь, Молдова, Словакия). Интересно, что единственным Европейским государством, сохранившим полную добровольность членства в ТСН для всех собственников, является Россия. [4]

Объединения собственников во многих государствах являются закрытыми и для того, чтобы войти туда, недостаточно просто приобрести недвижимость, надо получить ещё согласие объединения собственников на её приобретение. Так, в Венгрии, Эстонии для приватизации жилья необходимо согласие объединения собственников. Это создало определенное равенство при управлении как жилым фондом, так и недвижимостью в целом, поскольку имущественное состояние собственников получилось примерно равным. В США в случае продажи собственником недвижимости преимущественным правом её покупки наделяются иные члены ассоциации собственников. Судебной практике США известны случаи, когда суды удовлетворяли иски ассоциаций, блокировавших продажу недвижимости одним из своих членов, не рассчитавшимся с Ассоциацией по взносам.

Заслуживает внимания модель объединения собственников недвижимости в Финляндии. Коренное отличие финской системы от своих аналогов в том, что здесь избрана принципиально иная форма объединения собственников — акционерное общество. Как предписывает Закон Финляндии о жилищных компаниях, собственником общего имущества является АО как юридическое лицо, а не просто все собственники в целом. Акционер

вносит периодическую плату за содержание общего имущества. Количество акций влияет на степень финансового участия в содержании имущества — основное бремя в содержании ложится на полных акционеров, обладающих наибольшим процентом акций. Наименьшим процентом, обладают, как правило, лица, снимающие жильё у частных собственников. У каждого АО есть устав, в котором прописываются правила пользования имуществом. За нарушение данных правил лицо может быть подвергнуто штрафу. Возглавляет АО управляющий, избираемый общим собранием собственников, должность является оплачиваемой. Управляющий либо управляет недвижимостью сам, либо назначает профессионального субъекта. Акционерное общество является при этом юридическим лицом с общей неограниченной правоспособностью. Членство в таком юридическом лице является обязательным для собственника. Финская модель в определенных условиях продемонстрировала свою эффективность, особенно в жилищной сфере. Темпы строительства многоквартирного жилья в Финляндии значительно превосходят другие европейские страны, такие как Франция или Германия. Жилищные стандарты при этом считаются одними из лучших в мире.

Почти во всех государствах ТСН имеют права юридического лица, главным образом, некоммерческого. Однако в очень немногих государствах пошли на похожее решение с Российским законодателем, избрав товарищество в качестве организационно-правовой формы таких юридических лиц. В очень многих государствах кондоминиумы имеют статус ООО (например, в Германии, Нидерландах). Правоспособность таких корпораций очень широка. Например, в Нидерландах, Швеции кондоминиумы имеют право заключать широкий круг сделок коммерческой направленности, например, брать кредиты. В Российской практике встретить такое чрезвычайно сложно.

Литература:

1. Качалова А. В. Новое в правовом регулировании организации и деятельности товариществ собственников недвижимости // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 6 (211). С. 57–68.
2. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Некоторые аспекты правового регулирования товариществ собственников недвижимости // *Семейное и жилищное право*. 2025. № 2. С. 28–30.
3. Цедрик В. А., Барышников Ю. В., Калашников С. С. Правовые особенности управления многоквартирными домами: отечественный и зарубежный опыт // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 6 (169). С. 189–191.
4. Джопуа Л. М. Отечественный и зарубежный опыт управления многоквартирными домами // В сборнике: *Актуальные проблемы развития цивилистической науки* — 2023. Сборник научных трудов XVIII Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 54–61.

Проблема коррупции в системе правосудия

Зухбая Георгий Давидович, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье автор поднимает вопрос о проблеме коррупции в системе правосудия.

Ключевые слова: коррупция, система правосудия.

Слово «коррупция» в переводе с латинского «*corrumpere*» означает развращать, портить, подкупать, растлевать, и по сути, является не юридическим термином, обозначающим обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащим установленным правилам, то есть законодательству.

Чаще всего термин применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. В европейских языках соответствующий термин обычно имеет более широкое значение, вытекающее из первичного, то есть исходного латинского слова. Феномен коррупции не может иметь одного единственного определения, как было отмечено на международной конференции по борьбе с коррупцией в Амстердаме в 1992 году.

Коррупционные явления подрывают веру человека в справедливость, которая «одновременно и правовой принцип, и нравственно-этическая категория».

В настоящее время динамика развития коррупции свидетельствует о том, что инструменты борьбы с ней оказываются неэффективными. Выход коррупции на новый транснациональный уровень и ее институализация заставляет мировое сообщество не только объединяться в противодействии, но и принимать глобальные международные правовые меры [1].

Само понятие «коррупция» известно человечеству с древнейших времен и появилось оно вместе с возникновением государства и аппарата управления.

Российское государство тоже имеет свою «историю противодействия коррупции». Так Судебник Ивана III 1497 г. впервые установил запрет на получение «посула» (взятки). Соборным Уложением 1649 г. вводилась ответственность за волокиту и отказ от разбора дела, посул, подделку ссудного списка дьяками и подьячими, за вынесение несправедливого решения судей.

Современное международное право использует понятие «коррупция» с 50-х годов XX века, и в его определении сложилось два основных подхода.

Первый, когда формулируется четкая дефиниция, где в большинстве случаев коррупция фактически приравнивается к взяточничеству.

Второй отсылает к перечню коррупционных правонарушений, подлежащих криминализации и включающий в себя список корыстных служебных злоупотреблений — подкуп национальных публичных должностных лиц, злоупотребление служебным положением, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имуще-

ства публичным должностным лицом, хищение, подкуп иностранных публичных должностных лиц, злоупотребление влиянием в корыстных целях и т. д.

На 34-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка было сформулировано примерное определение коррупции как выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без.

Основным законом в России в данной сфере является Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ, который содержит в себе следующее определение:

1. Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
2. Совершение тех же деяний от имени или в интересах юридического лица.

В настоящее время коррупция является одной из главных проблем российского государства, особенно судебной власти.

Данное явление в судебной власти понимается как использование должностных полномочий для личной выгоды, наносящей ущерб правам граждан, судьями и должностными лицами, занимающимися административным руководством судебными органами, нарушающими Конституцию Российской Федерации, и другие нормативно-правовые акты [2].

Так, первым заместителем председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Юрием Афоным было отмечено, что за первые десять месяцев 2025 года в России зарегистрировано на 12 % больше коррупционных преступлений, чем за тот же период прошлого года.

Отвечая на вопрос о решении проблемы, он выделил путь совершенствования законодательной базы, а именно рассказал о законопроекте, который позволит арестовывать имущество лиц, причастных к любым коррупци-

онным преступлениям, и расширить применение конфискации, поскольку крупные коррупционеры прячут свое имущество по подставным лицам, в связи с чем нужен правовой механизм для ареста данного имущества.

Также Александр Иванович отметил необходимость усовершенствования правовой базы для борьбы с выводом преступных активов за рубеж и для возвращения их обратно.

Кроме этого, затронул укрепление кадрового потенциала правоохранительных органов, поскольку сегодня в правоохранительной системе заметный дефицит кадров, для преодоления которого необходимо принимать меры по увеличению денежного довольствия и объема социальных гарантий для сотрудников.

Возвращаясь к судебной системе, к основным причинам коррупции можно отнести внешнее или внутреннее влияние, оказываемое на судей или должностных лиц, для изменения итога правосудия. Также причиной является несоответствие судей требованиям независимости и нравственности.

Виды коррупции можно разделить на взяточничество и злоупотребление из личных побуждений. Имеют место и нарушения закона по просьбе вышестоящего лица, от которого судья может находиться в зависимости.

Важной гарантией является независимость судей, утвержденная в статье 120 Конституции Российской Федерации, которая подчеркивает, что судьи подчиняются только Конституции и федеральным законам.

Коррупция в судебной системе оказывает влияние на стабильность государственной власти и ее репутацию среди граждан. Данное явление затрагивает права и интересы людей, разрушает доверие к правоохранительным органам и нарушает основы социальной справедливости [3].

Для борьбы с данной проблемой разработаны антикоррупционные стандарты, закрепленные в законодательстве. Эти нормы помогают ограничивать коррупционные процессы, обнаруживать случаи нарушений и минимизировать их отрицательные последствия.

Важным шагом в антикоррупционной деятельности России стало ратифицирование Конвенции ООН против коррупции 8 марта 2006 года, что наложило на страну обязательства по внедрению эффективных механизмов противодействия ей.

Так, основными направлениями деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции являются:

1. Проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции;
2. Введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области;

3. Неукоснительное соблюдение принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность;

4. Совершенствование порядка прохождения государственной и муниципальной службы и другие.

Один из наиболее эффективных подходов к борьбе с коррупцией заключается в повышении прозрачности судебных процессов, что может включать в себя публичное ведение судебных заседаний по резонансным делам, которые транслируются в реальном времени и доступны для просмотра общественностью. Также важно обеспечить доступ к судебным документам и решениям через интернет-порталы, что позволит гражданам и специалистам в области права контролировать процессы и решения, а также более доступно отслеживать судебную практику [5].

Укрепление ответственности судей является не менее значимым вопросом. Необходимо создать независимые надзорные органы, которые могли бы рассматривать жалобы на действия судей и применять к ним дисциплинарные меры за коррупционные действия. Такие органы должны быть укомплектованы квалифицированными специалистами и обладать достаточными полномочиями для проведения расследований и применения мер воздействия.

В настоящее время, согласно Методическим рекомендациям по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, квалификационная коллегия судей в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» проводит проверки жалоб и сообщений граждан и организаций, содержащих сведения о совершении судьями дисциплинарных проступков, о несоблюдении требований антикоррупционного законодательства судьями и судьями в отставке [4].

Кроме того, важно установить четкие, прозрачные и объективные критерии для назначения на судебские должности. Процессы отбора должны включать проверку кандидатов на предмет их профессиональной этики и личной подверженности коррупции. Постоянное образование по вопросам этики и коррупции могут помочь судьям развивать устойчивость к коррупционным предложениям. Однако важным является повышение оплаты труда судей, поскольку зачастую ее уровень не соответствует нагрузке и ответственности, которую несут судьи [6].

Таким образом, внедрение методов требует усилий правительства, правосудия и, что важнее всего, общества. Только комплексный подход к проблеме коррупции может обеспечить ее решение и восстановление доверия к судебной системе, а справедливая, прозрачная и ответственная судебная система является основой демократического общества.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция).
3. Методические рекомендации по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.
4. Саморуков, А. А. Стандарты антикоррупционной деятельности на государственной службе субъекта Российской Федерации: учебное пособие / А. А. Саморуков. — Оренбург: ОГУ, 2016. — 133 с. — ISBN 978-5-7410-1407-3. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/98136> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.]; под редакцией В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2022. — 434 с. — (Высшее образование). — Текст: непосредственный.
6. Гандалоев Р. Б. Технологии борьбы с коррупцией в органах государственной власти // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-borby-s-korrupsiyey-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti> (дата обращения: 17.04.2026).

Проблематика оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Ибрагимова Камилла Самаддиновна, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Статья посвящена проблематике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а именно обоснования ходатайств следователя, а также мотивировки судебных решений. Кроме того, особое внимание уделяется вопросам обеспечения баланса между защитой прав личности и обеспечением безопасности общества, анализируются юридические критерии и практические аспекты, влияющие на принятие таких решений, а также их влияние на права и свободы человека. Уделяется внимание судебной практике и нормативно-правовым актам, регламентирующим данную меру. Центральное место в статье занимает обоснование необходимости четкого взаимодействия законодательства и судебной практики для формирования обоснованных и справедливых решений, а также подчеркивается важность системного подхода к выбору мер пресечения. Работа призвана способствовать развитию правовой науки и практики в области избрания мер пресечения, а также повысить качество правосудия в сфере уголовного закона.

Ключевые слова: мера пресечения, стража, ходатайство, основания, суд, следователь, прокурор

Problematics of the grounds for selecting a preventive measure in the form of remand in custody

Ibragimova Kamilla Samaddinovna, student
Russian University of Transport (MIIT) (Moscow)

The article is devoted to the issue of choosing a preventive measure in the form of detention, and the problem of substantiating petitions

Keywords: preventive measure, custody, petition, grounds, court, investigator, prosecutor

Под мерами пресечения понимаются меры принудительного воздействия, связанные с лишением или ограничением свободы, личных и имущественных прав, в целях предупреждения или пресечения уклонения от дознания, следствия или суда, а также продолжения преступной деятельности либо воспрепятствования производству по уголовному делу.

Основаниями избрания мер пресечения являются имеющиеся в уголовном деле доказательства, свидетельствующие о том, что подозреваемый или обвиняемый может

скрыться от следствия, угрожать свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, а также уничтожить доказательства или воспрепятствовать производству по уголовному делу [6].

Условиями избрания мер пресечения выступают требования уголовно-процессуального закона, соблюдение которых способствует принятию законного и обоснованного решения о применении меры пресечения.

Обращаясь к статистике, по информации из доклада Председателя Верховного Суда Российской Федерации по

итогах 2024 года, в суды поступило 97 тысяч ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых 88 % было удовлетворено.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 N 41 было обращено внимание судов на то, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не должна сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению, а также, что при рассмотрении данного ходатайства судья обязан проверить содержит ли оно и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении [4].

Разъяснения судам по вопросам применения законодательства в данной сфере уже свидетельствует о том, что при анализе судебной практики были выявлены нарушения либо неправильное трактование и применение норм права.

Таким образом, тема научной статьи остается актуальной, законодательство, регулирующее данную сферу, требует анализа и доработки, поскольку правовая регламентация данного вопроса остается несовершенной, не редки случаи нарушения прав подозреваемых и обвиняемых.

Кроме того, данная тема затрагивает этические и правозащитные аспекты, баланс между безопасностью общества и защитой прав и свобод человека.

Мера пресечения в виде заключения под стражу является самой строгой и заключается в ограничении основных прав и свобод человека, закрепленных в статье 22 Конституции Российской Федерации, а именно право на свободу и личную неприкосновенность, а также в статье 27, то есть ограничивает свободу передвижения [1].

Данная мера пресечения наилучшим образом отвечает основаниям ее избрания, а именно препятствует скрыванию лица, продолжению осуществления им преступной деятельности, уничтожению доказательств и другим способам воспрепятствованию производству по уголовному делу.

В связи с ее строгостью, она избирается и продлевается только судьей по ходатайству следователя и с согласия руководителя следственного органа, а также по ходатайству дознавателя и с согласия прокурора в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также тяжкого или особо тяжкого преступления, при невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Однако уголовно-процессуальным кодексом предусмотрены исключения.

Так, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести

без применения насилия либо угрозы его применения при наличии одного из следующих обстоятельств:

1. Подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;
2. Личность подозреваемого или обвиняемого не установлена;
3. Подозреваемый или обвиняемый нарушил ранее избранную меру пресечения;
4. Подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования или от суда [2].

Однако только наличие таких данных не свидетельствует о необходимости применения к лицу самой строгой меры пресечения.

Важно отметить, что обязанность предоставления доказательственной базы лежит на следователе, то есть его ходатайство должно быть обоснованным и подтверждаться содержащимися в материалах сведениями для того, чтобы судья мог принять законное и обоснованное решение.

Однако зачастую следователи формально подходят к данному вопросу, недостаточно обосновывая необходимость заключения лица под стражу, перечисляя общие основания для избрания меры пресечения, не учитывая конкретные обстоятельства дела.

При решении вопроса об избрании данной меры пресечения судья так же должен обосновать свое решение, а именно указать конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых оно было принято.

Так, решая вопрос об ее избрании или о продлении срока ее действия, суд обязан обсудить возможность применения более мягкой меры пресечения [4].

Кроме того, к числу обстоятельств, подтверждающих вероятность того, что обвиняемый или подозреваемый может скрыться от расследования относятся подтвержденные факты, например, продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия за границей источника дохода, наличие гражданства другого государства, финансовых ресурсов за рубежом, отсутствие постоянного места жительства, работы и семьи. Вывод о том, что лицо продолжит заниматься преступной деятельностью может быть сделан на основе имеющихся и не погашенных судимостей. Вероятность угроз в отношении участников уголовного судопроизводства должна подтверждаться фактами угроз с его стороны, предложением им выгод с целью фальсификации доказательств, а также совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества.

Однако материалы в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не всегда содержат достаточных подтверждающих данных.

Так, например, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в ходатайстве указано, что у обвиняемого имеется гражданство иного государства, однако в зале судебного заседания обвиняемый высказал обратное, что говорит о ненадлежаще

собранной информации. В таком случае необходим официальный ответ соответствующих ведомств, подтверждающий или опровергающий ее.

В свою очередь, судами зачастую формально прописываются аргументы стороны защиты, что противоречит принципу состязательности сторон [5].

Прокуроры, осуществляя в том числе надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [3], поддерживают ходатайство следователя, не всегда проверяя его обоснованность.

Нередки случаи, когда на стадии предварительного расследования была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, однако при дальнейшем продлении изменена на более мягкую, что может свидетельствовать о необоснованности ее избрания и несоответствия строгости совершенному преступлению.

Говоря о причинах формального подхода, основной является нехватка времени, а именно 40 часов для подготовки аргументированного ходатайства и загруженность органов следствия и дознания, а также судов.

Возможные пути решения проблемы, могут заключаться в передаче полномочий о согласовании ходатайства от руководителя следственного органа прокурору, однако данная процедура не должна затягивать и усложнять процесс рассмотрения вопроса о мере пресечения.

Кроме того, возможно рассмотреть законодательное закрепление маркеров, указывающих на возможное скрывание лица, осуществление им угроз, а также возможное продолжение преступной деятельности.

Анализируя судебную практику, встречаются случаи, когда обвиняемым в совершении особо тяжкого преступления избирается мера пресечения, не связанная с лишением свободы. Так, судье районного суда общей юрисдикции поступило ходатайство органа расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетнему, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 111 УК РФ, которое согласно ст.15 УК РФ относится к преступлению особой тяжести.

Согласно ч.2 ст.108 УПК РФ, к несовершеннолетнему обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Таким образом, ходатайство следователя является законным и судья вправе его удовлетворить.

В данном случае причастность обвиняемого к совершению инкриминируемого ему преступления подтверждалась совокупностью полученных доказательств, а именно показаниями обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, протоколами осмотров и иными документами.

Следователь и прокурор ходатайство в судебном заседании поддержали, однако суд, выслушав мнение лиц, участвовавших в судебном заседании и проверив представленные материалы, несмотря на наличие оснований для избрания обвиняемому меры пресечения в порядке ст.

97 УПК РФ, в удовлетворении ходатайства отказал, мотивировав свое решение тем, что обвиняемый, являясь несовершеннолетним гражданином Российской Федерации, имеет постоянное место пребывания на ее территории, вину признал частично, сотрудничает со следствием, ранее не привлекался к уголовной ответственности.

Суд, учитывая, что одна лишь тяжесть инкриминируемого преступления не может являться основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также ссылаясь на данные о личности, посчитал, что ему может быть избрана более мягкая мера пресечения — домашний арест.

Кроме того, суд указал, что данная мера пресечения будет отвечать интересам уголовного судопроизводства и воспрепятствует возможности обвиняемого скрыться от следствия и суда, а также продолжению преступной деятельности.

В следующем рассматриваемом случае следователь выступил перед судом с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении уроженца иностранного государства, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Следователь мотивировал ходатайство тем, что обвиняемый совершил тяжкое корыстное преступление, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Указал, что имеются основания полагать, что обвиняемый скроется от органов предварительного следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью, окажет давление на свидетелей, что приведет к изменениям показаний и помешает установлению истины по делу. Также следствие приняло во внимание тот факт, что обвиняемый является гражданином иностранного государства, регистрацию на территории Российской Федерации не имеет.

В судебном заседании следователь и прокурор ходатайство поддержали. Судья в обоснование своего решения указал, что в материалах, представленных следователем в обосновании ходатайства, имеется достаточно данных об имевшем место событии преступлений и об обоснованности подозрения в причастности обвиняемого к инкриминируемому деянию. Таким образом, суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу. Однако при последующем поступлении в суд ходатайства о продлении данной меры пресечения ходатайство было отклонено, избранная ранее мера пресечения была изменена на запрет определенных действий.

В обоснование суд указал, что были представлены данные о том, что обвиняемый, являющийся иностранным гражданином, имеет возможность проживать на территории Московского региона в арендованном жилье, личность обвиняемого документально установлена, ранее он не судим, имеет иждивенцев, является единственным кормильцем в семье, объем предъявленного ему обвинения не увеличился, инкриминируемое ему деяние не направлено против жизни и здоровья.

В то же время рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении гражданина иностранного государства, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ, фактически проживающего на территории Российской Федерации, ранее не судимого, суд удовлетворил ходатайство следователя, учитывая данные о личности, семейное положение и состояние здоровья, а также обвинение в совершении тяжкого корыстного преступления. В последующем данная мера пресечения была продлена.

Таким образом, в почти схожих обстоятельствах дела и характеризующих данных, при сходных составах преступления размывается грань конкретной причины удовлетворения или не удовлетворения ходатайства. При этом нет ссылки на конкретную норму закона, а только на общие обстоятельства дела, данные личности, семейное положение. Суд не ссылается на конкретные доказательства, которые могли бы подтвердить доводы следователя.

Таким образом, следует строже подходить к мотивировке ходатайства об избрании такой строгой меры пресечения как заключение под стражу. Предоставлять суду

реальные доказательства того, что обвиняемый может скрыться, угрожать, иными способами воспрепятствовать расследованию уголовного дела и установлению истины.

Прокуратуре также следует давать более мотивированную оценку и ссылаться на конкретные обстоятельства дела при даче заключения о законности или незаконности ходатайства следователя.

Кроме того, существует проблема переполненности следственных изоляторов, которая также связана с чрезмерным использованием судами меры пресечения в виде заключения под стражу. Данная ситуация приводит к нарушениям прав лиц, содержащихся в них, большой нагрузке на сотрудников органов ФСИН, а также усложнению работы адвокатов и следователей.

Таким образом, необходимо уменьшить число арестов, отдавая предпочтение более мягким мерам пресечения, которые так же могут соответствовать требованиям закона в различных ситуациях. Возможно законодательно закрепить составы преступлений, при которых следует избирать меру пресечения, не связанную с лишением свободы, меняя практику судов.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025).
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».
5. Антонова, П. А. Актуальные проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / П. А. Антонова, Е. С. Потеряева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — С. 243–245. — URL: <https://moluch.ru/archive/565/123859>.
6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б. Я. Гаврилова. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 542 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–20760–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/558715>.

Интернет-аккаунт как объект гражданского права

Каравайцев Никита Денисович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В условиях цифровизации интернет-аккаунт стал неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов граждан Российской Федерации. По данным Mediascope и VK Company на декабрь 2025 года, только месячная аудитория VK в России превысила 94 млн пользователей, а Telegram — 93,6 млн человек. Совокупная активная аудитория этих двух платформ уже превышает 180 млн аккаунтов [4]. Такие учётные записи активно участвуют в гражданском обороте: их продают вместе с бизнесом, передают по договорам и используют как инструмент заработка.

Российское гражданское законодательство до сих пор не содержит легального определения интернет-аккаунта и не определяет его место в системе объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ. Судебная практика остаётся фрагментарной и не выработала единой правовой квалификации. Актуальность темы дополнительно усиливается законодательной инициативой фракции «Новые люди» от 6 августа 2025 года о введении понятия «цифровое наследство», которая пока находится на стадии рассмотрения [2].

В научной доктрине интернет-аккаунт определяется как учётная запись пользователя в электронной системе, содержащая совокупность данных для его аутентификации и доступа к личным данным, настройкам и функционалу сервиса. Такое понимание последовательно проводится в работах И. С. Шихамирова [10], где аккаунт рассматривается как комплекс информации, позволяющий идентифицировать пользователя в цифровой среде. Аналогичный подход встречается у Е. Е. Кирсановой [5] и в более свежих исследованиях К. С. Артамкина [1]. Последний подчёркивает, что аккаунт — это не просто логин и пароль, а сложный информационный объект, обладающий потенциальной имущественной ценностью.

В научной литературе иногда встречается иная позиция. Так, К. С. Артамкин [1] относит интернет-аккаунт к цифровым правам по ст. 141.1 ГК РФ, считая пользовательское соглашение публичной офертой. Аналогичный подход ранее предлагала В. Н. Козлова [6], квалифицируя аккаунт как «цифровое (имущественное) право». Однако такая квалификация не соответствует буквальному толкованию ст. 141.1 ГК РФ и специфике инвестиционных платформ.

Судебная практика Российской Федерации подтверждает возможность участия аккаунтов в гражданском обороте. Одним из наиболее показательных примеров является Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2018 г. № 13АП-30540/17 по делу № А21-6695/2017 [7]. В данном деле аккаунт во «ВКонтакте» был признан составным элементом договора купли-продажи бизнеса как единого имущественного комплекса. Суд квалифицировал его как неотъемлемую часть бизнеса, имеющую самостоятельную экономическую ценность благодаря накопленной аудитории, контенту и репутации.

В судах общей юрисдикции аккаунты чаще всего встречаются в спорах об авторских правах (подтверждение

принадлежности через личный кабинет на Shutterstock или Freepik) и в делах о защите чести и достоинства. Так, в решении по делу № 2–69/2025 [8] принадлежность аккаунта на Shutterstock была подтверждена распечаткой из личного кабинета автора. Аналогичный подход применён в деле № А40–73961/2025 [9]. Прямых дел, где аккаунт признавался бы самостоятельным объектом гражданских прав вне связи с бизнесом, практически нет.

В зарубежной практике аккаунты признаются объектами, подлежащими наследованию и обороту. Классическим примером остаётся решение Верховного суда Германии (BGH) 2018 года [3], где аккаунт социальной сети был приравнен к личным дневникам и письмам и признан наследуемым.

В целях устранения существующих пробелов целесообразно не вносить изменения в текст ГК РФ, а дать официальное разъяснение Верховного Суда Российской Федерации. Конкретно предлагается в рамках постановления Пленума ВС РФ или обзора судебной практики разъяснить, что интернет-аккаунт (учётная запись в информационной системе) относится к категории «иного имущества» либо «имущественных прав» по ст. 128 ГК РФ. Кроме того, целесообразно рекомендовать операторам платформ предусмотреть механизм «цифрового завещания» — назначения наследника аккаунта или лица, имеющего право на доступ после смерти владельца (возможно, через интеграцию с порталом Госуслуг). Это позволит быстро снять противоречия с пользовательскими соглашениями платформ, обеспечить единообразную судебную практику и эффективно защитить права граждан в цифровой среде.

Таким образом, интернет-аккаунт уже фактически является значимым объектом гражданского оборота. Принятие предложенных мер позволит привести судебную практику в соответствие с современными реалиями и обеспечить эффективную защиту прав пользователей.

Литература:

1. Артамкин К. С. Интернет-аккаунт как объект наследственной массы // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35. № 1. С. 109–115. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-1-109-115. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/9460> (дата обращения: 19.04.2026).
2. В Госдуме предложили разрешить наследовать аккаунты // Российская газета. 2025. 6 августа. URL: <https://rg.ru/2025/08/06/v-gosdume-predlozhili-razreshit-nasledovat-akkaunty.html> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Верховный суд Германии. Решение 2018 г. (BGH) по делу о наследовании аккаунта социальной сети. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=pm&Datum=2018&nr=85390> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Данные Mediascope и VK Company за декабрь 2025 г. // Ведомости. 2026. 30 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2026/01/30/1172955-v-kontakte-stala> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44–48.
6. Козлова В. Н. Правовая природа аккаунта как объекта гражданских прав [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-akkaunta-kak-obekta-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 19.04.2026).
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2018 г. № 13АП-30540/17 по делу № А21-6695/2017 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TQg46BKPtIL/> (дата обращения: 19.04.2026).

8. Решение по делу № 2–69/2025 (11 марта 2025 г.) [Электронный ресурс] // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YNYO6O32FkmV/> (дата обращения: 19.04.2026).
9. Решение по делу № А40–73961/2025 (10 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] // Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IedPsFZRknJp/> (дата обращения: 19.04.2026).
10. Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учётная запись» [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-akkaunt-kak-obekt-grazhdanskih-prav-praktika-obrascheniya-i-perspektivy-ispolzovaniya-kategorii-akkaunt-uchyotnaya-zapis> (дата обращения: 19.04.2026).

Специализации киберпреступников в России в условиях цифровизации экономики

Качалко Андрей Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Шатилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Тюменский государственный университет

В условиях стремительной цифровизации российской экономики киберпреступность эволюционировала от хаотичных атак одиночек до высокоспециализированного рынка кибер-услуг. В статье исследуется феномен формирования профессиональных специализаций среди российских киберпреступников (хакеров, кардеров, шифровальщиков, брокеров доступов) как ответ на растущий спрос со стороны бизнеса и государства на нелегальные цифровые сервисы. На основе анализа данных из даркнета, и научных статей выявлены ключевые специализации, их взаимосвязь и экономическая логика. Показано, что цифровизация создала для киберпреступников новые возможности (облачные сервисы, криптовалюты, ИИ-инструменты), но также заставила их организовать свою деятельность по принципам легального бизнеса (разделение труда, аутсорсинг, стандартизация услуг). Выявлены три основных модели специализации: универсальный хакер (ранняя стадия развития рынка), проектный специалист (атаки под заказ) и инфраструктурный провайдер (продажа готовых инструментов и доступов).

Сделан вывод, что эффективная борьба с киберпреступностью в РФ требует не только силовых мер, но и глубокого понимания экономической логики этого рынка, а также этого рынка как части глобальной теневой экономики.

Ключевые слова: киберпреступность, специализации киберпреступников, фишинг, цифровая безопасность, услуги хакера, вредоносные программы.

Specializations of cybercriminals in Russia in the context of the digitalization of the economy

Kachalko Andrey Dmitrievich, student

Scientific advisor: Shatilov Sergey Nikolaevich, phd in law, associate professor

Tyumen State University

In the context of the rapid digitalization of the Russian economy, cybercrime has evolved from chaotic individual attacks to a highly specialized cyber services market. The article examines the phenomenon of the formation of professional specializations among Russian cybercriminals (hackers, carders, cryptographers, access brokers) as a response to the growing demand from businesses and the government for illegal digital services. Based on the analysis of data from the darknet and scientific articles, key specializations, their interrelation and economic logic have been identified. It is shown that digitalization has created new opportunities for cybercriminals (cloud services, cryptocurrencies, AI tools), but also forced them to organize their activities according to the principles of legal business (division of labor, outsourcing, standardization of services). Three main specialization models have been identified: a universal hacker (early stage of market development), a project specialist (custom attacks) and an infrastructure provider (sale of ready-made tools and accesses). It is concluded that the effective fight against cybercrime in the Russian Federation requires not only forceful measures, but also a deep understanding of the economic logic of this market, as well as this market as part of the global shadow economy.

Keywords: cybercrime, cybercriminals specializations, phishing, digital security, hacker services, malicious programs.

Цифровизация экономики, охватывающая все сферы общественной жизни, открывает новые возможности для экономического роста, повышения эффектив-

ности бизнес-процессов и улучшения качества жизни. Однако вместе с этим она создаёт и новые вызовы, одним из которых является рост киберпреступности.

По мнению Никульченковой Е. В.: «под киберпреступностью следует понимать преступления, совершаемые с использованием компьютерных и иных современных технологий в виртуальном интернет-пространстве, посягающие на общественные отношения в области безопасности личности, общества, государства и информационной среды. Киберпреступление — это преступление, посягающее на безопасность личности, общества, государства, информационного виртуального пространства, совершенное с использованием информационных, технических и кибертехнологий». [1, с. 346].

Согласно данным Банка России, в 2022 году доля безналичных платежей в розничной торговле превысила 70 %, а объём рынка электронной коммерции вырос на 30 % по сравнению с предыдущим годом. Государственные программы, такие как «Цифровая экономика Российской Федерации», способствуют развитию цифровой инфраструктуры, что, однако, создаёт новые уязвимости. Рост числа подключённых устройств, развитие интернет вещей (IoT), использование облачных технологий и искусственного интеллекта открывают новые горизонты для совершения кибератак.

Статистические данные МВД РФ о состоянии преступности, только подтверждают этот прирост: «В январе-октябре 2025 года зарегистрировано

643,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 14,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 33,9 % в январе-октябре 2023 года до 39,8 %» [6].

Виды специализаций киберпреступников

Стоит отметить, что без спроса на преступные киберуслуги, киберпреступный рынок не смог бы развиваться столь стремительно и масштабно. Именно наличие устойчивого и постоянно растущего спроса со стороны различных категорий клиентов стимулирует совершенствование инструментов, рост специализаций и расширение ассортимента нелегальных цифровых сервисов. И самым ярким представителем поиска работы и предложений услуг для современного преступника, является даркнет.

Даркнет — это платформа для масштабирования преступной деятельности, где доступ к специализированным инструментам и глобальная связь превращают их действия в систематизированный бизнес. Можно сказать, что это скрытая часть интернета, недоступная через обычные поисковые системы и браузеры, которая функционирует на основе анонимных сетей (таких как Tor, I2P др.), что в свою очередь обеспечивает высокий уровень конфиденциальности для любого пользователя.

Специализация киберпреступников представляет собой процесс разделения ролей и функций внутри преступных групп, направленный на повышение эффектив-

ности их деятельности. В отличие от традиционной преступности, где специализация часто ограничивается физическими навыками, в киберпреступности она связана с техническими знаниями, доступом к технологиям и умением адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Современные ученые выделяют следующие специализации:

1. Разработчики вредоносного программного обеспечения — эти специалисты создают вирусы, трояны, шпионские программы, руткиты и эксплойты. Они обладают глубокими знаниями в программировании и уязвимостях операционных систем и приложений. Их задача — разработка инструментов, позволяющих получить несанкционированный доступ к системам или украсть конфиденциальные данные. Согласно исследованию Кобец П. Н.: «как правило, в условиях 2020-х гг. киберпреступники используют все более распространенные вредоносные компьютерные программы (например, Locky, TeslaCrypt, Cryptolocker и т. д.). Их цель зашифровать данные, а затем попросить их владельца отправить деньги в обмен на ключ, который будет расшифровывать их. Киберпреступник распространяет по электронной почте вложения или ссылки. Текст сообщения содержит правильно написанное сообщение, в котором, например, предлагается быстро оплатить счет. Одним щелчком мыши программное обеспечение загружается на компьютер и начинает шифровать личные данные: офисные документы, фотографии, музыку, видео и т. д. Когда файлы становятся недоступными, появляется сообщение, требующее выплаты выкупа, выплачиваемого в биткойне или через предоплаченную карту, в обмен на ключ дешифрования». [2, с. 54].

2. Фишинг — вид кибермошенничества включающий в себя создание поддельных веб-сайтов или электронных писем с целью обмана пользователей и получения конфиденциальной информации, такой как логины, пароли и данные банковских карт. По мнению Ишмеевой А. С.: «выделяют следующие виды фишинга: целевой фишинг, захват сеанса, электронная почта/спам, внедрение контента, веб-доставка, фишинг через поисковые системы, манипуляция ссылками, vishing (голосовой фишинг), кей логгеры, smishing (SMS-фишинг), троянский конь, вредоносное программное обеспечение, мальвертизация (Malvertising)⁵⁴, подделка сайта, социальная инженерия». [3, с. 35].

3. Спамеры — занимаются массовой рассылкой нежелательных сообщений с целью распространения вредоносных ссылок, мошеннических предложений или рекламы нелегальных товаров и услуг. Согласно исследованию Лукки Е. В. и Яковлева А. А.: «главная цель спамеров — запутать получателей, заставляя их верить, что они приобретут законный товар или услугу, зачастую по сниженной цене. Однако спамеры часто требуют предварительной оплаты или конфиденциальной информации, такой как номера кредитных карт, прежде чем выполнить сделку. После того как жертвы раскрывают свои данные,

они обычно больше не имеют контакта с мошенниками». [4, с. 571].

4. Хакеры-эксплойтеры — эти преступники занимаются поиском уязвимостей в программных и аппаратных системах, которые могут быть использованы для несанкционированного доступа. Они часто используют инструменты, созданные разработчиками вредоносного ПО, и передают полученные доступы другим участникам преступной цепочки.

5. Операторы ботнетов (Криптоджекинг). Их основная задача — управление сетями заражённых устройств (ботнетами), которые могут использоваться для проведения DDoS-атак, рассылки спама или майнинга криптовалют. Операторы обеспечивают стабильное функционирование инфраструктуры ботнета и продают её ресурсы другим киберпреступникам.

По мнению Мельничук А. В., и Агеева Н. В., «это тип киберпреступления, при котором хакеры незаконно используют компьютеры и сети людей для получения криптовалюты. Согласно данным SonicWall, глобальный объем криптоджекинга увеличился до 66,7 млн в первой поло-

вине 2022 года, что на 30 % больше, чем в первой половине 2021 года. Рост на 269 % сильнее всего повлиял на финансовую отрасль. Одной из основных проблем криптоджекинга является чрезмерная нагрузка на процессор, что приводит к значительному замедлению работы систем или даже полному сбою». [5, с. 36].

Таким образом, цифровизация экономики в России создает новые вызовы и угрозы в области кибербезопасности. Специализации киберпреступников становятся все более разнообразными и сложными. Для эффективной борьбы с киберпреступностью необходимы комплексные меры, включая развитие правовой базы, повышение уровня информированности населения и внедрение современных технологий защиты информации. Понимание экономической логики киберпреступности и её взаимосвязи с легальной экономикой станет ключом к созданию устойчивой системы безопасности. Только комплексный подход, объединяющий государство, бизнес и гражданское общество, сможет минимизировать риски и сохранить цифровую среду России безопасной.

Литература:

1. Никульченкова Е. В., Проблемы противодействия киберпреступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 3(94). С. 345–352.
2. Кобец П. Н., Киберпреступность: современные виды, причины, ее порождающие, и особенности предупреждения // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1(47). С. 52–58.
3. Ишмеева А. С., Фишинг, как вид киберпреступности // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием интернета: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 23 сентября 2021 года / под ред. Н. А. Жуковой. — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2021. С. 34–37.
4. Лукки Е. В., Киберпреступность и уголовное право: вызовы для национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 570–572.
5. Мельничук А. В., Агеев Н. В., Понятие и виды киберпреступности // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108–6. С. 34–37.
6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2024 года // Сайт МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—plai/reports/item/57279296> (дата обращения: 28.03.2025).

Порядок регистрации и учета несчастных случаев на производстве

Ковальчук Анастасия Викторовна, студент;

Косолапова Мария Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы рассматривают правовой институт регистрации и учета несчастных случаев на производстве как завершающий этап процедуры расследования. На основе анализа нормативно-правовых актов раскрываются порядок оформления актов о несчастных случаях, их распределения между субъектами, а также сроки и правила хранения документов. Особое внимание уделяется многофункциональности данного института: подтверждающей, контрольной и статистической. В заключении делается вывод, что регистрация и учет несчастных случаев являются не формальной процедурой, а необходимым инструментом обеспечения безопасности условий труда и защиты прав пострадавших работников.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, акт о расследовании, регистрация и учет несчастных случаев, производственный травматизм.

Согласно статье 230.1 Трудового Кодекса РФ каждый оформленный в установленном порядке несчастный случай на производстве регистрируется работодателем или его представителем, осуществляющим в соответствии с решением комиссии его учет, в журнале регистрации несчастных случаев на производстве по установленной форме [1]. Форма журнала утверждена Приказом Минтруда России от 20.04.2022 № 223н (ред. от 25.04.2024) «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве».

Получение работником травмы, увечья или иного повреждения здоровья, квалифицированные комиссией или государственными инспекторами труда, проводившими их расследование, как несчастные случаи на производстве, подлежат оформлению актом о несчастном случае на производстве, который составляется уполномоченным субъектом в двух экземплярах [2].

Один экземпляр акта о расследовании группового несчастного случая на производстве, тяжелого несчастного случая на производстве, несчастного случая на производстве со смертельным исходом вместе с копиями материалов расследования, включая копии актов о несчастном случае на производстве на каждого пострадавшего, в трехдневный срок после представления работодателю направляется в прокуратуру, причем именно в ту, в которую сообщалось о возникновении данного несчастного случая. Данная обязанность лежит на председателе комиссии или на государственном инспекторе труда, если в соответствии с законодательством именно им проводилось расследование несчастного случая.

Второй экземпляр указанного акта вместе с материалами расследования хранится в течение 45 лет работодателем, на территории которого произошел данный производственный несчастный случай. Копии указанного акта вместе с копиями материалов расследования направляются:

— В соответствующую государственную инспекцию труда и территориальный орган соответствующего федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный контроль (надзор) в установленной сфере деятельности;

— При страховом случае — также в исполнительный орган страховщика [3].

Кроме того, трудовым законодательством установлена необходимость уведомления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и соответствующего территориального объединения организаций про-

фессиональных союзов для анализа состояния и причин производственного травматизма в Российской Федерации и разработки предложений по его профилактике. Однако, в указанные органы копии актов о расследовании направляются только в том случае, если в результате происшествия один или несколько пострадавших работников получили тяжелые повреждения здоровья, либо несчастный случай повлек смертельный исход.

Таким образом, можно сделать вывод, что процедура регистрации и учета несчастных случаев на производстве является завершающим и подтверждающим этапом во всем процессе расследования несчастных случаев на производстве. Подтверждающий аспект в данном случае выражается в том, что в ходе регистрации работодателем фиксируются обстоятельства несчастного случая, устанавливаются детали произошедшего, последствия, вызванные им, а также перечень принятых мер по его предотвращению. Помимо этого, регистрация также устанавливает, что работником в действительности было получено увечье, травма или иное повреждение здоровья, вследствие чего он приобретает предусмотренное законом право на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работников при исполнении ими обязанностей по трудовому договору, а также членам семей погибших работников на основе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Учет несчастных случаев на производстве, в свою очередь, позволяет уполномоченным органам государственной власти и органам социального партнерства, то есть профсоюзным организациям, осуществляющим функции в сфере охраны труда, контролировать соблюдение работодателями требований безопасности условий труда. Это способствует выявлению возможных нарушений, допущенных работодателем, а вследствие этого привлечению виновных лиц к юридической ответственности.

Кроме того, институт учета и регистрации производственных несчастных случаев выполняет превентивную функцию, так как сбор и анализ данных о несчастных случаях, полученных в ходе их учета, позволяет выявлять закономерности их возникновения, которые во всех случаях являются причинами получения работниками увечий, травм и иных повреждений здоровья. Это, в свою очередь, позволяет работодателям разрабатывать более эффективные методы борьбы и профилактики, направленные, во-первых, на снижение рисков появления производственных несчастных случаев, во-вторых, на предотвращение повторения подобных событий в будущем.

Также стоит отметить, что данные, полученные в результате учета несчастных случаев, используются органами государственной власти, уполномоченными на проведение государственного надзора и контроля за со-

блюдением трудового законодательства, для формирования статистики о состоянии травматизма в различных отраслях экономики России, что необходимо для планирования и реализации государственной политики в области охраны труда.

Таким образом, регистрация и учет несчастных случаев на производстве является в отрасли трудового права

одним из важных правовых институтов, выполняющим различные по своей природе функции и в итоге, преследующим цель по обеспечению безопасности условий труда и защите прав работников, пострадавших на производстве. Это не просто формальность, а необходимый инструмент, используемый государством для улучшения условий труда и снижения производственного травматизма.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // СПС КонсультантПлюс.
2. Приказ Минтруда России от 20.04.2022 № 223н (ред. от 25.04.2024) «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2022 № 68673) // СПС КонсультантПлюс.
3. Харисова А. А. Порядок расследования несчастных случаев на производстве // Вестник магистратуры, 2020. № 5–3. С. 7–8.

Соотношение правовых ограничений и запретов на муниципальной и государственной гражданской службе: сравнительно-правовой анализ

Корюкина Валерия Денисовна, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В статье проводится сравнительно-правовой анализ соотношения запретов и ограничений, установленных для государственных гражданских служащих и муниципальных служащих. Рассматриваются существующие теоретические подходы к определению данных правовых категорий, выявляются их сходства и различия.

Ключевые слова: запреты, ограничения, государственная гражданская служба, муниципальная служба, правовой статус.

Правовые запреты и ограничения занимают особое место в механизме правового регулирования государственной службы в Российской Федерации. Правовые ограничения и запреты выступают наиболее жесткими средствами воздействия на поведение лиц, наделенных властными полномочиями, и являются неотъемлемой частью их правового статуса. Как указывается в работе Д. О. Медведевой, в юридической литературе данные категории до сих пор не получили полной и однозначной оценки, а действующее законодательство не содержит их легальных определений [5, с. 267]. В результате этого возникают определенные сложности при их применении.

В научной литературе представлены различные подходы к соотношению понятий «запрет» и «ограничение». Одни авторы рассматривают данные понятия как тождественные, другие указывают, что они являются самостоятельными правовыми средствами. Наиболее обоснованной, в данной связи, представляется позиция, в соответствии с которой запреты и ограничения необходимо рассматривать, как разные способы правового регулирования. Запрет указывает на юридическую невозможность определенного поведения служащего, которое

фактически возможно. Нарушение запрета влечет применение мер государственного принуждения. Напротив, правовое ограничение представляет собой как фактически, так и юридически невозможный вариант поведения. Его невозможно нарушить, поскольку оно задает пределы, за которые субъект права выйти не может [3, с. 133]. Достижение оптимального баланса запретов и ограничений — это необходимое условие эффективного функционирования государственной службы [4, с. 100].

Особую актуальность имеет проведение сравнительного анализа запретов и ограничений на государственной гражданской службе и муниципальной службе. Несмотря на близость правовой природы данных институтов, их правовое регулирование имеет существенные особенности, обусловленные различиями в уровне публичной власти — федеральном, региональном и местном.

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] (далее — Федеральный закон № 79-ФЗ) закрепляет развернутые перечни ограничений и запретов для государственных гражданских служащих. В ст. 16 Федерального закона № 79-ФЗ предусматривается, что огра-

ничения — это обстоятельства, при наличии которых гражданин не может быть принят на государственную гражданскую службу либо находиться на ней. К числу ограничений относятся, например, признание гражданина недееспособным, наличие у него непогашенной судимости, близкое родство с руководителем, выход из гражданства РФ и другие обстоятельства, которые объективно препятствуют поступлению на службу или ее продолжению.

Статья 17 Федерального закона № 79-ФЗ предусматривает, что запреты — это категорические предписания не совершать определенные действия под угрозой ответственности. Государственным гражданским служащим запрещено, в частности, заниматься предпринимательской деятельностью, получать гонорары за публикации, использовать служебное положение в личных целях, участвовать в забастовках и др.

Запрет в системе государственной службы понимается как закрепленное нормами права предписание, не позволяющее государственному служащему совершать действия, которые запрещены законом под угрозой применения мер государственного принуждения [6, с. 77].

Прохождение муниципальной службы в Российской Федерации регламентируется нормами Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [2] (далее — Федеральный закон № 25-ФЗ). Анализ норм данного федерального закона показывает, что система ограничений и запретов на муниципальной службе во многом аналогична системе ограничений и запретов, установленных для государственной гражданской службы. Статья 13 Федерального закона № 25-ФЗ закрепляет ограничения, связанные с муниципальной службой, а ст. 14 закрепляет запреты. По своему содержанию данные статьи практически идентичны статьям 16 и 17 Федерального закона № 79-ФЗ.

Однако, имеются и определенные отличия, обусловленные особенностями местного самоуправления. Так, муниципальная служба не является видом государственной службы, что влияет на порядок применения некоторых запретов. Например, запрет на участие в управлении коммерческой организацией (кроме случаев, предусмотренных законом) действует одинаково как для муниципальных служащих, так и для государственных гражданских служащих, но механизм контроля может различаться.

Необходимо также отметить, что муниципальные служащие в меньшей степени по сравнению с государствен-

ными гражданскими служащими, связаны с обеспечением государственной тайны, а перечень сведений, отнесенных к служебной тайне, на муниципальном уровне не так широк.

Также проводя соотношение правовых ограничений и запретов на муниципальной и государственной гражданской службе необходимо отметить, что отдельные ограничения, связанные с выездом за пределы Российской Федерации, на муниципальном уровне применяются менее строго, чем для отдельных категорий государственных гражданских служащих (например, для сотрудников Администрации Президента РФ, дипломатов).

Кроме того, законодательство о муниципальной службе допускает возможность установления дополнительных ограничений и запретов законами субъектов РФ и уставами муниципальных образований, что создает определенную вариативность системы ограничений и запретов для муниципальных служащих. На государственной гражданской службе дополнительные запреты могут устанавливаться только федеральным законом.

Проведенный анализ правовых ограничений и запретов на муниципальной и государственной гражданской службе позволяет выделить следующие сходства данных запретов и ограничений:

1. Проведенное сравнение ст. 16–17 Федерального закона № 79-ФЗ и ст. 13–14 Федерального закона № 25-ФЗ показывает их почти полное совпадение по содержанию.

2. Нарушение правовых ограничений и запретов на муниципальной и государственной гражданской службе влечет одинаковые виды ответственности: дисциплинарную ответственность (вплоть до увольнения служащего) и административную ответственность (например, за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов). В отдельных случаях возможно применение мер уголовной ответственности.

Основное различие между правовыми ограничениями и запретами на муниципальной и государственной гражданской службе заключается не в содержании норм, а в уровне правового регулирования. На федеральном уровне устанавливаются правовые ограничения и запреты для государственной службы. Для регулирования правовых ограничений и запретов для муниципальных служащих применяется сочетание норм федерального, регионального и муниципального законодательства. Такой подход создает большую вариативность ограничений и запретов на муниципальном уровне.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. — 2020. — 7 авг.
2. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.
3. Галинская Т. А., Ребрина Т. Г. Запреты и ограничения, связанные с государственной гражданской службой // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации. — 2023. — С. 132–138.

4. Жуманова Д. Т. Запреты и ограничения на государственной гражданской и военной службе // Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. — 2020. — С. 99–101.
5. Медведева Д. О. Соотношение запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой // Novaum.ru. — 2020. — № 28. — С. 267–268.
6. Трегубова Е. В. Административные запреты и административные ограничения: соотношение понятий // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 11. — С. 75–81.

Международное сотрудничество в области экологических рисков

Куликов Кирилл Юрьевич, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье рассматривается сотрудничество государств в области экологических рисков. Особое внимание уделяется изменению климата, как ключевой угрозе Человечеству. Анализируются причины существующих рисков. Подчеркивается роль Международных соглашений под эгидой ООН.

Отмечается роль России в решении экологических рисков.

Ключевые слова: изменение климата, парниковые газы, международное сотрудничество.

Особенностью современных экологических рисков является их комплексность и взаимосвязанность, а также невозможность эффективного решения в рамках отдельных государств. Это обуславливает необходимость формирования и развития международного сотрудничества, направленного на координацию усилий государств и международных организаций. Международное сотрудничество в области глобальных экологических рисков представляет собой систему совместных действий, включающую разработку стратегий, заключение международных соглашений, проведение конференций и реализацию совместных проектов.

К глобальным рискам на сегодняшний день относят: изменение климата, снижение биоразнообразия, загрязнение окружающей среды, разрушение озонового слоя.

Под экологическими рисками понимаются негативные изменения в окружающей среде, которые имеют природный и антропогенный характер [1, 68].

Наиболее важной проблемой человечества, относящейся к экологическому риску, является проблема изменения климата. Сохранение, охрана, защита и рациональное использование богатств и природно — ресурсного потенциала Земли является одним из приоритетных задач экономического роста и благосостояния в интересах нынешнего и будущих поколений. В связи с этим на Саммите ООН по устойчивому развитию была включена 13 цель, посвященная борьбе с изменением климата [2].

В докладе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) «Действия за чистоту воздуха» 2021 года оценивались действия в ключевых секторах, способствующие загрязнению воздуха, при этом упор делался на промышленные выбросы, транспорт, управление твердыми отходами, загрязнение воздуха в помещениях и сельскохозяйственные выбросы [3].

Экологической организацией «Гринпис» было отмечено, что изменение климата связано с концентрацией парниковых газов в атмосфере Земли. Его не объяснить естественными циклами, оно связано в первую очередь с человеческой деятельностью: сжиганием ископаемого топлива — нефти, угля и газа — на электростанциях и в двигателях внутреннего сгорания, сокращением площади лесов, том числе из-за пожаров, разложением органических отходов на свалках, сельским хозяйством, особенно животноводством.

Задача сохранения климата является общей для всех стран. Для объединения усилий в 1992 году была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата, определившая общие положения и основные направления международного сотрудничества, которая дополняется с расширением прав и возможностей стран. Констатировалась общая ответственность государств, в которой должны учитываться различия в экономическом потенциале стран и, соответственно, их вкладе в тепловое загрязнение. В развитие Рамочной конвенции реализуются Киотский протокол и Парижское соглашение.

Киотский протокол был принят 11 декабря 1997 года, основной целью которого стало сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу по сравнению с базовым уровнем, в качестве которого был выбран уровень 1990 года. Согласно ст. 3 этого документа: «начиная с 1990 года, стали происходить изменения в величине выбросов парниковых газов», что отрицательно отразилось на состоянии окружающей среды [4].

Надо отметить, что климатическая политика Китая и Индии как главных эмиттеров парниковых газов (занимающие второе и третье место по объему выбросов CO₂) в настоящее время серьезным образом меняется. Так Индия, хотя и не присоединилась к Киотскому протоколу, поставила новую цель в рамках Парижского соглашения. Она взяла на себя обязательство к 2035 году

обеспечить 60 % своих установленных мощностей по производству электроэнергии за счет неископаемых источников энергии. Китайская народная республика взяла обязательства к 2035 году адаптировать общество к климату, обновив свой вклад в Парижское соглашение.

Вместе с тем, администрация США (на долю которых приходится 24 % общемирового выброса парниковых газов), в январе 2026 года подписала документы о выходе из Парижского соглашения по климату и Рамочной конвенции ООН об изменении климата [5].

Данное обстоятельство указывает на то, что не все ведущие мировые державы оказывают должного содействия в решении глобальных проблем по целесообразному использованию природных ресурсов.

На 21-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КС-21 РКИК ООН) 12 декабря 2015 года было принято Парижское соглашение, основной задачей которого является удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 градусов Цельсия сверх доиндустриальных уровней при приложении усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 градусов Цельсия [6]. С целью достижения долгосрочной цели Парижского соглашения документ призывает страны разработать и направить к 2020 году в Секретариат ООН по климату Долгосрочные стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов.

Одним из самых важных документов в климатологии является Специальный доклад МГЭИК «Глобальное потепление на 1,5 °C» (SR15), опубликованный в октябре 2018 года. В нем говорится о том, что при сохранении траектории выбросов CO₂ на нынешнем уровне и в отсутствие радикальных мер по смягчению негативных последствий изменения климата средняя температура Земли уже к 2100 году увеличится на 4 °C–6,1 °C по сравнению с началом промышленной революции [6].

В настоящее время странами готовится международная конференция в Турции, которая пройдет в ноябре 2026 года и где запланирован обмен технологиями по ужению углеродного рынка.

Российская Федерация традиционно относится к числу ведущих стран мира, играющих огромную роль в сохранении и рациональном использовании ресурсов Земли.

В ноябре 2019 года Парижское соглашение по климату вступило в силу в России. В рамках него в марте 2020 года Правительство Российской Федерации разработало «Стратегию долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем парниковых газов до 2050 года» [7]. Она определяет меры по достижению цели контроля за выбросами парниковых газов, установленной в составе национального вклада Российской Федерации в укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в свете имеющихся национальных условий, способствует удержанию прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°С сверх доиндустриальных уровней и направлена на обеспечение поступательного социально-экономического развития Российской Федерации, характеризующегося низким уровнем выбросов парниковых газов.

Изменение климата — это не просто рост средней температуры. Глобальное потепление ведет к разбалансировке погоды на всей планете, а это порождает самые разные природные катаклизмы.

С. В. Стрыгина пишет о том, к упорядочиванию человеческого общежития относятся как правовое, так и нравственные нормы, значение которых возрастает по мере его развития [8, с.122].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что глобальная проблемы необходимо решать всеми странами сообща, что предполагает их тесное сотрудничество во имя будущего всего человечества.

Литература:

1. Медведева С. А. Экологический риск. Общие понятия, методы и оценки. // XXI век. Техносферная безопасность. — 2016 — Том 1, — № 1 — С. 65–70.
2. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/climate-change/> (дата обращения 20.04.2026).
3. Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) «Действия за чистоту воздуха» 2021 года. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/cac/dvcibslg4wn7tx5ia50iycduj2kw0a47/UNEP_AR2021_RU.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 21.04.2026).
4. Киотский Протокол. // URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/kiotskiy-protokol-tekst-dokumenta> (дата обращения 21.04.2026).
5. Отказ от сотрудничества в области климата нанесет ущерб экономике США: заявление руководителя Секретариата ООН климату по случаю решения США о выходе из РКИК ООН. URL: <https://unfccc.int/ru/news/otkaz-ot-sotrudnichestva-v-oblasti-klimata-naneset-uscherb-ekonomike-ssha-zayavlenie-rukovoditelya> (дата обращения 21.04.2026).
6. Специальный доклад МГЭИК «Глобальное потепление на 1,5 °C» (SR15) URL: <https://wmo.int/ru/media/magazine-article/mgeik-vypuskaet-specialnyy-doklad-o-globalnom-potepelenii-na-15-degs> (дата обращения 19.04.2026).
7. Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем парниковых газов до 2050 года. — Текст: электронный // economy.gov.ru: [сайт]. — URL: https://economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения 19.04.2026).

8. Стрыгина, С. В. Границы свободы и ответственности в рамках правовых норм в условиях современной цивилизации // Миссия конфессий. — 2025 — Том. 14, — номер: 5(86). — С. 121–128.

К вопросу о понимании вины в гражданском праве

Курсевич Георгий Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор рассматривает институт вины в качестве одного из условий гражданско-правовой ответственности. Анализируются недостатки действующего гражданско-правового регулирования исследуемого института, в частности, указывается на отсутствие единого подхода к определению вины. Раскрываются основные доктринальные подходы к установлению сущности указанной правовой конструкции. Автор ставит задачу поиска наиболее оптимального пути совершенствования положений Гражданского кодекса РФ относительно понимания вины, для чего предлагается несколько вариантов решения выявленных правовых проблем.

Ключевые слова: условия гражданско-правовой ответственности, вина, умысел, неосторожность, объективный подход, субъективный подход, презумпция вины.

В отечественной доктрине гражданского права на сегодняшний день сложилось два основных подхода к пониманию сущности вины в рамках механизма привлечения к ответственности — субъективный (психологический) и объективный (поведенческий).

Субъективный подход нашел отражение в самых первых строчках статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], где в качестве попытки дать общее представление о рассматриваемом институте, закреплено указание на две, можно сказать, классические формы вины — умысел и неосторожность. Для них на страницах литературы закрепились такие же «стандартные» определения — умысла, как осознание обстоятельств ситуации, предвидение негативных последствий в сочетании со стремлением к их наступлению, и неосторожности, при которой такое стремление отсутствует [2], хотя при этом допускается наличие возможности прогнозировать результат деяния [3, с. 24].

И с таким толкованием действительно не просто спорить, особенно учитывая, что определение умысла, предполагающее намерение, желание совершить правонарушение, очень не просто применить к конструкции юридического лица ввиду ее «искусственного» характера. Поэтому столь удобное, чисто субъективное, ориентированное на внутренние мыслительные процессы человека, определение вины имеет все права на жизнь.

Вместе с тем все та же статья, но абзацем ниже формулирует, помимо прочего, поведенческий подход к вине, между тем не оговаривая, какому конкретно субъекту он адресован, что дает нам основания констатировать универсальность этого правила.

Наличие таких законодательных положений не позволяет признать столь логичную и привычную отечественному юристу субъективную теорию чистой, лишенной оговорок и несостыковок. Во многом именно это обстоятельство способствовало широкому распространению

среди современных авторов объективной концепции. Так, профессором Сухановым Е. А. достаточно наглядно на основе соответствующих законодательных положений сформировано представление о данном подходе: в отличие от публичных отраслей права вопрос о вине решается путем сопоставления поведения лица с тем, как должен был повести себя разумный и добросовестный участник оборота, принявший на себя обязательство данного вида [4, с. 530].

Однако и приведенный взгляд на сущность вины не лишен недостатков. С определением неосторожности через поведенческий подход не возникает серьезных трудностей — по общему представлению неосторожная форма вины в гражданском праве являет собой отсутствие намерения причинить вред в сочетании с не проявлением должной заботливости и осмотрительности, что в конечном итоге и ведет к нарушению права [5, с. 701].

В свою очередь, с такой формой вины, как умысел дела обстоят значительно сложнее, ведь указанная категория в привычном ее понимании может определяться исключительно через психологическое отношение должника, что идет в разрез с объективными характеристиками виновности, отраженными в статье 401 ГК РФ. С общеправовых позиций умысел предполагает намерение совершить конкретное деяние. Однако в условиях господства в гражданском обороте юридических лиц установление такого намерения в большинстве случаев вызывает известные трудности.

Таким образом, действующая редакция статьи 401 ГК РФ содержит в себе признаки как объективной, так и субъективной концепции вины, что ведет к полному отсутствию единства мнений относительно понимания столь непростой конструкции в гражданском праве. Основным барьером на пути к гармонизации доктринальных подходов по данному вопросу является умысел и, как следствие, необычайно сложный процесс его при-

менения к коллективным субъектам ответственности — юридическим лицам.

В связи с изложенными обстоятельствами вопрос поиска наиболее оптимального подхода к сущности вины в гражданском праве остается актуальным и сегодня. Изложим свое видение возможного варианта его решения.

Сегодня остаются актуальными разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 (далее — Пленум № 7), которое на момент написания настоящей работы отметились десятилетним юбилеем. Сложно переоценить значение указанного акта судебного толкования в практике реализации гражданско-правовой ответственности, но в контексте настоящего исследования особого внимания заслуживает пункт 7 постановления [6].

Обращаясь к его содержанию, мы увидим попытку высшей судебной инстанции разрешить насущную проблему — со ссылкой на пункты 1, 2 статьи 401 ГК РФ утверждается бремя доказывания отсутствия умысла на стороне лица, допустившего нарушение обязательства. И далее приводится индикатор отсутствия намеренности в действиях субъекта — предъявление доказательств проявления им минимальной степени заботливости и осмотрительности в процессе исполнения.

Иными словами, Верховный Суд РФ предлагает презумпцию не просто вины, а сразу самой строгой ее формы — умысла, определяемого в данном случае через поведенческий подход. И если с необходимостью для нарушителя опровергнуть предположение о вине в общем и целом не возникает вопросов, ибо это прямо следует из упомянутых законодательных положений, то презумирование умысла может показаться несколько странным. Особенно ярко это контрастирует с другим немало важным опровергаемым утверждением кодекса — общее правило о добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Кажется, будто руководствуясь указанным принципом, справедливее рассматривать в первую очередь именно неосторожность.

Более того, уже в рамках другого акта судебного толкования позиция высшей инстанции меняется на диаметрально противоположную. Так, в п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 г. № 1 (далее — Пленум № 1) вместо поиска решения проблемы установления умысла в соответствии с объективной концепцией, Пленум дает строго субъективное понимание указанной категории, определяемой через предвидение, желание или сознательное допущение наступления вредного результата [7].

И хотя изложенная позиция судебной инстанции в данном конкретном случае может объясняться тем, что под анализ Пленума попала совокупность отношений, связанных с причинением вреда жизни и здоровью гражданина, и, соответственно, 23 пункт как раз и говорит об определении вины такого физического лица, что, по мнению суда, наиболее удобно осуществлять с помощью субъективной концепции, между тем мы все же наблюдаем несогласованность подходов Верховного Суда РФ

к регулированию одного и того же института. То обстоятельство, что в последнем случае правоприменительная деятельность сконцентрирована исключительно на физическом лице, не должно приводить к различной трактовке понятия вины в зависимости от наличия или отсутствия физического свойства субъекта, в отношении которого применяются меры ответственности. Представляется, что единство практики в данном вопросе выглядит более предпочтительно.

Кроме того, в литературе также отмечается, что разъяснения Пленума № 7 не являются исчерпывающим и единственно возможным подходом к пониманию вины, а представляют собой лишь одно из доступных средств доказывания безупречности поведения лица. Так, само по себе проявление минимальной степени заботливости может и не препятствовать установлению умысла соответствующего субъекта [8].

Вполне допуская использование разработчиками Пленума № 7 такого приема установления умысла исключительно в качестве примера, считаем необходимым отметить, что утверждение магистрального, консолидирующего подхода к понятию вины на уровне высшей судебной инстанции будет значительно предпочтительнее с учетом самой цели таких разъяснений — ориентирование судов к наиболее благоприятному с точки зрения практики пути. Иное означает, что в данном вопросе роль руководящих разъяснений сводится к минимуму, поскольку судами и так используются всевозможные пути установления субъективного основания ответственности, и уточнение одного из них, пусть и на уровне разъяснений Верховного Суда РФ, ничего принципиально не меняет.

Толкование вины в соответствии с Пленумом № 7 порождает еще одну практическую проблему — смешение «противоправности» и «вины» при объективном толковании сущности последней из названных категорий.

Несмотря на озвученные выше проблемы, подход Пленума № 7 должен стоять в авангарде будущих рассуждений относительно интерпретации конструкции вины, поскольку его главное преимущество — практическая исполнимость для правоприменителя. Безусловно, строго субъективный подход имеет не мало достоинств, но, как правило, эти положительные стороны не выходят за пределы страниц научных рассуждений, а на практике между тем мы видим обратную картину — суды в силу различных причин сторонятся глубокой и всеобъемлющей работы с доказательственной базой, которая могла позволить хотя бы немного приблизиться к установлению внутренней составляющей правонарушения.

При таких обстоятельствах и с учетом преимущественного участия в гражданских правоотношениях коллективных субъектов различных форм, следует отдать предпочтение именно объективной концепции вины.

Итак, в соответствии с избранным ориентиром мы будем исходить из презумпции умышленного характера нарушения обязательства. И здесь на самом деле нет каких-либо странностей или противоречий с общими на-

чалами гражданского права. Судите сами: первоначально обязанность доказать сам факт несоблюдения обязательств для лица требований лежит на потерпевшем, поскольку именно он ссылается на указанное обстоятельство. При этом должник не лишен возможности приводить свои доводы в пользу подтверждения соблюдения им таких требований.

В свою очередь, при условии, что в этой дуэли первого этапа верх одержал именно потерпевший и факт нарушения обязательства теперь считается доказанным, далее вполне справедливо по отношению к кредитору вступает в силу опровержимая презумпция умысла.

Конечно, можно предположить необходимость некоего послабления для физических лиц, нарушивших обязанности вне связи с предпринимательской деятельностью. Скажем, в таком случае наступает презумпция не умысла, а неосторожности. Но правильное ли это допущение? Думается, это не лучшее решение.

Так, в рамках отечественного гражданского процесса крайне неубедительно реализован механизм получения и раскрытия доказательств, что особенно остро проявляется в тех областях знания, которые связаны напрямую с деятельностью обособленного субъекта правоотношения. Сложно представить ситуацию, при которой ответчик, обладающий доказательством, подтверждающим неблагоприятные для себя обстоятельства, самостоятельно раскроет его перед другими участниками процесса, не имеющими доступа к таким сведениям. И даже принуждение со стороны суда, в том числе посредством наложения судебного штрафа, в действительности не сможет достигнуть цели истребования. С учетом того, что во многих случаях без конкретного доказательства разрешить спор не получится вовсе, ответчик фактически безнаказанно прибегнет к множеству, порой не самых добросовестных, способов уклониться от приобщения к делу таких сведений о фактах.

При озвученных вводных данных для лица, привлекаемого к ответственности, значительно проще доказать проявление минимального уровня заботливости при исполнении обязательства, чтобы опровергнуть презумпцию умысла, нежели потерпевшему брать на себя невыносимое по степени тяжести бремя доказывания указанных обстоятельств с учетом того, что им уже подтверждена сама противоправность действий должника.

Такое распределение бремени доказывания стало бы значительным препятствием для кредитора на пути к реализации целей ответственности и дало бы необоснованное преимущество стороне, отступившей от нормальных условий гражданского оборота. Поэтому считаю правильным отталкиваться от презумпции умысла в равной степени как для физических, так и для юридических лиц, что при этом будет способствовать укреплению единства применимости механизма вины.

В соответствии с выбранным нами подходом лицо, привлекаемое к ответственности, может опровергнуть презумпцию умысла путем ссылки на совершение дей-

ствий, свидетельствующих о проявлении им минимальной степени заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства. Следовательно, при такой трактовке умысел есть принятие указанных мер.

В целях установления демаркационной линии между наличием минимальных мер, направленных на исполнение обязательства, и их отсутствием в данной конкретной правовой обстановке нужны определенные критерии, выступающие для суда точками опоры, от которых он будет отталкиваться при анализе ситуации и принятии решения.

Среди них считаем необходимым выделить две составляющие — характер соответствующего обязательства и фактическая обстановка, сложившаяся в данных правоотношениях. Более точные формулировки здесь невозможны, поскольку уникальных случаев может быть бесчисленное множество, а суд между тем будет анализировать критерии уже с учетом специфики конкретного спора, руководствуясь при этом, как общесоциальными представлениями о должном поведении субъекта при аналогичных обстоятельствах, так и нормативными показателями, включая специальные формулы (например, формула Хэнда), если отношения позволяют их применять.

Эти предписания являются своеобразным скелетом теоретической конструкции понимания вины, отправной точкой для рассуждений относительно рассматриваемой проблемы, которая, как нам кажется, может иметь несколько путей решения с учетом озвученных базовых представлений.

Вариант первый. Его следует охарактеризовать в качестве компромиссного, поскольку вопрос вины в большей части сводится к трудностям применения стандартного представления о данной категории именно к коллективным субъектам. Соответственно, можно предположить, что концентрироваться нужно именно на таких лицах.

Отсюда — категория вины будет толковаться следующим образом. В отношении юридических лиц умысел в соответствии с вышеприведенным определением представляет собой фикцию и презюмируется. Для снятия данного предположения субъект должен доказать факт проявлением им минимального уровня заботливости и осмотрительности в зависимости от критериев. При этом неосторожность имеет место в случае несоблюдении субъектом стандартных, обычных с учетом характера обязательства и фактической обстановки, сложившейся в данных правоотношениях, мер по исполнению обязательства. Иными словами, если удалось опровергнуть умысел, то мы исходим из неосторожной формы вины.

В свою очередь, у физических лиц вина толкуется аналогичным образом, с той лишь разницей, что к обозначенным критериям добавляется еще и третий — психологический, давая тем самым суду альтернативную возможность при установлении вины ориентироваться также и на внутренние процессы конкретного лица.

Таким подходом соблюдается некоторый баланс, при котором проблема наличия стандартных форм вины

в тексте ст. 401 ГК РФ применительно к коллективным субъектам адаптируется в практическую плоскость, что одновременно с этим не лишает суд возможности ссылаться на классическую трактовку вины в соответствии с субъективным подходом в отношении физических лиц.

Однако и предложенную точку зрения нельзя признать идеальной, а потому следует продолжить ее модернизацию с целью достижения более оптимальной конфигурации теоретической конструкции.

В частности, хотим заметить, что применение категории вины через субъективный подход даже в отношении физического лица в конечном счете все же сводится к определению характера действий / бездействий такого субъекта. Иными словами, правоприменитель, несмотря на формальную апелляцию к психологической концепции, постигает только внешнее проявление внутренних процессов человека, поскольку достижения современной науки еще не позволяют заглянуть, что называется, в душу лица, привлекаемого к ответственности.

Так или иначе все внутренние намерения и стремления проявляются путем выражения их во вне через конкретные действия / бездействия, которые только и доступны взору участников правоотношений. Иного пути приблизиться к истинному положению дел в вопросах ответственности попросту нет. Поэтому считаю, что ссылка на трактовку вины в ее классическом понимании не имеет практического значения. Более правильный и выверенный путь — фокусировка на внешних проявлениях внутренних намерений посредством объективной концепции.

Такой взгляд на вину, помимо прочего, создаст основу для укрепления единства правового материала и сведет к минимуму дифференциацию между физическими и юридическими лицами в рамках оснований и условий ответственности. Следовательно, объективную концепцию нужно принять в качестве базальтернативной.

Отдельными авторами приводятся аргументы против озвученного толкования — проявление минимальной степени заботливости вовсе не означает отсутствия умысла в действительности [8].

К примеру, предполагается ситуация, при которой субъект создает видимость совершения действий по исполнению обязанностей, хотя фактически не имеет такого намерения. Позволим себе представить возражения на изложенные доводы.

Итак, в данной теоретической модели абстрактных правоотношений имеется две группы обстоятельств, которые интересуют нас при разрешении вопроса об ответственности и ее объеме (строгости).

Первое — действия должника по созданию видимости исполнения обязательства. Думается, здесь не должно быть сомнений относительно их причастности к фактической обстановке правоотношения (один из приведенных критериев вины).

Второе — действительное намерение нарушить обязательство, которое между тем также является одним из фактов, составляющих обстановку, поскольку такая на-

правленность внутренних побуждений лица с неизбежностью выражается во вне в конкретных источниках информации, будь то материальные носители, свидетельские показания и прочее. Иначе мы бы попросту не смогли утверждать о каком-либо намерении ввиду отсутствия его подтверждения.

Прежде всего суд должен оценить обстоятельства первой группы, и если имеющиеся действия были бы достаточными (минимально необходимыми) для исполнения обязательства, будь на месте должника любой другой участник оборота без недобросовестных намерений, то в данном случае следовало бы признать отсутствие умысла.

Но так как в нашем случае имеют место обстоятельства второй группы (внешние проявления стремления уклониться от исполнения обязательства), суд, принимая это во внимание, можно сказать, ужесточает порог достаточности действий должника для признания их минимально необходимыми, констатируя тем самым наличие умысла.

Таким образом, правоприменитель так или иначе должен учитывать внешние проявления стремлений лица нарушить обязательство и применять меры ответственности по всей строгости при обнаружении таковых. Но это возможно только в случае доступности намерений для познания лицом, решающим вопрос об ответственности. В остальном оно должно руководствоваться уровнем достаточности фактических действий по исполнению обязательства.

Принимая во внимание изложенное, отметим, что упоминание на формы вины в ее традиционном понимании не звучат в унисон с выбранной нами трактовкой, а, напротив, создают дополнительную путаницу, смешивая подходы. Поэтому считаем необходимым отказаться от упоминания по тексту кодекса категорий умысла и неосторожности, заменив их на конструкции: невыполнение субъектом минимальных требований заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства (умысел); невыполнение субъектом обычных требований заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства (неосторожность).

Также обратим внимание, что суды при определении достаточности мер могут искать ориентиры в том числе с оглядкой на некоторый абстрактный образец поведения «усредненного» субъекта правоотношений. Стремясь уйти от споров о том, каким перечнем качеств должно обладать такое образцовое лицо, следует присмотреться к принципу добросовестности.

Свое раскрытие он получил на страницах Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, первый пункт которого дает направление судам при квалификации действий сторон в качестве добросовестных — необходимо отталкиваться от поведения, ожидаемого от любого субъекта, учитывающего права и законные интересы другой стороны [9].

Такая ссылка на учет интересов является универсальным указателем на абстрактное лицо, являющееся образцом среднего участника оборота. Этим также смещается акцент в сторону социально полезной модели по-

ведения, предполагающей направленность действий не только во благо исключительно себе, но и другим участникам оборота.

Помимо этого, приведенные разъяснения высшей судебной инстанции длительное время используются в правоприменительной практике, а потому будут привычными уже в контексте категории вины.

Крайний вопрос, которого следует здесь коснуться — это проблема смешения противоправности и вины, о чем упоминалось ранее. Для понимания того, что она на самом деле отсутствует нужно обратить внимание на следующее.

Противоправность (нарушение обязательства) предполагает ответ на вопрос: что произошло, какие конкретно действия должником не были исполнены? К примеру, нарушена обязанность передать индивидуально-определенный предмет, не проведено очередное онлайн-занятие по обучению основам программирования и прочее.

Вместе с тем вопрос о вине должен дать понимание, является ли поведение нарушителя порочным, можно ли его признать разумным и добросовестным? В частности, передача товара могла не состояться ввиду его уничтожения третьим лицом, несмотря на принятие должником всех разумных мер к обеспечению его сохранности, а обуча-

ющее онлайн-занятие не состоялось по причине отключения интернета в регионе проживания ученика.

Таким образом, противоправность и вина в объективном истолковании имеют внешнюю схожесть, но фактически лежат в разных плоскостях, выполняя собственные функции.

Подводя итог, предлагается следующая конструкция института вины в гражданском праве. В качестве центрального понятия: вина — невыполнение субъектом мер для надлежащего исполнения обязательства, которые требовались от участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, в соответствии с характером обязательства и фактической обстановкой, сложившейся в данных правоотношениях.

В свою очередь, формы вины представлены следующим образом: невыполнение субъектом минимальных требований заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства; невыполнение субъектом обычных требований заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства. Первая из них презюмируется и предполагает применение ответственности по всей строгости, а вторая по существу схожа с неосторожной формой вины в ее классическом истолковании доктриной гражданского права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
2. Гарамита В. В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гарамита В. В. — М., 2008.
3. Агарков М. М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2019.
5. Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2017.
6. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Российская газета. 2016. 04 апреля.
7. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Российская газета. 2010. 05 февраля.
8. Иваненко В. В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения / В. В. Иваненко. // Вестник гражданского права. — 2023. — № 1.
9. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

Половая неприкосновенность несовершеннолетних

Лобачева Алина Александровна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье исследуются уголовно-правовые аспекты защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в РФ. Рассматриваются структура и элементы преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ, уточняется их объект и субъективная сторона. Анализируются особенности законодательного регулирования, выявляются проблемы в применении

норм, на основе научной литературы и позиции автора. А также формируется перечень рекомендации, направленный на решение выявленных проблем.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, состав преступления, возраст потерпевшего, наказание.

В Российской Федерации половая неприкосновенность несовершеннолетних относится к числу особо значимых личных благ, находящихся под усиленной уголовно-правовой охраной. Конституционно-правовые основы такой охраны связаны с закреплением права на свободу и личную неприкосновенность, однако само понятие половой неприкосновенности не получило самостоятельного легального определения. Его содержание раскрывается через систему норм, направленных на защиту физической, психической и нравственной неприкосновенности ребенка. В уголовно-правовом смысле половая неприкосновенность несовершеннолетнего выражает установленный законом запрет на совершение в отношении него действий сексуального характера, поскольку в силу возраста такое лицо не обладает необходимой степенью психофизиологической зрелости для свободного и юридически значимого выражения согласия на соответствующие отношения. Именно поэтому законодатель использует возрастной критерий в качестве одного из ключевых оснований уголовно-правовой оценки деяния, устанавливая специальные пределы защиты для лиц, не достигших четырнадцати и шестнадцати лет. Подобная нормативная конструкция свидетельствует о повышенной общественной опасности посягательств в данной сфере и обуславливает необходимость дифференцированного подхода как к их квалификации, так и к определению мер уголовной ответственности.

Уголовно-правовая характеристика посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних основывается прежде всего на анализе норм главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В структуре данной главы особое значение применительно к защите несовершеннолетних имеют статьи 131, 132, 134 и 135 УК РФ. Так, статья 131 предусматривает ответственность за изнасилование, в том числе при совершении деяния в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста; статья 132 охватывает насильственные действия сексуального характера, включая случаи, когда потерпевшим является малолетний; статья 134 устанавливает ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцати лет; статья 135 — за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетнего. В отдельных случаях в рассматриваемой сфере подлежит применению и статья 133 УК РФ, если действия сексуального характера сопряжены с понуждением, выраженным в форме шантажа, угрозы уничтожения имущества либо использования иной зависимости потерпевшего.

Существующая научная и законодательная база не в полной мере обеспечивает внутренне согласованную модель охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. В частности, в доктрине обоснованно обращается внимание на отсутствие единых критериев дифференциации уголовной ответственности в зависимости от возраста потерпевшего. Так, Ф. Н. Багаутдинов и А. А. Михайлов указывают на фрагментарность законодательного подхода, при котором сходные по своей направленности деяния влекут различные по строгости санкции без достаточно четкого разграничения по возрастному признаку. По мнению указанных авторов, более последовательная уголовно-правовая оценка возможна при условии выделения внутри категории несовершеннолетних отдельных возрастных групп, например: до 7 лет, от 7 до 14 лет и от 14 до 18 лет. Использование такой градации позволило бы обеспечить более точную дифференциацию ответственности с учетом степени уязвимости потерпевшего, особенностей его психофизиологического развития и характера причиняемого вреда [1, с. 60].

В действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации возраст потерпевшего используется в качестве одного из критериев дифференциации уголовной ответственности, однако такая дифференциация не отличается достаточной последовательностью. Наиболее отчетливо возрастным признаком закреплён в статьях 131, 134 и 135 УК РФ, где законодатель связывает квалификацию деяния с недостижением потерпевшим четырнадцати либо шестнадцати лет. Вместе с тем подобный не отражает социально-психологические особенности развития несовершеннолетних, поскольку внутри самой возрастной категории сохраняется значительная неоднородность. Именно поэтому в научной литературе обоснованно высказывается позиция о необходимости учитывать не только формальный возраст потерпевшего, но и характер самого посягательства, в том числе наличие физического насилия, использование беспомощного состояния, зависимого положения либо иных обстоятельств, усиливающих степень общественной опасности содеянного. Такой подход представляется оправданным как с точки зрения квалификации деяния, так и при решении вопроса о назначении наказания [4, с. 108].

Если анализировать ст. 131–135 УК РФ, то можно обнаружить, что законодатель их располагает по принципу возрастания тяжести в зависимости от характера деяния и наличия квалифицирующих признаков. Так, менее опасные формы противоправного поведения влекут назначение наказаний, не связанных с длительной изоляцией от общества, тогда как наиболее тяжкие посягательства предусматривают продолжительные сроки лишения

свободы, вплоть до пожизненного лишения свободы при наличииотячающих обстоятельств. В частности, статья 134 УК РФ, предусматривающая ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцати лет, содержит более мягкие санкции по сравнению со статьей 131 УК РФ, устанавливающей ответственность за изнасилование. В свою очередь, статья 135 УК РФ, регламентирующая ответственность за развратные действия, занимает в данной системе относительно самостоятельное место, поскольку охватывает деяния, не связанные с половым сношением или иными насильственными действиями сексуального характера, но при этом также посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетнего.

Посягательства сексуального характера в отношении несовершеннолетних относятся к числу деяний с повышенной степенью общественной опасности. Вместе с тем правоприменение в данной сфере связано с рядом существенных трудностей. Одной из них является вопрос о значении согласия потерпевшего при квалификации преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. Хотя отсутствие согласия выступает обязательным признаком данных составов, применительно к несовершеннолетним, не достигшим установленного законом возраста, категория юридически значимого согласия имеет ограниченное значение. Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что возраст потерпевшего сам по себе предопределяет невозможность признания его волеизъявления свободным и полноценным в сфере половых отношений.

На практике данный подход реализуется не всегда последовательно. В отдельных случаях суды и следственные органы пытаются установить наличие активного сопротивления или иных внешних признаков насилия. Однако подобная оценка способна привести к необоснованному сужению уголовно-правовой защиты несовершеннолетнего. Отсутствие телесных повреждений, выраженного страха или явного противодействия не свидетельствует о добровольности поведения потерпевшего, если его возраст исключает возможность юридически значимого согласия. Именно поэтому в доктрине обоснованно подчеркивается необходимость единообразного применения возрастного критерия при квалификации таких деяний [2, с. 55].

Другой существенной проблемой является разграничение составов преступлений при сходных фактических обстоятельствах. На практике нередко возникают сложности при определении деяний, предусмотренных статьями 134 и 135 УК РФ. Если суд приходит к выводу о доказанности факта полового сношения, либо иных действий сексуального характера, квалификация, как правило, осуществляется по статье 134 УК РФ. Если же установлены действия, не связанные с половым актом и выражающиеся, например, в прикосновениях, либо иных формах сексуального воздействия, содеянное чаще квалифицируется по статье 135 УК РФ. Анализ судебной

практики и научной литературы показывает, что в подобных случаях границы между указанными составами не всегда отличаются достаточной определенностью. Это создает риск неоднозначного толкования закона и ставит квалификацию деяния в зависимость не только от объективных обстоятельств, но и от оценки правоприменителя. [3, с. 37].

В правоприменительной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних особую сложность представляют вопросы доказывания. Потерпевшие в силу возраста, психоэмоционального состояния, чувства страха и стыда нередко затрудняются в последовательном и полном изложении обстоятельств произошедшего, что отрицательно сказывается на установлении фактической стороны деяния. Указанные обстоятельства осложняют процесс доказывания и могут повлиять как на оценку доказательств, так и на выводы о виновности лица. В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость применения специальных методик допроса несовершеннолетних с обязательным участием психолога либо иного специалиста, а также использования видеофиксации следственных действий, поскольку отсутствие таких гарантий повышает риск искажения сведений и, как следствие, ошибочной квалификации содеянного. Судебная практика также свидетельствует о том, что показания несовершеннолетних нередко формируются под влиянием семейного окружения, давления со стороны заинтересованных лиц либо иных внешних факторов. В связи с этим выявленные противоречия в показаниях потерпевшего и его законных представителей, особенно при отсутствии полноценного психологического исследования, способны повлечь сомнения в достоверности доказательственной базы и стать основанием для отмены либо пересмотра судебных решений [7, с.145].

Существенное методологическое и практическое значение имеет проблема преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием цифровой среды. В современной научной литературе обоснованно отмечается, что распространение социальных сетей, мессенджеров и иных интернет-платформ расширило возможности вовлечения несовершеннолетних в противоправные действия сексуального характера и одновременно повысило латентность таких деяний. В результате значительная часть противоправного поведения реализуется дистанционно, а его уголовно-правовая оценка нередко осуществляется на основе уже существующих составов, не всегда в полной мере учитывающих особенности онлайн-коммуникации, цифровых следов и удаленного способа воздействия на потерпевшего. Дополнительную сложность создает совершение таких деяний в условиях группового взаимодействия, когда затрудняется установление всех эпизодов преступной деятельности, круга потерпевших и роли каждого соучастника. В связи с этим представляется обоснованной постановка вопроса о дальнейшем совершенствовании уголовно-пра-

вовых и процессуальных механизмов противодействия интернет-эксплуатации несовершеннолетних.

Результаты научных исследований и данные правоприменительной практики позволяют сделать вывод о необходимости более последовательного и единообразного подхода к квалификации преступлений данной категории. В доктрине справедливо подчеркивается, что сходные по фактическим признакам деяния нередко получают различную уголовно-правовую оценку, что отрицательно сказывается на предсказуемости правоприменения и единообразии судебной практики. Именно поэтому в современных исследованиях обосновывается необходимость выработки унифицированных критериев разграничения составов, учитывающих возраст потерпевшего, характер сексуального воздействия, способ совершения деяния и степень использования беспомощного либо зависимого положения несовершеннолетнего. Такой подход позволяет не только повысить точность квалификации, но и обеспечить более последовательную реализацию принципов справедливости и дифференциации уголовной ответственности [6, с. 26].

Во-вторых, проблемы доказывания, отмечаемые в научной литературе, в значительной степени совпадают с трудностями, возникающими в правоприменительной практике. Исследователи обоснованно указывают на высокую латентность преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также на влияние психотравмирующего характера произошедшего на полноту и последовательность показаний потерпевших. Существенную сложность представляет отсутствие прямых физических следов, что нередко затрудняет формирование достаточной доказательственной базы. Несмотря на развитие специальных механизмов выявления таких преступлений, в судебной практике по-прежнему фиксируются случаи, когда объективные доказательства в виде биологических следов, видеоматериалов или свидетельских показаний оказываются недостаточными либо отсутствуют вовсе. В связи с этим в доктрине и правоприменении последовательно подчеркивается необходимость своевременного назначения судебно-медицинской и психологической экспертизы при наличии признаков сексуального посягательства. Отсутствие единых и последовательно применяемых стандартов экспертного сопровождения способно повлечь неполное установление фактических обстоятельств дела и, как следствие, ошибочную уголовно-правовую оценку содеянного [5, с. 186].

Системный характер выявленных проблем обуславливает необходимость их комплексного решения как на законодательном, так и на процессуальном уровне. Одним из приоритетных направлений совершенствования уголовного законодательства следует признать дальнейшую дифференциацию норм, устанавливающих ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Представляется целесообразным более четкое структурирование соответствующих составов в рамках Особенной части УК РФ, что позволило

бы устранить существующие пробелы в регулировании и снизить риск неоднозначного толкования уголовно-правовых запретов. Особого внимания требует разграничение деяний, связанных с половым сношением, и иных действий сексуального характера, не сопряженных с проникновением, а также уточнение признаков развратных действий применительно к различным возрастным категориям несовершеннолетних. Не менее значимой задачей является более последовательное разграничение составов, предусмотренных статьями 134 и 135 УК РФ, поскольку действующая редакция закона не всегда обеспечивает единообразную квалификацию сходных по фактическим обстоятельствам деяний.

Отдельного рассмотрения требует вопрос об уголовно-правовой оценке рецидива при совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Повторное совершение подобных деяний свидетельствует о повышенной общественной опасности личности виновного и требует более строгого подхода к определению пределов уголовной ответственности. В связи с этим представляется оправданным дальнейшее совершенствование санкционного механизма применительно к случаям рецидива, особенно если речь идет о тяжких и особо тяжких посягательствах на несовершеннолетних. Усиление уголовно-правовых последствий в таких ситуациях должно быть направлено на повышение эффективности защиты потерпевших и усиление превентивного потенциала уголовного закона.

Наряду с законодательными изменениями существенное значение имеет совершенствование процессуальных механизмов выявления и расследования рассматриваемой категории преступлений. Прежде всего, необходима унификация подходов к назначению судебно-медицинских и психологических экспертиз, а также к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших. В научной литературе и правоприменительной практике последовательно подчеркивается необходимость обязательного участия психолога либо педагога при допросе ребенка, а также применения специальных методик фиксации показаний, позволяющих минимизировать риск вторичной травматизации и искажения сведений. Введение единых стандартов освидетельствования потерпевших и унифицированных протоколов их опроса способствовало бы повышению качества доказательственной базы и снижению числа ошибок, влияющих на квалификацию содеянного.

Особую значимость имеет также обеспечение последующей защиты и восстановления несовершеннолетнего потерпевшего. Посягательства на половую неприкосновенность причиняют вред не только физическому, но и психическому состоянию ребенка, что требует комплексного сопровождения со стороны государства. В этой связи представляется обоснованным расширение участия органов опеки и попечительства в производстве по делам данной категории, а также развитие межведомственного взаимодействия между следственными органами, орга-

нами внутренних дел, учреждениями образования и специализированными психологическими службами. Не менее важным является формирование устойчивых механизмов оказания психологической помощи несовершеннолетним, обратившимся за защитой, поскольку отсутствие своевременной поддержки может затруднить как процесс расследования, так и последующую социальную адаптацию потерпевшего [8, с. 613].

Наконец, повышение эффективности противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних невозможно без усиления аналитического и надзорного компонента. Систематизация

данных о расследовании и судебном рассмотрении таких дел, регулярное обобщение судебной практики и выявление типичных ошибок квалификации способны обеспечить более последовательное применение закона. Существенную роль в этом процессе должны играть органы прокуратуры, осуществляющие надзор за соблюдением законности на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Комплексное сочетание законодательных, процессуальных и организационных мер позволит повысить эффективность уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и обеспечить более высокий уровень защиты их прав и законных интересов.

Литература:

1. Багаутдинов Ф.Н., Михайлов А. А. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: требуются единые подходы. Вестник Казанского юридического ин-та МВД РФ. 2024. № 2. С. 57–63.
2. Басова А. В. Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем. Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД РФ. 2024. № 4. С. 51–64.
3. Кухарук В. В. Половая неприкосновенность: вопросы уголовной политики, квалификации и правоприменения. Вестник Волгоградского Юридического Института (Филиал РАНХиГС). 2024. Т. 24, № 3. С. 32–43.
4. Данелян Р.С., Данелян С.В., Амиянц К. А. Актуальные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Пробелы в рос. законодательстве, 2015, № 6, С. 107–110.
5. Никульченкова Е. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 185–191.)
6. Пантюхина И. В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Т. 18. № 4. С. 25–32.
7. Трусова Н. С. Особенности доказывания при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Пробелы в рос. законодательстве. 2015. № 3(13). С. 144–149.
8. Шуняева В. А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 611–618.

Экономическая концентрация: понятие и последствия

Мазуров Владимир Владимирович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ключевые слова: экономическая концентрация, антимонопольное регулирование, сделки слияния и поглощения.

Актуальность исследования. Актуальность изучения экономической концентрации обусловлена противоречивым характером ее воздействия на экономическую систему. С одной стороны, концентрация способствует достижению эффектов масштаба, инновационному развитию и повышению конкурентоспособности национальных компаний на мировых рынках.

С другой стороны, чрезмерная концентрация ведет к монополизации, ограничению конкуренции и снижению социальной эффективности. Особую остроту проблема приобретает в контексте трансформации соб-

ственности и развития рыночной экономики, когда традиционные методы измерения концентрации требуют адаптации к новым реалиям цифровых рынков.

Цель настоящей статьи — системный анализ сущности экономической концентрации, выявление ее основных форм, а также комплексная оценка последствий для конкурентной среды и экономической эффективности с учетом современных тенденций развития антимонопольного регулирования.

Глобализация и цифровизация экономики ведут к неизбежному укрупнению бизнеса, что ставит под удар эф-

фективность традиционных антимонопольных мер. Хотя экономическая концентрация является естественным следствием рыночных изменений и может повышать производительность, она также несет в себе серьезный риск подавления конкуренции. Чтобы понять содержание предмета экономической концентрации и оценить её последствия, необходимо обратиться к доктрине и рассмотреть определение в двух аспектах: юридическом и экономическом.

Нормативное закрепление понятия «экономическая концентрация» нашло свое отражение в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ. В соответствии с пунктом 21 статьи 4 данного закона Экономическая концентрация — это сделки, иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции.

Экономическая концентрация с экономической точки зрения понимается как «сосредоточение экономически значимых признаков или характеристик в руках незначительного количества хозяйствующих субъектов (единиц или носителей информации)». [3]

Как поясняет Б. А. Райзберг, концентрация — это слияние производства и капитала в одном месте или у одного собственника, что ведет к доминированию на рынке одной или нескольких компаний.

Серегин Д. И. рассматривает экономическую концентрацию в более широком смысле. Он считает, что экономическая концентрация — это процесс, который влияет на конкуренцию на товарном рынке и предполагает наличие причинно-следственной связи между такими изменениями и действиями хозяйствующего субъекта или его сделками. [2]

Таким образом, можно сделать вывод, что под экономической концентрацией понимается совокупность правомерных сделок и иных юридических действий хозяйствующих субъектов, приводящих к перераспределению рыночной власти путем установления прямого или косвенного контроля над активами, корпоративными правами или деятельностью других участников рынка, способны привести к изменению структуры товарного рынка и оказать существенное влияние на условия конкуренции, вследствие чего подлежат государственному контролю. Правовое регулирование данных сделок базируется на принципе превентивного контроля: антимонопольный орган оценивает их последствия, по общему правилу, до момента совершения. Согласно пункту 1 статьи 33 Федерального закона «О защите конкуренции», хозяйствующие субъекты обязаны получить предварительное согласие ФАС России на совершение сделок, если стоимость активов или выручка участников превышают установленные пороговые значения. Важно отметить, что законодательство различает уведомительный и разрешительный порядки контроля. Приобретение более 25 % голосующих акций акционерного общества требует предварительного согласования, тогда как приобретение до 25 % — лишь уведомления антимонопольного органа. Данная диффе-

ренциация отражает степень потенциального влияния на конкурентную среду.

Современная экономическая теория выделяет несколько методологических подходов к анализу концентрации. Традиционно используются структурные индексы, среди которых наиболее распространен индекс Херфиндаля-Хиршмана (ННН), рассчитываемый как сумма квадратов рыночных долей всех участников рынка. Данный индекс чувствителен к изменениям в структуре рынка и позволяет оценить степень концентрации с учетом как числа фирм, так и неравенства их размеров. Значения индекса варьируются от 0 (идеальная конкуренция) до 10000 (абсолютная монополия).

В экономике выделяют три формы экономической концентрации: горизонтальная, вертикальная, конгломератная.

Горизонтальные слияния и поглощения предполагают объединение компаний, осуществляющих деятельность на одном и том же товарном рынке и на одной стадии производственной цепочки. Данная форма концентрации непосредственно влияет на структуру рынка, сокращая число независимых участников и потенциально усиливая рыночную власть объединенной компании. Основными результатами горизонтальной концентрации являются одностороннее воздействие на товарный рынок (возможность повышения цен или снижения объемов производства новым субъектом рынка) и координационные действия (облегчение координации действий между оставшимися на рынке конкурентами).

Вертикальная концентрация связана с объединением компаний, находящихся на разных стадиях производственной цепочки (поставщик и покупатель). В отличие от горизонтальной, вертикальная концентрация редко создает прямую угрозу конкуренции, но может приводить к закрытию доступа конкурентам к необходимым ресурсам или сбытовым каналам и повышению барьеров входа на рынок. В условиях цифровой экономики вертикальная концентрация приобретает новые формы, когда платформы интегрируют сервисы, ранее предоставляемые независимыми поставщиками, создавая экосистемы с высокой степенью контроля над пользовательским опытом.

Конгломератная концентрация предполагает объединение компаний, не связанных между собой, действующих на разных товарных рынках. Традиционно считалось, что такие сделки не влияют на конкуренцию, однако в цифровой экономике конгломераты технологических компаний способны использовать данные и пользовательскую базу из одного сегмента для доминирования в другом.

Позитивные последствия экономической концентрации:

1. Ключевым аргументом в пользу концентрации выступает достижение эффекта масштаба производства. Крупные объединения располагают возможностями для внедрения передовых технологий, автоматизации процессов и оптимизации логистических цепочек, что при-

водит к снижению средних издержек на единицу продукции. Крупные корпорации обладают существенными преимуществами в финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Это способствует ускорению научно-технического прогресса в отраслях с высокими барьерами входа, таких как фармацевтика, авиастроение или энергетика, где достижение высокого результата требует многомиллиардных инвестиций в исследования с неопределённым сроком окупаемости.

2. В условиях глобализации экономическая концентрация выступает инструментом создания крупных «игроков» — корпораций, способных конкурировать с международными гигантами. Крупные объединения демонстрируют повышенную устойчивость к изменениям состояния рынка, вызванным различными факторами, которые влияют на соотношение спроса, предложения и цены.

Негативные последствия экономической концентрации:

1. Наиболее существенным негативным эффектом является ослабление или полное устранение конкурентных механизмов, которые выступают двигателем экономической эффективности. При достижении доминирующего положения субъекты получают возможность монопольного ценообразования.

2. Процессы концентрации неизбежно сопровождаются структурными сокращениями рабочих мест как следствие оптимизации дублирующих функций, что ведёт к росту безработицы и социальной напряжённости. Происходит обесценивание профессиональных навыков увольняемых работников, особенно в специфических секторах, требующих уникальной квалификации.

3. Крупные корпорации приобретают значительное политическое влияние, позволяющее им лоббировать принятие законодательных актов, ограничивающих конкуренцию, получать чрезмерные государственные субсидии и влиять на макроэкономическую политику в собственных интересах. Это нарушает принципы равноправия субъектов хозяйствования и может приводить к принятию экономически неэффективных решений.

4. Основным и наиболее очевидным последствием высокой концентрации является способность доминирующих компаний устанавливать цены выше конкурентного уровня без риска потери клиентов. При горизонтальной концентрации (слиянии конкурентов) сокращается число альтернативных предложений, что позволяет объединённой компании монополизировать рынок.

5. Концентрация производства ведет к стандартизации предложения и сокращению ассортимента. Крупные игроки, оптимизируя издержки массового производства, часто сокращают линейку продуктов, фокусируясь на наиболее прибыльных позициях. Для потребителя это означает утрату возможности выбора специализированных или нишевых товаров, а также исчезновение локальных брендов в результате поглощений.

Таким образом, экономическая концентрация представляет собой двойственный феномен, требующий тонкого баланса между стимулированием эффективности крупного бизнеса и защитой конкурентной среды. При умеренном уровне концентрации на рынках с низкими барьерами входа объединение компаний может способствовать повышению эффективности и инновационного развития. Однако высокая концентрация ведет к монополизации, ограничению конкуренции и снижению общественного благосостояния.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.
2. Гаврилов, Д. А. Конкурентное право: Учебник / Д. А. Гаврилов, С. А. Пузыревский, Д. И. Серегин. — М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 416 с. — Текст: непосредственный.
3. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016, 552 с. — Текст: непосредственный.
4. Овакимян К. Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: дис.... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 29–30 — Текст: непосредственный.
5. Попондопуло, В. Ф. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / В. Ф. Попондопуло. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023 — Текст: непосредственный.
6. Новая институциональная экономическая теория: [монография] / А. Е. Шаститко; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Экономический фак. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: ТЕИС, 2010. — 827 с. — Текст: непосредственный.

Практика реализации наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних

Макарова Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Некоз Аркадий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В данной статье рассмотрена практика реализации наказаний, не связанных с лишением свободы несовершеннолетних.
Ключевые слова: уголовная ответственность, лишение свободы, несовершеннолетние, освобождение от уголовной ответственности, преступление, осужденные, наказание.

Practice of implementing punishments not related to imprisonment of minors

Makarova Anastasiya Dmitriyevna, master’s student
Scientific advisor: Nekoz Arkadiy Sergeevich, phd in law, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

This article examines the practice of implementing punishments not related to the deprivation of liberty of minors.
Keywords: criminal liability, imprisonment, minors, release from criminal liability, crime, convicted persons, punishment.

Наказания, не связанные с лишением свободы, являются эффективной мерой государственного принуждения в отношении несовершеннолетних. Их применение позволяет достичь целей наказания без нарушения социальных связей осуждённого и исключает негативное воздействие криминальной среды.

Таблица 1. Динамика количества осужденных совершеннолетних и назначенных им видов уголовных наказаний, не связанных с лишением или ограничением свободы

	Число осужденных														
Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего осуждено совершеннолетние (чел.)	835954	798117	743987	706706	706135	695711	711718	717390	676423	639465	581349	516296	550660	564560	542973
Темпы прироста, %	-	-4.5	-6.8	-5.0	-0.08	-1.5	+2.3	+0.8	-5.7	-5.5	-9.1	-11.2	+6.6	+2.5	-3.8
Осуждено к указанным видам в целом (чел.)	195428	244651	243421	260318	265126	256857	221672	292953	273238	254902	224430	195247	204783	208368	199641
Осуждено к штрафу (чел.)	131402	123495	113503	113358	116176	111839	86758	100055	90289	85353	74754	61706	68250	73491	76992
Удельный вес, %	14.8	14.7	14.6	15.4	15.9	15.7	13.5	13.8	13.1	13.1	12.6	11.8	12.3	13.0	14.2
Осуждено к обязательным работам (чел.)	19628	79874	89881	76560	73172	69898	74093	141165	128165	114802	99655	92617	90245	86311	76869
Удельный вес, %	2.2	9.5	11.5	10.4	10.0	9.8	11.6	19.5	18.6	17.6	16.9	17.7	16.2	15.2	14.2
Осуждено к исправительным работам (чел.)	44398	41282	40037	70400	75778	75120	60821	51733	54784	54747	50021	40924	46288	48566	45780
Удельный вес, %	5.0	4.9	5.1	9.6	10.4	10.5	9.5	7.1	7.9	8.4	8.5	7.8	8.3	8.6	8.5

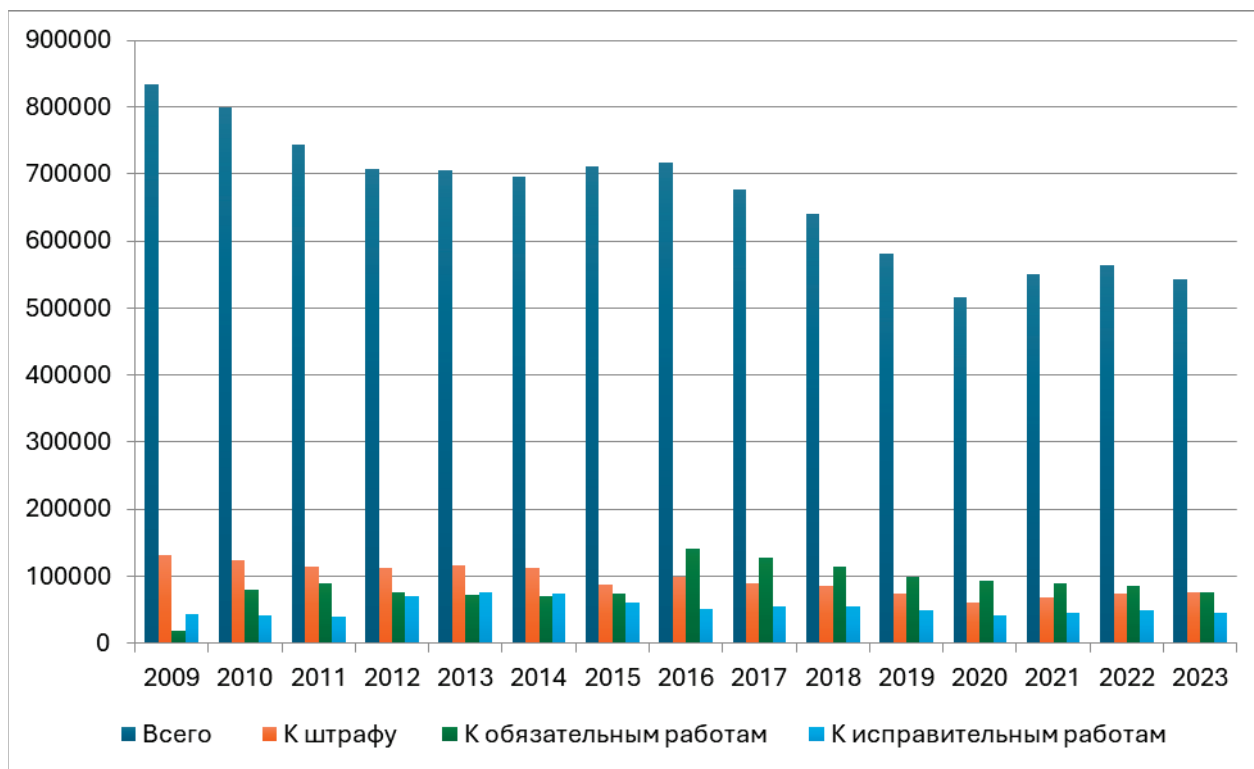

Рис. 1. Динамика количества осужденных совершеннолетних и назначенных им видов уголовных наказаний, не связанных с лишением или ограничением свободы

По нашему мнению, в уголовном законодательстве не в полной мере учтены особенности социальной почвы, готовности к пониманию наказания именно как наказания, со всеми его формально-содержательными «атрибутами». В частности, если вести речь о наказании в виде обязательных работ, то можно констатировать определенное не восприятие данного наказания (с присущими ему «карательными составляющими»). Исследования, проводимые на протяжении многих лет специалистами в области преступности и наказуемости несовершеннолетних, свидетельствуют, что зачастую ни сам осужденный, ни значительная часть правоприменителей не рассматривают данный вид наказания именно как определенные, серьезные и строгие ограничения и лишения, что имманентно уголовному наказанию в контексте возможного достижения выдвигаемых перед ним целей [5]. По нашему мнению, возможность назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде исправительных работ изначально, исходя из редакции ч. 1 ст. 50 УК РФ, нередко затруднительна [2].

Возникают с назначением штрафа. Несовершеннолетним штраф назначается не так часто ввиду отсутствия у них самостоятельного заработка и, как следствие, невозможности исполнять данный вид наказания самостоятельно [4]. **Недостаточное назначение лишения права заниматься определённой деятельностью.** Это связано с характером совершаемых несовершеннолетними преступлений и небольшим количеством лиц указанной категории, занятых определёнными видами деятельности.

Для улучшения практики реализации наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних предлагается, например, уменьшить еженедельную продолжительность отбывания обязательных работ, установить запрет на назначение исправительных работ лицам, не достигшим 16 лет, и так далее.

Таким образом, отсутствие воспитательного элемента ощущается в случае взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего, так как отбывание назначенного наказания сводится к банальной уплате указанными лицами, установленной судом суммы. Такое положение вещей следует признать неудовлетворительным. Несовершеннолетний преступник должен прочувствовать негативную оценку содеянного им, прежде всего от лица государственных органов, а не от порицания со стороны родителей. В ином случае утрачивается индивидуальный характер и воспитательная роль наказания — не согласованность законодательства УК РФ, УИК РФ и ТК РФ, в частности, срок отбывания обязательных работ исчисляется в часах, отработанных несовершеннолетним. В ч. 3 ст. 88 УК РФ закреплено, что продолжительность ежедневного отбывания рассматриваемого наказания не должна превышать двух часов для осужденных в возрасте до 15 лет; трех часов — для осужденных в возрасте от 15 до 16 лет [2]. При этом ч. 2 ст. 27 УИК РФ установлено, что время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов [3]. Данное положение действует также в отношении несовершеннолетних. Получается, что ч. 3 ст. 88 УК РФ предусма-

тривает различную ежедневную продолжительность отбывания указанного наказания с учетом возраста осужденного [2], а УИК РФ — нет — при отбывании исправительных работ также вступает в противоречие ч. 6 ст. 40 УИК РФ (закрепляет ежегодный оплачиваемый отпуск несовершеннолетних осужденных — 18 рабочих дней) тогда как ст. 267 ТК РФ определяет отпуск несовершеннолетних продолжительностью 31 календарный день [1]).

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
4. Иванова Л. М. Корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение / Л. М. Иванова. — Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2008. — 155 с.
5. Сутурин М. А. Современные закономерности назначения наказаний, не связанных с ограничением или лишением свободы, применяемых в отношении несовершеннолетних / М. А. Сутурин // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — № 6. — С. 636–645.

Проблемы реализации прав детей-сирот на воспитание в семье и пути совершенствования законодательства

Малашина Ангелина Олеговна, студент магистратуры
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Статья посвящена анализу специфики осуществления прав детей-сирот на воспитание в семье в контексте современного семейного законодательства и развития системы социальной опеки. При этом подняты проблемные вопросы, касающиеся данной тематики, возникающие как в законодательстве, так и в правоприменительной практике деятельности различных субъектов. Изучаются отдельные аспекты устройства детей-сирот с помощью использования семейной формы заботы о них. Особое внимание уделяется вопросам перспективности развития правовой защиты и охраны, гарантированности прав детей, оставшихся без попечения родителей, или их не имеющих с рождения. Поэтому определены пути и перспективы развития законодательства и системы социальной защиты исследуемой категории детей. Затронуты различные аспекты устройства детей-сирот при помощи патронатных и приемных семей, а также путем усыновления (удочерения).

Ключевые слова: дети-сироты, дети оставшиеся без попечения родителей, семья, родители, приемная семья, патронатная семья, усыновление, семейное воспитание.

Problems in realizing the rights of orphans to be raised in a family and ways of improving legislation

The article analyzes the specifics of the implementation of the rights of orphaned children to be raised in a family in the context of modern family legislation and the development of the social care system. At the same time, problematic issues related to this topic are raised, arising both in legislation and in the law enforcement practice of various entities. Individual aspects of the orphan children's care are being studied through the use of a family form of caring for them. Special attention is paid to the issues of prospects for the development of legal protection and protection, guaranteeing the rights of children left without parental care, or who have not had them since birth. Therefore, the ways and prospects for the development of legislation and the social protection system of the studied category of children have been identified. Various aspects of the placement of orphaned children with the help of foster and foster families, as well as through adoption, are affected.

Keywords: orphaned children, children left without parental care, family, parents, foster family, foster family, adoption.

В правовых и иных социально-гуманитарных науках (малой социальной группы) общества, которая выступает семья воспринимается в качестве особой ячейки важнейшим элементом системы воспитания, при этом она

является и необходимой формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в связи с лишением их прав или по иным причинам.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение различных проблем и перспектив развития системы организации социальной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без законной опеки или кровных родителей, особенно имеющими различные отклонения в функционировании (вызванными девиантным поведением, иными негативными явлениями и отклонениями), с использованием, в том числе, организационно-правового подхода, представляется весьма значимым и актуальным как в научно-теоретическом, юридическом плане, так и в точки зрения социально-правовой практики и правоприменения.

При этом устройство и развитие детей-сирот, формы и функции социальной работы с ними напрямую зависят от социальных отношений в целом, а также от уровня нравственного, культурного, духовного, политического, правового, экономического развития современного общества.

Проблемам устройства с помощью семейной формы воспитания детей-сирот и несовершеннолетних, оставшихся без родителей, посвящены публикации следующих исследователей: К. Т. Борсова [9, с. 58–60]; Ю. Ю. Гарцева [10, с. 229–231]; О. Б. Полякова [11, с. 105–112]; В. В. Руднева [12, с. 555–564].

Однако данными исследованиями не исчерпана проблема социальной работы с детьми-сиротами и несовершеннолетними, оставшимися без родителей.

Объектом публикации являются общественные отношения, связанные с регулированием вопросов реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без родителей, на воспитание в семье.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты, доктринальные источники, судебная практика в сфере регулирования воспитательного процесса и социальной работы с детьми-сиротами.

Цель работы заключается в исследовании и уточнении проблем реализации прав детей-сирот на воспитание в семье и выделении путей совершенствования законодательства в данном аспекте.

Дети, потерявшие свои семьи или не имевшие родителей с рождения, страдают недостатком семейного воспитания и родительского внимания.

Так как семья способствует организации внутреннего быта и досуга различных членов общества, осуществляющих общежитие и обладающих общим домохозяйством, она представляется приоритетным институтом и формой устройства изучаемой категории детей.

Следует заметить, что конституционные нормы служат основанием защиты и охраны прав детей-сирот на воспитание в семье, гарантируя в положениях ст.ст. 1, 2, 7, 17, 37–43, 45, 46 следующие основы социальной защиты, обслуживания и поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, или не имеющих их: охрана их здоровья,

достижение социального благополучия, формирование условий законодательным путем для достойной жизни и свободного развития ребенка, приоритет семьи и семейного воспитания [1].

Далее в различных федеральных актах конкретизируются данные положения (СК РФ [2], Федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ [3], гарантирующие защиту и охрану, беспрепятственную реализацию прав ребенка на семейное воспитание и заботу).

Как отмечают К. Т. Борсова [9, с. 58], Ю. Ю. Гарцева [10, с. 229], О. Б. Полякова [11, с. 106] при сравнительном исследовании отдельных форм устройства детей-сирот, наиболее важными и приоритетными являются те, которые связаны с передачей такого ребенка на семейное воспитание как гаранта его наилучшего развития, обучения и обеспечения.

Несмотря на значительные преимущества семейного воспитания, приоритетными формами остаются не усыновление или удочерение ребенка без родителей (сироты), а иные формы замены реальной семьи (безвозмездная или возмездная семейная опека (включая приемные семьи, патронат и т. д.)).

В настоящее время (2021–2024 гг.) усыновляется только от 5 до 8 % детей от общего числа сирот и оставшихся без родителей в различные полноценные семьи, а также при этом количество усыновленных падает постоянно. Для сравнения в 2013 году это количество равнялось 13 % от общего числа указанной категории детей [13].

Однако преимущества усыновления по сравнению с различными видами семейной опеки значительны: ребенок получает все имущественные и личные права как полноценный член семьи; данная семья полностью заменяет предыдущую в части наличия всех прав и обязанностей родителей; данная форма предполагает постоянное устройство одинокого ребенка; родители вправе изменять все данные усыновленного; усыновление предполагает (по умолчанию) безвозмездность отношений.

Также среди проблем реализации прав детей-сирот можно назвать постоянные попытки ущемления их имущественных прав, в том числе, в жилищной сфере, связанных с несоблюдением очередности и нормативов предоставления жилых помещений; отказом в предоставлении необходимого для проживания жилья ребенку-сироте и его опекуну; выдачи неблагоустроенного жилья, которое не соответствует жилищным и строительным нормативам [6; 7; 8].

В процессе реализации прав ребенка, оставшегося без родителей по той или иной причине, на воспитание в семье возникают и другие актуальные проблемы, связанные как с низким уровнем обеспечения воспитания в семейных условиях детей-сирот, так и иными негативными факторами: несовершенством законодательства и социальной современной политики нашей страны; негативными явлениями в виде игнорирования отдельными опекунами и попечителями, усыновителями, патронатных

родителей (воспитателей) своих обязанностей перед подопечными (усыновленными детьми); несовершенством функциональной реализации прав и законных интересов детей-сирот и оставшихся без родителей и семьи в процессе установления одной из форм опеки и устройства; отсутствием норм федерального законодательства при установлении принципов, основ организации и функционирования отдельных институтов социальной защиты нуждающихся в заботе и усиленной охране детей (в частности, патроната).

Поэтому можно предложить решение отдельных указанных выше проблем путем внедрения следующих мер:

— закончить начатую ранее с помощью законопроектов (о внесении в СК РФ отдельной главы о патронаже и патронатной семье [4], либо в части принятия отдельного федерального акта национального значения [5]), инициативу федерального урегулирования вопросов патроната в России, которая будет способствовать приведению всех региональных актов в общую систему регла-

ментации данных договорных отношений и повышению уровня защиты нуждающихся детей;

— решить противоречия в предписаниях СК РФ, ГК РФ и специального федерального законодательства в сфере защиты прав и интересов детей-сирот и оставшихся без родителей;

— необходимо продвигать реальные меры, направленные на совершенствование всего социального законодательства и политики государства в данном направлении в целом, при этом детализируя и решая различные проблемы в рассматриваемой сфере.

Подводя итог, можно отметить, что организационно-правовое регулирование социальной работы с проблемными детьми-сиротами и несовершеннолетними, оставшимися без родителей, должно быть направлено на эффективное внедрение мер помощи данным детям с помощью семейно-воспитательных форм устройства, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении.

Литература:

1. Конституция: принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 15. — Ст. 1691.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.
4. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (по вопросу организации патронатного воспитания детей): Законопроект № 587253-5 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/587253-5> (дата обращения: 14.02.2025).
5. О патронате в Российской Федерации: Законопроект № 217944-6 // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217944-6> (дата обращения: 14.02.2025). Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета. — 1995. — № 67.
6. Решение Ленинского районного суда г. Уфы от 13 августа 2024 г. по делу № 2-3377/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/23nJBMdDbilX/>. — (дата обращения: 19.03.2026).
7. Решение Советского районного суд г. Орла от 20 августа 2024 г. по делу № 2-4435/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/syQQu6JZIDL5/>. — (дата обращения: 19.03.2026).
8. Решение Кировского районного суда г. Саратова от 30 июля 2024 г. по делу № 2-3787/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UsdDPsEqRwdP/>. — (дата обращения: 19.03.2026).
9. Борсова, К. Т. К вопросу о некоторых формах устройства детей, оставшихся без родителей / К. Т. Борсова // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 93-4. — С. 58-60.
10. Гарцева, Ю. Ю. К вопросу о правовой аналитике института патронатной семьи в России / Ю. Ю. Гарцева // Юридическая техника. — 2024. — № 18. — С. 229-231.
11. Полякова, О. Б. Формы содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / О. Б. Полякова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — 2024. — № 20. — С. 105-112.
12. Руднева, В. В. Договор о приемной семье как один из способов устройства в семьи детей, оставшихся без попечения родителей / В. В. Руднева // Вестник науки. — 2023. — Т. 2, № 12(69). — С. 555-564.
13. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2021-2024 гг. // Банк документов: Министерство просвещения Российской Федерации: [сайт]. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b02e4dc143d824c7a90c717add85a03/?ysclid=m7uam704tf528612824>. — (дата обращения: 19.03.2026).

Проблемы определения подсудности мировых судей по уголовным делам

Мамедханов Вадим Азадович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье исследуются теоретические и практические проблемы определения подсудности уголовных дел мировым судьям. Анализируются предметный, персональный и территориальный признаки подсудности в их соотношении с конституционным правом на рассмотрение дела законным судом. Особое внимание уделяется недостаточной регламентации механизма замены мирового судьи при наличии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по делу, либо в случае длительного отсутствия. Рассматривается региональный законодательный опыт Тюменской области, зафиксировавший попытку восполнить пробелы федерального регулирования. Обосновывается необходимость внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на установление единообразного процессуального порядка изменения подсудности дел у мировых судей с обязательным вынесением мотивированного постановления и обеспечением права обжалования.

Ключевые слова: подсудность, мировой судья, уголовное дело, территориальная подсудность, замена судьи, отвод судьи, Тюменская область, правосудие, уголовно-процессуальное законодательство.

Problems of determining the jurisdiction of justices of the peace in criminal cases

The article examines the theoretical and practical problems of determining the jurisdiction of criminal cases for magistrates. The article analyzes the subject, personal and territorial features of jurisdiction in their relation to the constitutional right to consider a case by a lawful court. Particular attention is paid to the insufficient regulation of the mechanism for replacing a justice of the peace in the presence of circumstances precluding his participation in the proceedings, or in the case of a prolonged absence. The regional legislative experience of the Tyumen region is considered, which has recorded an attempt to fill in the gaps in federal regulation. The necessity of introducing amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at establishing a uniform procedural procedure for changing the jurisdiction of cases before magistrates with the mandatory issuance of a reasoned decision and ensuring the right of appeal is substantiated.

Keywords: jurisdiction, justice of the peace, criminal case, territorial jurisdiction, replacement of a judge, recusal of a judge, Tyumen region, justice, criminal procedure legislation.

Институт мировых судей в современной российской судебной системе выступает в качестве ключевого элемента, обеспечивающего доступность правосудия и разгрузку судов общей юрисдикции более высокого уровня. Однако становление и развитие данного института, особенно в контексте производства по уголовным делам, сопряжено с рядом серьезных теоретических и практических затруднений. Центральное место среди них занимает проблема определения подсудности, которая не ограничивается лишь предметным и персональным критериями, а включает в себя сложные механизмы территориального разграничения, замены судьи и передачи дел. Несмотря на кажущуюся формальную определенность, закрепленную в процессуальном законодательстве, вопросы подсудности дел мировым судьям продолжают порождать правовые коллизии, требующие разрешения как на федеральном, так и на региональном уровне. Особую значимость в этом контексте приобретает анализ законодательной практики субъектов Российской Федерации, в частности Тюменской области, которая предприняла попытки самостоятельного регулирования данных вопросов, выявив тем самым системные пробелы федерального законодательства.

Правовая основа определения подсудности уголовных дел мировым судьям закладывается на федеральном

уровне. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к подсудности мировых судей отнесены, прежде всего, дела частного обвинения, предусматривающие ответственность за преступления небольшой тяжести, перечень которых является исчерпывающим. Кроме того, в их компетенцию входят уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести, по которым максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, за исключением дел, отнесенных законом к ведению районных (городских) судов или военных судов [1].

Как верно отмечают Гильманов И. М., Гильманов М. М., классические признаки подсудности — предметный (родовой) и персональный (субъектный) — являются необходимыми, но далеко не достаточными условиями для реализации конституционного права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Данное право, закрепленное в части первой статьи 47 Конституции Российской Федерации, требует детальной регламентации механизмов территориальной подсудности, а также четких правил передачи дела от одного судьи к другому. В системе федеральных судов, таких как районные или городские суды, вопрос о замене судьи при его временном отсутствии, от-

пуске, болезни либо при наличии обстоятельств, исключающих его участие в судопроизводстве, разрешается председателем суда в рабочем порядке. Председатель наделен полномочиями передать дело другому судье того же суда. Однако для мировых судей, которые организационно не входят в аппарат районного суда и действуют на своем судебном участке, такой механизм неочевиден [2].

Отсутствие прямого и исчерпывающего ответа на этот вопрос в федеральном уголовно-процессуальном законодательстве породило региональное правотворчество, примером которого служит Тюменская область. Тюменской областной Думой 25 апреля 2000 года был принят Закон «О мировых судьях Тюменской области», который содержал норму, призванную восполнить указанный пробел. Данный нормативный правовой акт установил, что в случае временного отсутствия мирового судьи председатель соответствующего районного (городского) суда получает право передавать дела, находящиеся в производстве или только поступившие на рассмотрение к мировому судье, другому мировому судье или даже судье того самого районного (городского) суда. На первый взгляд, такое решение выглядит прагматичным и направленным на обеспечение непрерывности правосудия. Однако более глубокий анализ показывает, что подобный подход порождает серьезные теоретические и практические проблемы.

Во-первых, возникает фундаментальное возражение конституционно-правового характера. Правомочия федеральных судей, к числу которых относятся и судьи районных (городских) судов, не могут и не должны определяться законодательством субъекта Российской Федерации. Их процессуальная деятельность регламентируется исключительно Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами. Передача уголовного дела от мирового судьи, статус которого также определяется федеральным законом, судье районного суда на основании регионального закона ставит под сомнение единство правового пространства и принцип законности при осуществлении правосудия. По сути, региональный законодатель вторгся в сферу исключительного ведения Российской Федерации, что недопустимо в силу прямого указания статьи 71 Конституции [3].

Во-вторых, тюменский законодательный опыт не охватывает всех возможных ситуаций, когда требуется решить вопрос о передаче дела, подсудного конкретному мировому судье, другому мировому судье. Норма регионального закона не определяет, что следует понимать под «временным отсутствием» — его пределы, продолжительность, документальное подтверждение. Не регламентирован порядок действий в ситуации, когда все мировые судьи в пределах данного района по тем или иным причинам не могут рассматривать конкретное дело, например, в силу наличия общих оснований для отвода. Кроме того, законодательство Тюменской области не устанавливает процессуальную форму, в которую должно облекаться решение председателя районного суда о передаче дела. Должно ли это быть постановление, определение или иной

документ, подлежащий обжалованию? Ответа на эти вопросы региональный закон не дает, что создает почву для судебного усмотрения и потенциальных злоупотреблений.

Указанные недостатки позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования федерального уголовно-процессуального регулирования, а не фрагментарных региональных инициатив. Представляется, что в главу, посвященную подсудности, следует включить специальную норму, которая бы четко и единообразно регламентировала полномочия председателя районного (городского) суда по перераспределению уголовных дел между мировыми судьями, действующими на территории данного судебного района. Такая норма должна предоставить председателю суда право передавать уголовное дело от одного мирового судьи другому при наличии обстоятельств, исключающих участие судьи в производстве по делу, аналогичных основаниям для отвода, предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Кроме того, основанием для передачи должно являться длительное временное отсутствие мирового судьи, под которым следует понимать отсутствие, нарушающее установленные законом процессуальные сроки назначения и рассмотрения уголовных дел. Критически важным аспектом является процессуальная форма решения председателя суда о передаче дела. Такое решение должно облекаться в форму мотивированного постановления, в котором надлежит указать конкретные причины, препятствующие рассмотрению дела данным мировым судьей, а также обоснование выбора конкретного судебного участка, куда дело передается. Постановление о передаче дела должно быть доступно для обжалования и опротестования в вышестоящем суде в порядке, установленном для обжалования промежуточных судебных решений [4].

Проблема определения подсудности дел мировым судьям не исчерпывается вопросами замены судьи. Существенные сложности возникают и при объединении уголовных дел, когда к производству мирового судьи подсоединяется дело, изначально ему не подсудное, либо когда в одном производстве оказываются дела, подсудные разным мировым судьям. В подобных ситуациях действующий уголовно-процессуальный закон также не содержит однозначных предписаний. Не решен вопрос о территориальной подсудности в случаях, когда преступление, отнесенное к компетенции мирового судьи, было начато на одном судебном участке, а окончено на другом, либо когда множественность эпизодов совершена на территории нескольких участков. Отсутствие четких правил влечет за собой споры о подсудности между мировыми судьями, что затягивает производство по делу и нарушает права участников уголовного судопроизводства, включая потерпевших, заинтересованных в скорейшем доступе к правосудию.

Анализ законодательства Тюменской области в контексте общих проблем определения подсудности по уголовным делам у мировых судей позволяет сделать вывод о том, что региональное правотворчество в данной сфере, при всей своей внешней целесообразности, не может заменить системного федерального регулирования. Попытка Тюменской областной Думы восполнить пробелы Уголовно-процессуального кодекса привела к созданию

нормы, вступающей в противоречие с принципом разделения полномочий между Федерацией и ее субъектами, а также не обеспечивающей в полной мере процессуальных гарантий независимости судей. Положительным аспектом данного опыта можно считать сам факт осознания региональным законодателем существующей проблемы и попытку ее практического решения, что послужило импульсом для научной дискуссии [5].

В качестве итога необходимо подчеркнуть, что эффективное функционирование института мировых судей по уголовным делам невозможно без детальной, непротиворечивой и исчерпывающей регламентации всех аспектов

подсудности на федеральном уровне. Законодателю надлежит внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, установив четкий порядок передачи дела от одного мирового судьи другому с обязательным вынесением мотивированного постановления председателем районного суда, определив критерии длительного отсутствия и исчерпывающий перечень оснований для такой передачи. Только такой подход позволит реализовать принцип назначения законом суда и судьи, которому подсудно конкретное дело, и тем самым укрепить авторитет мировой юстиции как полноценного и самостоятельного звена судебной системы России.

Литература:

1. Кондрашин П. В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. 2019. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-realizatsii-prava-na-zakonnyy-sud-pri-opredelenii-territorialnoy-podsudnosti-ugolovnyh-del-v-mirovoy-yustitsii> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Гильманов И. М., Гильманов М. М. Вопросы подсудности мировому судье составов преступлений из гл. 16 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-podsudnosti-mirovomu-sudie-sostavov-prestupleniy-iz-gl-16-uk-rf> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Кочаненко, Е. П. Об отдельных аспектах функционирования мировых судов в составе судебной системы России / Е. П. Кочаненко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 36 (483). — С. 187–192.
4. Абсалямова А. М. Проблема подсудности гражданских дел мировым судьям и пути его решения // Вестник науки № 6 (63) том 5. С. 132–135. 2023 г. ISSN 2712–8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/9346> (дата обращения: 17.04.2026 г.).
5. Попова Д. Ф., Егерев О. А. Проблемы правового регулирования института мировых судей // Научный лидер. 2024. № 13 (163).

Подготовительные действия к судебному заседанию в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты

Маслыган Дарина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Гутник Оксана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

Подготовительные действия являются самым важным этапом уголовного процесса, который обеспечивает эффективное проведение судебного заседания. Они включают различные мероприятия, которые направлены на обеспечение полноты материалов дела, участие сторон и свидетелей, установление факта готовности участников к процессуальному разбирательству. Цель данной статьи — рассмотреть ключевые аспекты подготовительных действий в уголовном судопроизводстве и определить особенности организации подготовки судебных заседаний.

Ключевые слова: подготовка уголовного дела, подготовка к заседанию, стадия уголовного процесса, правосудие, уголовное судопроизводство.

Preparatory actions for a court hearing in criminal proceedings: theoretical and practical aspects

Maslygan Darina Sergeevna, student

Scientific advisor: Gutnik Oksana Vladimirovna, phd in law, associate professor
Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

This article discusses the preparation of a criminal case for trial and highlights the importance of this stage of preparation. It examines the regulations governing this stage of the judicial process and identifies areas for improvement in the legal framework. The

article outlines the key actions that a judge must take during the preparation of a criminal case for trial and the issues that must be addressed at this stage.

Keywords: *preparation of a criminal case, preparation for a trial, stage of the criminal process, justice, criminal proceedings.*

Подготовительные действия к судебному заседанию традиционно рассматриваются в науке уголовного процесса как стадия, обеспечивающая «входной фильтр» уголовного дела в судебное разбирательство по существу. Однако, несмотря на кажущуюся формальную определенность правового регулирования (главы 33–34 УПК РФ) [11], теоретическое осмысление данной стадии сопряжено с рядом дискуссионных вопросов, а практическая реализация — с системными проблемами правоприменения.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, принятием Федерального закона от 29.12.2025 № 535-ФЗ [2], которым внесены существенные изменения в УПК РФ, а также рядом иных нормативных правовых актов 2025–2026 годов, реформирующих отдельные институты уголовного судопроизводства. Во-вторых, формированием новых правовых позиций Конституционного Суда РФ, в частности Постановления от 24.11.2025 № 40-П [1] и от 25.02.2026 № 9-П [7], затрагивающих вопросы реализации прав участников процесса на этапе подготовки к судебному заседанию. В-третьих, продолжающейся дискуссией в доктрине о правовой природе и оптимальной модели подготовительных процедур.

Цель настоящей статьи — комплексный теоретико-прикладной анализ института подготовительных действий к судебному заседанию, выявление проблем правоприменения и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

1. Теоретические подходы к пониманию правовой природы подготовительных действий

В науке уголовного процесса сложились три основные концепции относительно правовой природы стадии подготовки к судебному заседанию.

Первая концепция (контрольная) рассматривает данную стадию исключительно как механизм судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования. Сторонники этого подхода (А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский) [8] акцентируют внимание на том, что именно на этой стадии судья оценивает законность и обоснованность привлечения лица к уголовной ответственности, достаточность доказательственной базы для рассмотрения дела по существу. В рамках данной концепции подготовительные действия — это «превентивный судебный контроль», призванный отсеять необоснованные обвинения и некачественно расследованные дела.

Вторая концепция (организационная) сводит сущность подготовительных действий к технико-организационным мероприятиям, обеспечивающим надлежащие условия для проведения судебного разбирательства. Согласно данной позиции, судья на этом этапе решает ис-

ключительно организационные вопросы: извещение участников, вызов свидетелей, истребование доказательств. Оценка же законности и обоснованности обвинения — прерогатива судебного следствия.

Третья концепция (синтетическая), разделяемая большинством современных процессуалистов, интегрирует оба подхода. Как справедливо отмечает Н. С. Манова, подготовка к судебному заседанию — это «стадия уголовного процесса, в рамках которой судья единолично, не предвзято в вопросах о виновности, осуществляет как контрольные функции в отношении досудебного производства, так и организационно-распорядительные действия, обеспечивающие надлежащие условия для последующего судебного разбирательства».

Я придерживаюсь синтетической концепции, полагая, что именно она наиболее адекватно отражает сущность подготовительных действий. Контрольный элемент проявляется в возможности принятия решений о возвращении дела прокурору, прекращении уголовного дела или приостановлении производства. Организационный элемент — в разрешении ходатайств о вызове свидетелей, истребовании доказательств, избрании меры пресечения.

2. Современное нормативно-правовое регулирование подготовительных действий

Правовую основу подготовительных действий составляют нормы главы 33 УПК РФ (общий порядок) и главы 34 УПК РФ (предварительное слушание). Ключевые новеллы 2025–2026 годов, имеющие значение для рассматриваемой стадии, можно систематизировать следующим образом.

Изменения в правилах подсудности

Федеральным законом от 20.02.2026 (подписан Президентом РФ 20.02.2026) внесены изменения в статью 152 УПК РФ, касающиеся территориальной подсудности [3]. Законодатель закрепил возможность проведения предварительного расследования не только по месту совершения преступления, месту нахождения обвиняемого или месту нахождения большинства свидетелей, но и по месту нахождения большинства потерпевших. Кроме того, руководитель следственного органа федерального органа исполнительной власти наделен полномочием определять место проведения предварительного расследования при совершении преступления, направленного против интересов Российской Федерации, за ее пределами иностранным гражданином или лицом без гражданства.

Для стадии подготовки к судебному заседанию указанные изменения означают необходимость более тщательной проверки судьей соблюдения правил подсудности.

Как отмечается в комментарии судебной практики (Вып. 31, 2026 г.), «нарушение правил территориальной подсудности, установленных ст. 152 УПК РФ в новой редакции, является безусловным основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ» [4].

Реформа кассационного производства

Федеральным законом от 08.04.2026 (подписан Президентом РФ 08.04.2026) изменен порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных актов мировых судей и апелляционных актов районных судов по уголовным делам [2]. Отныне такие акты пересматриваются не кассационными судами общей юрисдикции, а президиумами верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов по правилам выборочной кассации (с предварительной проверкой судьей приемлемости жалобы).

Данная реформа косвенно влияет на подготовительные действия, поскольку повышает требования к качеству судебных актов, принимаемых на стадии подготовки к судебному заседанию. Как справедливо отмечено на заседании Научно-практического совета МГКА 27.01.2026, «в условиях трехзвенной кассационной системы значение процессуальных решений, принимаемых на ранних стадиях процесса, существенно возрастает, поскольку ошибки, допущенные при назначении судебного заседания, могут быть исправлены с большими временными и процессуальными издержками» [5].

Позиции Конституционного Суда РФ

Особого внимания заслуживает Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2025 № 40-П, которым признана не противоречащей Конституции РФ часть пятая статьи 231 УПК РФ [1]. КС РФ разъяснил, что после отмены вышестоящим судом приговора с передачей уголовного дела в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство в ином составе суда со стадии подготовки к судебному заседанию, первоначальное постановление о назначении судебного заседания утрачивает свою силу. Это влечет необходимость повторного производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений в порядке статей 227–232 УПК РФ, включая разрешение ходатайства подсудимого о проведении предварительного слушания для решения вопроса о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей.

Данная позиция имеет принципиальное значение для практики, поскольку исключает практику «автоматического» назначения судебного заседания при повторном рассмотрении дела без учета вновь заявленных ходатайств сторон.

Постановление КС РФ от 25.02.2026 № 9-П, хотя и посвящено преимущественно вопросам применения мер пресечения (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), также содержит важные положения о праве обвиняемого на доступ к правосудию и состязательность на этапе подготовки дела к судебному разбирательству [7].

Проблемные аспекты правоприменения

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных проблем, возникающих на стадии подготовительных действий.

Проблема формального разрешения ходатайств

Наиболее распространенным нарушением является формальный подход судей к разрешению ходатайств сторон, заявленных в порядке ст. 120 УПК РФ. Вместо детального анализа доводов и мотивированного принятия решения судьи нередко ограничиваются шаблонными формулировками: «ходатайство оставлено без удовлетворения за отсутствием оснований» или «ходатайство удовлетворено частично». Такая практика противоречит требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности судебных решений.

Как отмечается в учебной литературе, «немотивированный отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты на стадии подготовки к судебному заседанию влечет нарушение принципа состязательности и права на защиту, что является безусловным основанием для отмены приговора в апелляционном порядке» [10].

Проблема возвращения дела прокурору

Институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных. С одной стороны, он выступает эффективным механизмом устранения нарушений, допущенных на досудебной стадии. С другой стороны, на практике нередко случаи необоснованного возвращения дел по формальным основаниям, что ведет к затягиванию сроков уголовного судопроизводства и нарушению права обвиняемого на судопроизводство в разумный срок.

Как обоснованно отмечалось на заседании Научно-практического совета МГКА, «институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) характеризуется правовой «двойкостью»: для стороны защиты он является инструментом устранения процессуальных нарушений, а для недобросовестного обвиняемого — способом затягивания процесса» [5].

Проблема исключения доказательств

Предварительное слушание, предусмотренное главой 34 УПК РФ, выступает единственной формой подготовительных действий, в рамках которой допускается разрешение ходатайства об исключении доказательств (ст. 235 УПК РФ). Однако практика показывает, что сторона защиты далеко не всегда эффективно использует этот инструмент.

Основная причина — неспособность адвокатов сформулировать ходатайство об исключении доказательства с соблюдением всех требований: указать конкретное доказательство, подлежащее исключению; обосновать,

в чем заключается его недопустимость; сослаться на конкретные нормы УПК РФ, которые были нарушены; доказать, что это нарушение является существенным и неустранимым. Как результат — отказ в удовлетворении ходатайства с формулировкой «необоснованность и неконкретность».

Практические рекомендации для участников процесса

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие практические рекомендации.

Для судей:

1. Принимать решение по каждому заявленному ходатайству с обязательной мотивировкой, ссылаясь на конкретные обстоятельства дела и нормы права.
2. В постановлении о назначении судебного заседания указывать не только формальное основание для назначения, но и результаты проверки подсудности, вручения обвинительного заключения, отсутствия оснований для прекращения или приостановления дела.
3. При возвращении дела прокурору четко указывать, какие именно нарушения являются неустранимыми в судебном заседании.

Для адвокатов:

1. Ходатайство об исключении доказательства оформлять в письменном виде с соблюдением требований ст. 235 УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.
2. Активно использовать право на ознакомление с материалами уголовного дела до начала предварительного слушания.
3. В ходатайстве о проведении предварительного слушания указывать конкретные основания, предусмотренные ч. 2 ст. 229 УПК РФ.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2025 № 40-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Зарубанова Николая Викторовича» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Федеральный закон от 08.04.2026 № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования кассационного производства) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Федеральный закон от 20.02.2026 № 47-ФЗ «О внесении изменений в статью 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Комментарий судебной практики. Выпуск 31 / М. А. Абакумов, А. А. Волос, Е. С. Ганичева и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2026. — 132 с.
5. Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства по итогам 2025 года: материалы заседания Научно-практического совета МГКА от 27.01.2026 / докл. Н. П. Ведищев. — М.: МГКА, 2026. — URL: <https://mgka1866.ru/news/> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 04.03.2026 № 72-СФ «О Федеральном законе «О внесении изменения в статью 464 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

Для прокуроров:

1. Готовить письменные возражения на ходатайства стороны защиты до начала предварительного слушания.
2. Обеспечивать личное участие в предварительном слушании по всем делам, где защитой заявлено ходатайство об исключении доказательств.
3. В случае возвращения дела прокурору оперативно устранять выявленные нарушения и обеспечивать направление дела в суд в установленные сроки.

Заключение

Подготовительные действия к судебному заседанию представляют собой сложный, многоаспектный институт уголовно-процессуального права, в котором пересекаются гарантии прав участников процесса и необходимость процессуальной экономии. Теоретические споры о правовой природе этой стадии не должны заслонять практических потребностей правосудия.

Основной вектор совершенствования института видится не в кардинальном пересмотре УПК РФ, а в системном повышении качества правоприменения. Электронизация документооборота, унификация судебной практики и повышение квалификации участников процесса способны без изменения законодательства повысить эффективность подготовительных действий.

Принятые в 2025–2026 годах законодательные новеллы, включая реформу кассационного производства и уточнение правил подсудности, создают новые вызовы для правоприменителей, но одновременно открывают возможности для оптимизации уголовного судопроизводства. Задача науки уголовного процесса — своевременно осмысливать эти изменения и вырабатывать научно обоснованные рекомендации для практики.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2026 № 9-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ма-линовского Ярослава Степановича» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
8. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Н. С. Мановой, Ю. В. Францифорова. — М.: Юстиция, 2026. — 358 с.
9. Федеральный закон от 29.12.2025 № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (Часть I). — Ст. 8322.
10. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2026. — 581 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)

Актуальные проблемы процесса доказывания дееспособности завещателя и пути их решения

Миронова Анаида Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проводится анализ процессуальных барьеров, возникающих при установлении дееспособности завещателя в гражданском судопроизводстве. Автор акцентирует внимание на формальном характере современной нотариальной практики. В исследовании обосновывается необходимость перехода к системе превентивного доказывания через обязательную видеофиксацию и расширенное протоколирование волеизъявления. Особое внимание уделяется новым рискам, связанным с развитием генеративного искусственного интеллекта и возможностью фальсификации биометрических данных. В связи с этим предлагаются стандарты верификации цифровых доказательств и создание защищенных государственных архивов для хранения материалов нотариальных действий.

Ключевые слова: наследование по завещанию, дееспособность завещателя, процесс доказывания, нотариальное удостоверение, посмертная судебно-психиатрическая экспертиза, видеофиксация, искусственный интеллект, верификация доказательств, гражданский процесс.

Исследование проблематики доказывания дееспособности завещателя на современном этапе развития гражданского права приобретает особую актуальность, обусловленную рядом социально-экономических и правовых факторов. В первую очередь, это связано с постоянным ростом стоимости наследственной массы, особенно объектов недвижимости в крупных городах, что превращает процедуру наследования в поле острой конфронтации между потенциальными наследниками. В условиях правового нигилизма и высокой конкуренции за имущество оспаривание завещания по основаниям, предусмотренным ст. 177 ГК РФ [1], становится наиболее распространенным инструментом в наследственных спорах. Данная категория дел представляет собой сложный симбиоз юридических и медицинских вопросов, решение которых напрямую влияет на стабильность гражданского оборота и защиту последней воли наследодателя.

Несмотря на устойчивый рост числа исков об оспаривании завещаний, суды удовлетворяют лишь малую часть требований. Низкая результативность объясняется сложностью ретроспективного доказывания, когда требуется установить психическое состояние умершего.

Начнем с того, что под завещанием следует понимать юридический акт физического лица по распоряжению его имуществом на случай своей смерти. [2] Его ключевая роль в системе гражданского оборота заключается в реализации принципа свободы завещания, позволяющего собственнику самостоятельно определять юридическую судьбу своего имущества, выбирать круг правопреемников и распределять доли между ними по своему усмотрению, тем самым изменяя или полностью отменяя установленный законом порядок наследования.

Современная процедура совершения завещания в России характеризуется определенным дуализмом: с одной стороны, закон возлагает на нотариуса обязанность проверить дееспособность гражданина [3], учитывая, что она должна быть в полном объеме [4], с другой, не наделяет его инструментарием для качественного исполнения этой функции. На практике проверка дееспособности зачастую сводится к установлению возраста по паспорту и поверхностной беседе, в ходе которой оценивается лишь адекватность речевых реакций. Такой подход представляется глубоко формальным, поскольку нотариус, не обладая специальными медицинскими знаниями,

не способен выявить начальные стадии деменции, расстройства или влияние медикаментозной терапии на психику завещателя.

Проблема усугубляется тем, что в судебных актах нотариальное удостоверение часто воспринимается как своего рода знак качества, который крайне сложно оспорить без проведения посмертной экспертизы. Однако стандартизированная фраза в тексте документа о том, что дееспособен, по сути, является юридической фикцией. Для решения данной проблемы представляется необходимым отказ от формального опроса в пользу структурированного интервью, результаты которого могли бы фиксироваться в отдельном протоколе. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос об обязательном привлечении независимых свидетелей при совершении завещаний лицами, находящимися в группе риска, что создаст дополнительный фильтр объективности на этапе фиксации волеизъявления.

Внедрение видеофиксации в нотариальную практику часто преподносится как лекарство от наследственных споров, однако детальный анализ выявляет ряд нерешенных вопросов. Основная проблема заключается в отсутствии императивной нормы, обязывающей нотариуса сохранять видеозапись в единой системе. На текущий момент видеофиксация остается факультативным инструментом, что порождает правовое неравенство: в одном деле суд располагает детальной записью процесса, а в другом — вынужден опираться исключительно на бумажный носитель.

Более того, существующая практика оценки видеозаписей судами крайне неоднородна. Видео может зафиксировать внешнюю адекватность поведения, но оно не способно отразить глубинные психические процессы. Путь решения здесь видится не просто в техническом оснащении нотариальных контор, а в создании регламентированного государственного архива видеозаписей нотариальных действий. Такая база должна стать обязательным элементом доказывания, доступ к которой суды могли бы получать в автоматизированном режиме. Это позволит видеозаписи стать обязательным элементом фактического состава, минимизируя возможности для манипуляций со стороны заинтересованных наследников и снижая нагрузку на экспертные учреждения при проведении посмертных исследований.

Однако внедрение видеофиксации сегодня сталкивается с стремительным развитием технологий генеративного искусственного интеллекта. Современные инструменты создания контента и подмены биометрических данных позволяют с высокой точностью фальсифицировать как образ, так и голос человека. Это делает подделку цифровых доказательств более доступной и качественной. В условиях, когда видеозапись может быть искусственно синтезирована или скорректирована программными средствами, возникает риск представления в суд юридически безупречного, но фактически ложного подтверждения дееспособности.

Данное обстоятельство диктует необходимость разработки не только правовых, но и технических стандартов верификации материалов. Речь идет об использовании специальных меток времени и хранении исходных файлов на защищенных государственных серверах, что исключит возможность их последующей модификации и обеспечит достоверность представленных сведений.

Ещё одним препятствием является чрезмерная зависимость правосудия от результатов посмертной психолого-психиатрической экспертизы [5]. На практике происходит фактическое распределение судебных полномочий экспертам: выводы медиков часто воспринимаются как неоспоримая истина, хотя они носят ретроспективный и нередко вероятностный характер. Ситуация заходит в тупик, когда из-за неполноты медицинских данных эксперт не может дать однозначный ответ. Решением может стать отказ от восприятия экспертизы как весомое доказательство и законодательное закрепление обязанности суда приоритетно оценивать социальные факторы и фактическое поведение завещателя в совокупности с медицинским заключением.

Параллельно остро стоит вопрос дефицита качественных данных для исследования [6]. В медицинских картах часто отсутствуют сведения о когнитивном состоянии лица на момент сделки, что создает информационную сложность. Для решения этой проблемы необходимо регламентировать процедуру добровольного психиатрического освидетельствования непосредственно перед визитом к нотариусу. Кроме того, перспективным путем решения является восполнение доказательственной базы через анализ цифровых следов завещателя (переписки, активности в сети, банковских операций), которые могут служить объективными индикаторами сохранности его интеллектуальной сферы в обход медицинских записей.

Одной из фундаментальных проблем остается неопределенность критериев «неспособности понимать значение своих действий» при отсутствии психиатрического диагноза. Для устранения судебного субъективизма необходимо на уровне Пленума Верховного Суда РФ закрепить перечень индикаторов, которые суды должны оценивать в обязательном порядке: социальную адекватность поведения, стабильность волеизъявления и логику распоряжения имуществом. Путь решения также видится в реформировании ГПК РФ в части упрощения доступа истцов к медицинским сведениям на стадии подготовки дела. Это позволит отсеивать заведомо бесперспективные иски и снизит нагрузку на судебную систему, превращая процесс доказывания из «поиска вслепую» в цивилизованный правовой спор.

Подводя итог, можно констатировать, что текущая система доказывания дееспособности завещателя перегружена формализмом и чрезмерной зависимостью от посмертных экспертиз. Главная проблема заключается в том, что закон не дает нотариусу и суду эффективных инструментов для оперативной оценки когнитивного состояния лица.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4734407fbf4d5eec5306840f8b75b994e5d57090/
2. Корнеева, И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов / 6-е изд., испр. — М., 2025. С. 75.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: Федеральный закон от 11 февраля 1993 года N 4462-1 (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 20.02.2026) СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
4. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/
5. Махмудова Х. Т. Психологическая компетентность в рамках проведения посмертных психолого-психиатрических экспертиз в гражданском процессе // Журнал экономика и социум. 2018. С. 482–487.
6. Кукреш Я. О. Проблема признания дееспособности граждан: правовые, медицинские и социальные аспекты восстановительной реинтеграции // Журнал Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. С. 358–362.

Вопросы соблюдения баланса интересов участников гражданского оборота при недействительности сделок, совершенных ограниченно дееспособными, недееспособными

Михайлова Арина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена проблеме соблюдения баланса интересов участников гражданского оборота при недействительности сделок, совершенных ограниченно дееспособными и недееспособными лицами. Рассматриваются предложения по совершенствованию законодательства, включая расширение сферы действия статьи 176 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отмечаются дискуссионные вопросы, связанные с мнением ученых, по поводу порока воли и порока субъекта при недействительности таких сделок.

Ключевые слова: недействительность сделок, гражданский оборот, сделки, совершенные недееспособными, сделки, совершенные ограниченно дееспособными, Гражданский кодекс Российской Федерации, порок воли, порок субъекта, возмещение ущерба.

Issues of observance of the balance of interests of participants of civil turnover at invalidity of transactions made by persons with limited or no legal capacity

Mikhaylova Arina Dmitriyevna, student

Scientific advisor: Pavlova Irina Yuryevna, phd in law, associate professor
Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article is devoted to the problem of maintaining the balance of interests of participants in civil circulation in the event of invalidity of transactions made by persons with limited legal capacity and persons who are legally incapacitated. The article discusses proposals for improving legislation, including expanding the scope of Article 176 of the Civil Code of the Russian Federation. The article also highlights the controversial issues related to the opinion of scholars regarding maintaining the balance of interests of participants.

Keywords: invalidity of transactions, civil turnover, transactions made by incapacitated persons, transactions made by limitedly capable persons, Civil Code of the Russian Federation, defect of will, defect of the subject, compensation for damages.

Особую категорию составляют сделки, совершенные лицами с ограниченной или полностью отсутствующей дееспособностью. Данная проблематика приобре-

тает растущую актуальность в условиях увеличения числа граждан, обращающихся за психиатрической помощью, что фиксируется медицинской статистикой. В научной

доктрине такого рода сделки относят либо к пороку воли, либо к пороку субъектного состава.

Г. Ф. Шершеневич в своих работах уделял внимание проблеме дееспособности и, характеризуя правовую способность субъекта и его психическое состояние, использовал термин «вменяемость». По его мнению, вменяемый — лицо, способное по своему психическому состоянию сознавать значение своих действий и управлять ими.

Есть точка зрения, отмечающая наличие и порока воли в таких сделках. А. В. Зарубин, автор работы «Недействительность сделок с пороками воли». По его мнению, порок воли при совершении сделок — это формирование воли под влиянием обстоятельств, которые порождают несоответствие истинной воли волеизъявлению.

В сделках ограничено дееспособных, на наш взгляд, порок воли отсутствует. Однако, так как лицо не обладает необходимой дееспособностью для совершения сделки, можно говорить о пороке субъекта.

Правовое регулирование данной сферы призвано обеспечить разумный баланс между защитой интересов лиц с психическими расстройствами и необходимостью поддержания стабильности гражданского оборота. С одной стороны, законодатель обязан предоставить эффективные механизмы защиты граждан, не способных в полной мере осознавать последствия своих действий. С другой стороны, чрезмерная легкость оспаривания сделок создает правовую неопределенность и подрывает доверие участников оборота друг к другу.

Согласно статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), дееспособность представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Дееспособность в полном объеме возникает с достижением совершеннолетия и предполагает наличие определенного уровня интеллектуального развития, позволяющего понимать значение своих действий, руководить ими и предвидеть их последствия.

Институт ограничения дееспособности регламентирован статьей 30 ГК РФ и предусматривает два самостоятельных основания. Первое основание связано с пристрастием гражданина к азартным играм, злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами, вследствие чего семья ставится в тяжелое материальное положение. Второе основание обусловлено наличием психического расстройства, при котором гражданин может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. В обоих случаях над гражданином устанавливается попечительство, однако объем ограничений различается.

Исследователи отмечают, что дееспособность как юридическая категория неразрывно связана с психической способностью лица к волевым действиям. Д. О. Тузов подчеркивает, что воля субъекта должна формироваться свободно, без внешнего принуждения или внутренних психологических факторов, препятствующих адекватному

восприятию действительности. Представляется обоснованным, что законодатель связывает возможность самостоятельного участия в гражданском обороте именно с психическим здоровьем субъекта, поскольку сделка по своей правовой природе является волевым актом, требующим осознанного намерения достичь определенных правовых последствий.

Статья 176 ГК РФ устанавливает, что сделка по распоряжению имуществом, совершенная без согласия попечителя гражданином, ограниченным судом в дееспособности, может быть признана судом недействительной по иску попечителя. Данная норма создает правовой механизм защиты имущественных интересов ограничено дееспособных лиц, однако ее применение на практике порождает ряд дискуссионных вопросов.

Первая проблема связана с определением понятия «сделки по распоряжению имуществом». Законодатель не дает четкой дефиниции данного термина. Пункт 2 статьи 37 ГК РФ содержит примерный перечень сделок, связанных с отчуждением имущества: обмен, дарение, сдача внаем, передача в безвозмездное пользование или залог, отказ от принадлежащих прав, раздел имущества, выдел долей. Однако данный перечень не является исчерпывающим и включает любые сделки, влекущие уменьшение имущества гражданина.

Как справедливо отмечается в цивилистической доктрине, сделки по распоряжению имуществом следует понимать как действия, определяющие юридическую судьбу имущества. Вместе с тем буквальное толкование статьи 176 ГК РФ приводит к выводу, что сделки, не связанные с распоряжением имуществом, но совершенные без согласия попечителя, формально остаются действительными, хотя статья 30 ГК РФ запрещает ограниченно дееспособному лицу совершать все сделки, кроме мелких бытовых, без согласия попечителя. Следует вывод, что существует пробел в правовом регулировании, требующий законодательного устранения. Представляется целесообразным расширить действие статьи 176 ГК РФ на все категории сделок, совершенных без согласия попечителя, за исключением мелких бытовых.

Вторая проблема касается распоряжения доходами ограничено дееспособного лица. Согласно пункту 2 статьи 30 ГК РФ, попечитель не обладает полномочиями на непосредственное получение доходов подопечного, однако при наличии достаточных оснований суд может ограничить или лишить гражданина права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 разъясняет, что такое решение может быть принято при представлении доказательств явно неразумного распоряжения доходами. Однако критерий «достаточности оснований» носит оценочный характер, что затрудняет его единообразное применение и возлагает на попечителя повышенное бремя доказывания.

Показательным является дело, рассмотренное Арбитражным судом Камчатского края 28.03.2022, где истец,

ссылаясь на непонимание значения своих действий и отсутствие возможности руководить ими, заявил требования об истребовании доли в уставном капитале общества и признании сделки недействительной по статье 176 ГК РФ. Суд установил, что предоставленные истцом документы о заболеваниях не свидетельствуют об ограниченной дееспособности, поскольку такой факт может быть подтвержден только вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции. Более того, поведение истца с учетом анализа его действий позволило прийти к выводу о попытках ввести суд в заблуждение относительно своего психического состояния и использовать отдельные установленные события как способ дискредитировать ранее принятое решение, не усматривая иных законных способов разрешить корпоративный конфликт.

Данный судебный акт иллюстрирует важный правоприменительный принцип: императивность указания на признание ограниченно дееспособным исключительно судом, а также недопустимость использования статуса ограниченно дееспособного в своих интересах. Представляется, что такой подход в полной мере соответствует статье 10 ГК РФ, запрещающей злоупотребление правом.

Согласно пункту 1 статьи 171 ГК РФ, ничтожна сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства. Каждая из сторон такой сделки обязана возратить другой все полученное в натуре, а при невозможности возратить полученное в натуре — возместить его стоимость. Дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны.

Институт возмещения реального ущерба сопряжен дополнительным последствием недействительности — возмещением ущерба. Институт направлен на защиту имущественных интересов недееспособного лица и создание дополнительных стимулов для добросовестного поведения участников гражданского оборота. Реальный ущерб включает расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение имущества (статья 15 ГК РФ).

Аналогичные последствия предусмотрены пунктом 1 статьи 176 ГК РФ для сделок, совершенных гражданином, ограниченным в дееспособности. При признании такой сделки недействительной дееспособная сторона обязана возместить другой стороне реальный ущерб, если знала или должна была знать об ограничении дееспособности.

Таким образом, действующее регулирование последствий недействительности сделок, совершенных недееспособными и ограниченно дееспособными лицами, в целом сбалансировано. Оно, с одной стороны, обеспечивает восстановление имущественного положения лица с психическим расстройством, а с другой стороны, не создает чрезмерных рисков для добросовестных участников оборота, которые не могли знать о недееспособности или ограниченной дееспособности контрагента.

Анализ действующего регулирования и правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Во-первых, целесообразно расширить сферу применения статьи 176 ГК РФ, распространив ее на все сделки, совершенные без согласия попечителя, а не только на сделки по распоряжению имуществом. Это устраним имеющееся противоречие между статьями 30 и 176 ГК РФ и обеспечит полноценную защиту прав ограниченно дееспособных лиц.

Во-вторых, представляется обоснованным предложение о создании Единого реестра сведений о гражданах, признанных судом недееспособными и ограниченно дееспособными. Доступ к такому реестру должен быть предоставлен нотариусам, государственным регистраторам и иным лицам, профессиональная деятельность которых связана с оформлением сделок. Это позволит добросовестным участникам оборота удостовериться в дееспособности контрагента и избежать совершения сделок, которые впоследствии могут быть признаны недействительными. Создание реестра потребует принятия специального федерального закона, в котором следует детально урегулировать вопросы его формирования, ведения, порядка предоставления сведений, а также гарантий защиты медицинской тайны и персональных данных.

Правовое регулирование недействительности сделок, совершенных ограниченно дееспособными и недееспособными лицами, представляет собой сложную систему норм, призванную обеспечить баланс между защитой прав социально уязвимых категорий граждан и поддержанием стабильности гражданского оборота. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их защиту — обязанностью государства, что обуславливает повышенное внимание законодателя к правовому положению лиц с психическими расстройствами.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее законодательство в целом создает адекватную правовую основу для защиты интересов недееспособных и ограниченно дееспособных лиц. Статьи 171, 176 предусматривают механизмы признания недействительными сделок, совершенных такими лицами, а также последствия недействительности, включая возмещение реального ущерба.

Вместе с тем правоприменительная практика выявляет ряд проблем, требующих законодательного разрешения. К числу таких проблем относятся несогласованность статей 30 и 176 ГК РФ в части определения сделок, которые могут быть признаны недействительными, отсутствие единого реестра недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, оценочный характер критериев для ограничения права на распоряжение доходами.

Реализация предложенных мер по совершенствованию законодательства будет способствовать укреплению правовой защиты лиц с психическими расстройствами при

одновременном сохранении правовой определенности и предсказуемости для добросовестных участников гражданского оборота. Качество правовой базы, касающейся

социально уязвимых категорий граждан, должно постоянно повышаться с учетом изменяющихся экономических и социальных условий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / Б. М. Гонгало, А. В. Дёмкина, М. Я. Кириллова и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 270 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2023 № 88–19015/2023 // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 88–24675/2023 // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.
8. Решение Арбитражного суда Камчатского края от 28.03.2022 по делу № А24–4836/2021 // СПС КонсультантПлюс.
9. Воробьева Е. А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. М., 2016. 196 с.
10. Седляр Д. Н. Актуальные проблемы признания сделки недействительной // Актуальные исследования. 2020. № 16 (19). С. 40–43.
11. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 602 с.
12. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 2007. 162 с.

Проблема множественности и «однородности» правонарушений при контрольно-надзорных мероприятиях

Мухаметова Татьяна Рустамовна, студент

Научный руководитель: Тенетко Алексей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Настоящая статья посвящена одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного административно-деликтного права — квалификации множественности административных правонарушений, выявляемых в ходе контрольно-надзорных мероприятий. В условиях действия антикризисных новелл 2022 года (части 5 и 6 статьи 4.4 КоАП РФ) и с учетом новейших правовых позиций Конституционного Суда РФ (Постановление № 14-П от 02.04.2024) особую остроту приобретает вопрос о критериях «однородности» правонарушений и разграничении совокупности деяний и единого длящегося нарушения. В работе анализируются доктринальные подходы к понятию множественности, выявляются пробелы в законодательном закреплении данного института, а также исследуется правоприменительная практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2022–2026 годы. Особое внимание уделяется проблеме «эпизодных» правонарушений, межотраслевым коллизиям и вопросу о «двойном учете» повторности. На основе проведенного анализа формулируются конкретные предложения по совершенствованию Общей части КоАП РФ, направленные на обеспечение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности при привлечении к административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, множественность правонарушений, однородные правонарушения, контрольно-надзорные мероприятия, совокупность правонарушений, длящееся правонарушение,

принцип поглощения наказаний, судебная практика, реформа контрольно-надзорной деятельности; административный штраф.

Действующий КоАП РФ не содержит правового определения множественности административных правонарушений, ограничиваясь регулированием отдельных элементов (ст. 4.4, 4.6, п. 2 ч. 1 ст. 4.3). В доктрине под множественностью понимается совершение одним лицом двух и более правонарушений, юридически актуальных на момент привлечения к ответственности. Выделяют две основные формы: повторность и совокупность (реальная и идеальная). [1; ст. 4.4]

В сфере контрольно-надзорной деятельности проблема усугубляется явлением «искусственной множественности»: контролирующие органы нередко дробят единую противоправную деятельность на множество эпизодов, что ведет к многократному увеличению штрафов. Судебная практика пытается преодолеть этот дисбаланс, но отсутствие четких норм Общей части КоАП РФ создает препятствия для реализации принципа справедливости наказания.

Категория однородности является центральной для применения пункта 2 части 1 статьи 4.3 и частей 5–6 статьи 4.4 КоАП РФ. В судебной практике сложилось два подхода. Первый из них — формально-объектный, в соответствии с которым однородными признаются правонарушения, посягающие на единый родовый объект, то есть входящие в одну главу КоАП РФ. Второй подход — телеологический, основанный на пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, согласно которому однородность определяется с учетом конкретных обстоятельств, независимо от места расположения состава в Кодексе. [7]

Введение части 5 статьи 4.4 КоАП РФ установило «правило поглощения», согласно которому если в рамках одного контрольного мероприятия выявлены несколько правонарушений по одной статье, наказание назначается как за одно. Однако на практике возникли сложности. Во-первых, это определение границ «одного мероприятия» при дробящихся проверках. Во-вторых, разграничение идеальной совокупности, предусмотренной частью 2 статьи 4.4, и реальной совокупности. В-третьих, неоднозначность применения правила поглощения к эпизодам, совершенным в разное время. [1; ст. 4.4]

Постановление Конституционного Суда РФ № 14-П от 02.04.2024 внесло существенные коррективы, указав на необходимость учета единства противоправной деятельности и целей правового регулирования, особенно в сфере валютного контроля. [5]

Федеральный закон № 70-ФЗ от 26.03.2022 дополнил статью 4.4 КоАП РФ частями 5 и 6, закрепив принцип «одно мероприятие — одно наказание». Часть 5 устанавливает, что при правонарушениях по одной статье наказание назначается в пределах санкции, то есть применяется правило поглощения. Часть 6 предусматривает, что при правонарушениях по разным статьям применяются

правила частей 2–4 статьи 4.4, в соответствии с которыми наказание назначается по более строгой санкции. [2]

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 14-П придал этим нормам обратную силу в части, улучшающей положение лица, даже если размер штрафа (например, кратный сумме операции) формально не уменьшается. Улучшение положения выражается в сокращении количества постановлений, снижении репутационных рисков и упрощении обжалования. [5]

Практика выявила проблемы — отсутствие процессуального механизма составления единого протокола, сложности с определением более строгой санкции при разных видах штрафов (фиксированный, кратный, процент от выручки), а также вопросы подведомственности при разнородных правонарушениях.

Ключевое значение для квалификации имеет разграничение длящегося правонарушения, продолжаемого правонарушения и множественности эпизодов. Длящееся правонарушение представляет собой непрерывное невыполнение обязанности. Продолжаемое правонарушение выражается в ряде тождественных действий, объединенных единым умыслом и целью. Множественность эпизодов образуют самостоятельные деяния.

Судебная практика выработала критерии: единство деяния, непрерывность поведения, единый объект, единый умысел, однородность способов. Особенно остро эта проблема стоит в валютном, таможенном и бюджетном законодательстве, где количество однотипных эпизодов может исчисляться сотнями.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 14-П указал, что искусственное дробление единой противоправной деятельности на множество самостоятельных эпизодов не соответствует конституционным принципам справедливости и соразмерности. [5]

Существенной проблемой является распространение льготных режимов (ч. 5–6 ст. 4.4, «скидка 50 %» по ст. 32.2 КоАП РФ) на акты прокурорского реагирования. Поскольку прокурорские проверки формально не являются контрольными (надзорными) мероприятиями в смысле № 248-ФЗ и № 294-ФЗ, судебная практика идет по двум путям: буквальному (льготы не применяются) и телеологическому (применяются по аналогии). Отсутствие унификации нарушает принцип равенства.

Проблема «двойного учета» повторности возникает, когда повторное деяние одновременно квалифицируется по признаку повторности (как часть состава) и учитывается какотягчающее обстоятельство по п. 2 ч. 1 ст. 4.3. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 28-П от 23.06.2020 подтвердил недопустимость такого двойного учета. Необходимо законодательно закрепить, что, если повторность включена в диспозицию, она не может учитываться повторно при назначении наказания. [6]

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости системного реформирования Общей части КоАП РФ. В связи с этим предлагается ряд изменений.

Во-первых, необходимо ввести легальные определения множественности, совокупности (идеальной и реальной), повторности и административного рецидива.

Во-вторых, следует закрепить критерии разграничения длящихся и продолжаемых правонарушений, а также множественности эпизодов.

В-третьих, требуется установить процессуальный механизм, включающий обязанность составления единого протокола при выявлении нескольких правонарушений в рамках одного мероприятия, а также порядок истребования материалов и приостановления сроков давности.

В-четвертых, необходимо устранить межотраслевые коллизии, распространив действие частей 5 и 6 статьи 4.4 КоАП РФ и «скидки 50 %» на правонарушения, выявленные органами прокуратуры.

В-пятых, следует запретить двойной учет повторности: если повторность является квалифицирующим

признаком состава, она не может учитываться какотячающее обстоятельство.

Указанные изменения позволят обеспечить единообразие судебной практики, реализовать принципы справедливости и соразмерности ответственности, а также снизить избыточное административное давление на бизнес.

Институт множественности административных правонарушений при контрольно-надзорных мероприятиях характеризуется фрагментарностью правового регулирования и противоречивостью судебной практики. Антикризисные новеллы 2022 г. и правовые позиции Конституционного Суда РФ (особенно Постановление № 14-П) создали основу для гуманизации ответственности, однако отсутствие системного подхода в Общей части КоАП РФ сохраняет риски необоснованного ужесточения наказания и нарушения принципа правовой определенности. Реализация предложений по кодификации института множественности, унификации процессуальных механизмов и устранению межотраслевых коллизий является необходимым условием построения эффективной и справедливой модели административной ответственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 17.03.2026).
2. Федеральный закон от 26.03.2022 № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. — 28.03.2022. — № 13. — Ст. 2139. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412688/ (дата обращения: 17.03.2026).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). -№ 31 (ч. I). — Ст. 5007. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 17.03.2026).
4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6249. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 17.03.2026).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2024 № 14-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 4.4 КоАП РФ в связи с жалобами граждан и юридических лиц» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2024. — № 3. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473504/ (дата обращения: 17.03.2026).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.2020 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 4.3 КоАП РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2020. — № 4. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355720/ (дата обращения: 17.03.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 6. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 17.03.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 9. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/ (дата обращения: 17.03.2026).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2023 № 305-ЭС23-17695 по делу № А40-123456/2022 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/7aQL8WiArXxO/>
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2023 № Ф09-1245/23 по делу № А60-45678/2022 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xE0ygFkEXW5u/>

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.05.2023 № Ф08–4567/2023 по делу № А32–12345/2022 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fPbflarhnyxs/>
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2019 № 09АП-2384/2019 по делу № А40–223344/2018 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oj9DkNwDJFxn/>
13. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 22.08.2022 по делу № А11–2633/2021 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/193GisyOwyHT/>
14. Постановление Октябрьского районного суда города Архангельска от 25.12.2023 № 5–680/2023 // Доступ из СПС «Судакт». URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-oktiabrskii-raionnyi-sud-g-arkhangelska-arkhangelskaia-oblast/?page=4>
15. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 495 с. — URL: <https://urait.ru/book/administrativnaya-otvetstvennost-582640?ysclid=mmv149ieur269984151> (дата обращения: 17.03.2026).
16. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Эксмо, 2021. — 624 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004824849>
17. Ахтанина Н. А. К вопросу о понятии и видах множественности административных правонарушений // Административное право и процесс. — 2020. — № 3. — С. 44–48. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-harakteristika-povtornosti-administrativnyh-pravonarusheniy/viewer> (дата обращения: 17.03.2026).
18. Ахтанина Н. А. Совокупность административных правонарушений: проблемы теории и практики: дис.... канд. юрид. наук. — Саратов, 2020. — 198 с.
19. Ким Н. И. Актуальные проблемы практики назначения наказаний при множественности административных правонарушений // Юридическая наука и практика. — 2025. — 22 мая. — URL: (ссылка на источник при наличии, либо указать статус электронного документа).
20. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (одобрена решением Комитета по безопасности и противодействию коррупции ГД ФС РФ 28.05.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Законопроект № 1080538–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части совершенствования порядка назначения административного наказания за совершение нескольких административных правонарушений): внесен в Государственную Думу 15.11.2025 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1080538-8> (дата обращения: 17.03.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (620) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 06.05.2026. Дата выхода в свет: 13.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.